

Томас Близи

Небесный
лабиринт

Искушение

На свой десятый день рождения Бенни Хоган получает бесценный подарок — начинается ее дружба с одноклассницей Евой Мэлоун. И их самое обыкновенное детство в сонном провинциальном Нокглене превращается в череду ярких событий и приключений. Дочь владельцев магазина мужской одежды, неуклюжая и наивная Бенни и хрупкая и бойкая воспитанница монастыря Ева становятся верными подругами... Им предстоит вместе преодолеть стремительный и нелегкий путь во взрослую жизнь. * * * Десятилетняя дочь владельцев магазина мужской одежды Бенни Хоган из провинциального ирландского Нокглена дружит со своей одноклассницей Евой Мэлоун, воспитанницей местного монастыря. Простосердечная, наивная Бенни и хрупкая, похожая на эльфа Ева находят друг в друге самых отчаянных и верных союзниц, а пора детства расцветивается для них самыми яркими красками. Судьба уготовила им множество встреч, испытаний, искушений...

- [Мейв Бинчи](#)

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Мейв Бинчи

Небесный лабиринт. Испытание

Моему дорогому и любимому Гордону Снеллу

1949

Из кухни доносились невероятные ароматы. Бенни положила ранец и пошла на разведку.

— Торт еще не покрыли глазурью, — объяснила Патси. — Хозяйка сделает это сама.

— Что на нем будет написано? — с жаром спросила Бенни.

— Наверное, «С днем рождения, Бенни», — пожала плечами Патси.

— А может быть, «Бенни Хоган, Десять».

— Никогда не видала таких надписей на торте.

— Я думаю, такие надписи делают, когда день рождения важный. Десять лет — это круглая дата.

— Может быть, — неуверенно ответила Патси.

— А желе готово?

— Желе в чулане. Только не тыкай в него, а то останется отпечаток пальца, и нас всех убьют.

— Не могу поверить, что мне уже десять, — сказала Бенни, довольная собой.

— Да, верно, сегодня большой праздник, — рассеянно ответила Патси, натирая противень куском промасленной бумаги.

— А что делала ты, когда тебе было десять лет?

— Разве не помнишь? У меня все дни были одинаковыми, — почему-то обрадовалась Патси. — В приюте один день похож на другой. Так было до тех пор, пока я не пришла оттуда прямо к вам.

Бенни любила слушать рассказы Патси о приюте. Они оказывались интереснее историй, описанных в книгах. Там была комната с двенадцатью железными койками, хорошие девочки и плохие девочки. Однажды у них нашли в волосах гнид, и всех девочек обрили наголо.

— У вас должны были быть дни рождения, — упрямо сказала Бенни.

— Я их не помню, — вздохнула Патси. — Правда, одна монахиня говорила, что ребенок, родившийся в среду, всегда будет несчастным.

— Это было нечестно.

— Зато я узнала, что родилась в среду... А вот и твоя мать. Иди к ней и не отвлекай меня от работы.

Вошла Аннабел Хоган с тремя тяжелыми сумками в руках. Увидев, что дочь сидит на кухне и болтает ногами, она удивилась.

— Что-то ты рано сегодня... Подожди, сейчас отнесу сумки наверх.

Когда с лестницы донеслись грузные шаги матери, Бенни подбежала к Патси.

— Как ты думаешь, она купила?

— Не спрашивай меня, Бенни. Я ничего не знаю.

— Неправда, знаешь!

— Не знаю. Честное слово.

— Она ездила в Дублин? На автобусе?

— Ничего подобного.

— Но она должна была! — расстроилась девочка.

— Нет. Ее не было совсем недолго... Она ходила в город.

Бенни задумчиво облизала ложку.

— Сырое тесто вкуснее.

— Ты всегда так говорила. — Патси посмотрела на нее с любовью.

— Когда мне будет восемнадцать и я смогу делать все, что мне нравится, то буду есть все свои торты сырыми! — заявила Бенни.

— Не будешь. Когда тебе исполнится восемнадцать, ты станешь беречь фигуру и вообще не будешь есть мучное.

— Я всегда буду любить торт.

— Это ты сейчас так говоришь. Посмотрим, что ты запоешь, когда захочешь, чтобы в тебя влюбился какой-нибудь парень.

— А ты хочешь, чтобы в тебя влюбился какой-нибудь парень?

— Конечно. А как же.

— Какой парень? Я не хочу, чтобы ты ушла от нас.

— Не будет у меня никакого парня. Я — никто. Приличный парень обо мне и не подумает. Я из приюта, у меня нет ни родных, ни прошлого.

— Неправда, у тебя есть прошлое! — воскликнула Бенни. — Им будет с тобой интересно.

Но на продолжение дискуссии уже не было времени. Мать Бенни сняла пальто, вернулась на кухню и начала готовить глазурь.

— Мама, ты сегодня была в Дублине?

— Нет, детка. Мне нужно было подготовиться ко дню рождения.

— Просто я подумала...

— Знаешь, дни рождения сами не устраиваются. — Слова были резкими, но сказаны добродушно. Бенни знала, что мать тоже предвкушает праздник.

— А папа придет домой есть торт?

— Да, придет. Мы пригласили гостей на половину четвертого. Значит, все соберутся только к четырем, пить чай мы сядем не раньше половины шестого, а за торт примемся, когда твой папа закончит работу и вернется.

Отец Бенни владел магазином мужской верхней одежды, стоявшим в центре Ноклена. По субботам там велась самая бойкая торговля: приезжали фермеры из окрестных деревень и приходили мужчины, которых жены посылали к мистеру Хогану или его старому помощнику Майку — портному, работавшему в магазине с незапамятных времен. С тех пор, как молодой мистер Хоган купил этот бизнес.

Бенни обрадовалась — отец придет к чаю, и именно тогда ей будут дарить подарки. Отец сказал, что ее ждет чудесный сюрприз. Бенни знала, что это будет бархатное платье с белым кружевным воротником и туфельки в тон. Она мечтала о таком наряде с самого Рождества, когда была с родителями в Дублине и видела, как девочки танцевали на сцене в розовых бархатных платьях.

Говорили, что такие платья продают в универмаге «Клери», расположенном всего в нескольких минутах ходьбы от Набережной, на которой останавливался нокленский автобус.

Бенни была девочкой высокой и плотной, но считала, что розовое бархатное платье сделает ее такой же изящной, какими были балерины на сцене, а ее ступни в туфельках с

острыми носами и помпонами перестанут казаться большими и плоскими.

Приглашения на день рождения были разосланы десять дней назад. На праздник должны были прийти семь одноклассниц, дочери фермеров, живших в окрестностях Ноклена. И Майра Кэрролл, дочь владельцев бакалеи. У аптекаря Кеннеди имелись только сыновья, а дети доктора Джонсона были слишком малы и тоже не могли прийти. Пегги Пайн, владелица магазина женской одежды, сказала, что может прислать свою племянницу. Бенни заявила, что чужие девочки ей не нужны, и все испытали облегчение, когда услышали, что эта племянница по имени Клодах тоже не захотела идти к незнакомым.

Мать настояла на том, чтобы пригласить Еву Мэлоун. В этом не было ничего хорошего. Ева жила в монастыре и знала все секреты монахинь. Кое-кто в школе говорил: посмотрите, мать Фрэнсис никогда не ругает свою любимицу. Другие заявляли, что монахини вынуждены держать ее из милости, а потому относятся к ней хуже, чем к другим девочкам, родители которых что-то жертвуют на содержание монастыря Святой Марии.

Ева была маленькая и смуглая. Временами она напоминала эльфа; ее острые глаза вечно зыркали туда и сюда. Бенни ее и любила и не любила одновременно. Она завидовала ее быстроте, ловкости и умению лазать по заборам. У Евы была своя комната в монастыре, куда другим девочкам приходиться не разрешалось. Одноклассницы говорили, что в этой комнате есть круглое окно, выходящее на город, и что Ева сидит у него и наблюдает, кто куда пошел и с кем. Она никогда не уезжала на каникулы и все время жила с монахинями. Иногда мать Фрэнсис и мисс Пайн из магазина женской одежды брали ее с собой в Дублин, но Ева никогда не оставалась там на ночь.

Когда однажды школьниц повели на прогулку, Ева показала им один коттедж и сказала, что он был ее домом. Он стоял в гуще домиков, каждый из которых окружал низкий каменный забор. Оттуда было удобно смотреть на раскинувшуюся внизу заброшенную каменоломню. Ева сказала, что когда она станет старше, то будет жить как захочет, не позволит приносить себе молоко, которое оставляют у двери, и не будет пользоваться вешалками. Свою одежду она будет класть прямо на пол, потому что ей так нравится.

Некоторые девочки слегка испугались. Никто не подтвердил рассказ Евы, но никто и не опроверг его. Ева была странная. Она могла придумать что угодно, а когда ей верили, говорила: «Обманули дурака на четыре кулака!»

Бенни не хотела приглашать Еву, но мать впервые в жизни настояла на своем.

— У этой девочки нет дома. Она должна прийти к тебе на праздник.

— Мама, у нее есть дом. Она может бегать по всему монастырю.

— Это не то же самое. Бенни, она придет к тебе. Больше я повторять не буду.

Ева прислала в ответ очень вежливое письмо и сообщила, что с удовольствием принимает приглашение.

— Они научили ее красиво писать, — похвалил Еву отец Бенни.

— Они решили сделать из нее леди, — сказала мать. Но никто из родителей не объяснил, почему это так важно.

— Когда у Евы бывает день рождения, ей дарят только образки и сосуды для святой воды, — сообщила Бенни. — Понимаете, у монахинь больше ничего нет.

— О господи, от этого кое-кто перевернется в гробу на кладбище под тисами, — сказал отец Бенни, тоже не объяснив, почему.

— Бедный ребенок, — вздохнула мать.

— Она что, тоже родилась в среду, как Патси? — захлопала глазами Бенни.

— Почему ты так решила?

— Ребенок, который родился в среду, всегда будет несчастным, — как попугай, повторила девочка.

— Чушь, — отмахнулся отец.

— А в какой день родилась я?

— В понедельник. В понедельник, восемнадцатого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года, — сказала мать. — В шесть часов вечера.

Родители обменялись взглядами, очевидно, вспоминая, как долго они ждали своего первого и, как выяснилось впоследствии, единственного ребенка.

— Ребенок, родившийся в понедельник, бывает красивым, — состроила гримасу Бенни.

— Что ж, это верно, — откликнулась мать.

— Нет никого красивее Мэри-Бернадетты Хоган, почти десятилетней местной прихожанки, — сказал отец.

— У настоящих красавиц бывают светлые волосы, — проворчала Бенни.

— У тебя самые красивые волосы на свете. — Мать провела рукой по ее длинным каштановым локонам.

— Значит, я действительно красивая?

Родители заверили Бенни, что она просто красавица, и девочка решила, что ей купят платье. Сначала она немного волновалась, но теперь была в этом уверена.

На следующий день даже те школьницы, которых не пригласили на праздник, поздравили ее с днем рождения.

— Что тебе подарят?

— Не знаю. Это сюрприз.

— Может быть, платье?

— Да, я думаю, это будет платье.

— Давай, рассказывай.

— Еще не знаю, честное слово. Я увижу его только на дне рождения.

— Его купили в Дублине?

— Наверное.

Внезапно Ева сказала:

— Его могли купить и здесь. В магазине мисс Пайн полно нарядов.

— Не думаю, — помотала головой Бенни.

Ева пожала плечами.

— О'кей.

Другие девочки ушли.

Бенни повернулась к Еве.

— Почему ты сказала, что его купили у мисс Пайн? Ты ничего не знаешь.

— Я сказала «о'кей».

— А тебе самой когда-нибудь покупали платье?

— Да. Однажды мать Фрэнсис купила мне платье у мисс Пайн. Не думаю, что оно было новое. Наверное, кто-то вернул его, потому что в нем что-то было не так.

Ева не оправдывалась. У нее горели глаза; она была готова все объяснить, еще не выслушав обвинения.

— Ты этого не знаешь.

— Нет, но догадываюсь. Матери Фрэнсис просто не хватило бы денег на новое.

Бенни посмотрела на нее с уважением и смягчилась.

— Ну, я тоже не знаю. Только думаю, что они купят мне то красивое бархатное. Но могут и не купить.

— Они все равно купят тебе что-нибудь новое.

— Да, но в бархатном я была бы красавицей, — ответила Бенни. — В бархатном платье все бывают красавицами.

— Не думай об этом слишком много, — предупредила Ева.

— Может быть, ты права.

— Спасибо за приглашение. Я не знала, что нравлюсь тебе, — сказала Ева.

— Да, нравишься. — Бедная Бенни покраснела.

— Хорошо. А ты не передумашь, когда узнаешь меня лучше?

— Нет! Ни за что! — чересчур поспешно воскликнула Бенни.

Ева долго смотрела на нее в упор.

— Ладно, — сказала она. — Увидимся днем.

Утром по субботам девочки ходили в школу. Когда в половине первого прозвучал звонок, все высыпали в школьные ворота. Все, кроме Евы, которая пошла на монастырскую кухню.

— Перед уходом тебя придется накормить повкуснее, — сказала сестра Маргарет.

— Люди не должны думать, что, когда девочка из монастыря Святой Марии приходит к кому-то на чай, она ест все подряд, — добавила сестра Джером. При Еве данную тему старались не затрагивать, но для сестер это было большое событие. Их воспитанницу впервые пригласили на праздник. За нее радовался весь монастырь.

Когда Бенни шла по городу, мистер Кеннеди позвал ее в аптеку.

— Одна птичка принесла мне на хвосте, что сегодня у тебя день рождения, — сказал он.

— Мне десять лет! — похвасталась девочка.

— Знаю. Я помню, как ты родилась. Твои мама и папа были очень довольны. И ничуть не расстроились, что у них родилась девочка.

— Думаете, они хотели мальчика?

— Всякий, у кого есть свое дело, хочет мальчика. Правда, у меня их трое, но я не уверен, что кто-нибудь из них займет мое место. — Он тяжело вздохнул.

— Ну, наверное, мне лучше...

— Нет-нет. Я позвал тебя сюда, чтобы сделать подарок. Вот тебе пакетик ячменного сахара.

— Ох, мистер Кеннеди... — пролепетала ошарашенная Бенни.

— Не стоит благодарности. Ты замечательная девочка. Я всегда говорю себе: «Вот идет славная малышка Бенни Хоган».

На пакетик упал солнечный луч. Бенни оторвала уголок и начала есть лакомство.

Десси Бернс, хозяйственный магазин которого находился рядом с аптекой, одобрительно сказал:

— Ты, Бенни, как и я сам, всегда не прочь поесть. Как поживаешь?

— Мистер Бернс, сегодня мне десять лет.

— Боже мой! Вот здорово! Будь ты на шесть лет старше, я пригласил бы тебя в пивную Ши, посадил к себе на колени и угостил стаканчиком джина.

— Спасибо, мистер Бернс. — Девочка посмотрела на него с опаской.

— Как дела у отца? Только не говори мне, что он нанимает новых продавцов.

Полстраны эмигрирует, а Эдди Хоган решил расширить дело.

У Десси Бернса глазки были маленькие, как у свиньи. Он с нескрываемым интересом смотрел на другую сторону улицы, где находился магазин «Мужская верхняя одежда Хогана». Отец Бенни пожимал кому-то руку — не то мужчине, не то мальчику. Бенни решила, что незнакомцу лет семнадцать. Он был худой и бледный, держал чемодан и смотрел на вывеску над дверью.

— Я ничего об этом не знаю, мистер Бернс, — сказала она.

— Милая девочка, мой тебе совет: держись подальше от бизнеса. От него одно расстройство. Будь я женщиной, ни за что бы им не занимался. Только и знал бы, что целый день есть ячменный сахар.

Бенни пошла дальше и миновала пустой магазин, про который люди говорили, что его хочет открыть настоящий итальянец, приехавший из самой Италии. Рядом была обувная мастерская. Ей помахали Пакси Мур и его сестра Би. У Пак-си была кривая нога. Он не посещал церковь, но говорили, что священники раз в месяц сами приходят к нему, выслушивают его исповедь и отпускают грехи. Бенни слышала, что за таким разрешением они обращались в Дублин (если не в сам Рим); во всяком случае, никто не говорил, что Пакси грешник или не принадлежит к лону римско-католической церкви.

А потом она очутилась у своего дома, который назывался Лисбег. На крыльце сидел их новый пес по кличке Шеп, наполовину колли, наполовину овчарка, и грелся на сентябрьском солнышке.

Через окно был виден накрытый стол. Ради такого случая Патси начистила медную дощечку и дверные ручки, а мать привела в порядок палисадник. Бенни доела ячменный сахар, чтобы ее не обвинили в поедании сладостей на глазах у людей, и вошла в дом с черного хода.

— Это животное и словом не обмолвилось, что ты идешь, — недовольно сказала мать.

— Он не должен лаять на меня. Я своя, — принялась защищать пса Бенни.

— Шеп залает на кого-нибудь только когда рак на горе свистнет... Ну, как дела в школе? Тебя поздравили?

— Да, мама.

— Это хорошо. Потому что когда они придут днем, то вряд ли тебя узнают.

У Бенни все запело внутри.

— Значит, до начала праздника я надену что-то новое?

— Да. Перед приходом гостей ты будешь выглядеть как картинка.

— А можно надеть его сейчас?

— Почему бы и нет? — Судя по всему, матери и самой не терпелось посмотреть на нарядную дочь. — Сначала умоешься, а потом наденешь. Подарок наверху.

Бенни терпеливо стояла в большой ванной и ждала, пока ей потрут шею. Осталось недолго.

Потом девочку повели в спальню.

— Закрой глаза, — сказала мать.

Когда Бенни открыла их, то увидела на кровати толстую темно-синюю юбку и красно-синий свитер с узором острова Фэр^[1]. В коробке лежали крепкие темно-синие ботинки, а рядом с ними — аккуратно сложенные красивые белые носки. Из оберточной бумаги выглядывала маленькая красная наплечная сумка.

— Весь наряд целиком! — воскликнула мать. — Пегги Пайн одела тебя с головы до

ног...

Аннабел отошла немного назад, чтобы увидеть реакцию дочери на подарок.

Бенни потеряла дар речи. Никакого бархатного платья с красивым кружевным воротником. Вместо мягкого бархата, который так приятно гладить, грубая шерсть, напоминающая конский волос. Вместо нежно-розового — практичные темные тона. А обувь! Где туфли с острыми носами?

Бенни закусила губу и не дала воли слезам.

— Ну, что скажешь? — Мать гордо улыбалась. — Папа сказал, что тебе нужно купить ботинки и сумочку, иначе наряд будет неполный. Мол, человеку раз в жизни бывает десять лет. Как-никак, двузначная цифра.

— Красиво, — пробормотала Бенни.

— Замечательный свитер, правда? Я нарочно попросила Пегги подобрать что-нибудь прочное. Сказала, что мне нужна вещь, которая не порвется и не протрется на локтях несколько лет.

— Замечательный, — сказала Бенни.

— Пощупай его, — посоветовала мать.

Но Бенни этого не хотелось. Перед ее глазами еще стоял бархат, который так приятно гладить.

— Мама, я оденусь сама. Потом спущусь и покажу тебе, — сказала она.

Девочка цеплялась за соломинку.

К счастью, у Аннабел Хоган еще была тысяча неотложных дел. Она начала спускаться по лестнице, когда раздался телефонный звонок.

— Это наверняка папа, — довольно сказала она и ускорила шаг.

Бенни рыдала, уткнувшись в подушку, но все же слышала обрывки разговора.

— Эдди, ей очень понравилось. Знаешь, мне даже показалось, что это было уже чересчур. У нее глаза разбежались. Столько вещей! Сумка, ботинки, а вдобавок носки. В ее возрасте дети не привыкли к такому количеству подарков. Нет, еще нет. Она одевается. Ей пойдет...

Бенни медленно встала с кровати и со страхом подошла к гардеробу. Большое зеркало отразило коренастую девочку в рубашке и панталонах, с натертой докрасна шеей и красными от слез глазами. Никто и не собирался наряжать ее в розовое бархатное платье и туфельки с острыми носами... Почему-то она вспомнила серьезное маленькое лицо Евы Мэлоун, которая уговаривала ее не слишком мечтать о платье из Дублина.

Наверное, Ева все знала с самого начала. Может быть, она была в магазине, когда мама покупала всё это... все эти ужасные вещи. Как обидно, что Ева знала об этом раньше, чем она сама. Но у Евы никогда не было ничего нового. Ева знала, что платье, в котором она придет сегодня на день рождения, кто-то отверг. Бенни вспомнила ее слова «они все равно купят тебе что-нибудь новое» и поклялась, что родители никогда не узнают о том, как она разочарована. Никогда.

Остаток дня Бенни запомнился плохо, потому что она была жестоко разочарована. Девочка помнила, что в начале праздника произносила правильные слова, издавала правильные звуки и двигалась как кукла. Майра Кэрролл пришла в нарядном платье с шелестящей нижней юбкой. Его прислали из Америки.

Были какие-то игры с призами для всех. Мать Бенни купила в магазине Берди Мак

несколько пакетиков со сладостями, каждый в обертке своего цвета. Дети ели с удовольствием, но разрезание торта было решено отложить до прихода с работы отца Бенни.

Они слышали, как зазвонили церковные колокола. Этот протяжный звон раздавался над Нокленом дважды в день — в полдень и в шесть вечера. Колокола призывали к молитве и позволяли точно определять время. Но отца Бенни все не было.

— Надеюсь, Эдди не заболтался с покупателем. Неужели он забыл, какой сегодня день?

— Ничего подобного, мэм. Похоже, он уже идет. Шеп встал и потянулся. Это означает, что хозяин идет домой.

Действительно, отец вошел через полминуты и тревожно спросил:

— Я не опоздал? Ничего не пропустил?

Его усадили, дали чашку чая и сосиску с булочкой. Тем временем дети собрались, а Аннабел для пушего эффекта задернула шторы.

Бенни пыталась не обращать внимания на прикосновение к шее грубошерстного свитера. Старалась искренне улыбаться отцу, который прибежал из магазина, боясь пропустить зрелище.

— Тебе нравится наряд... твой первый полный наряд? — спросил он.

— Папа, он очень красивый. Ты же видишь, я в нем.

Другие дети, жившие в Ноклене, на первых порах хихикали, когда Бенни говорила «папа». Они называли своих отцов «дэдди» или просто «да». Но теперь к этому привыкли. Тут было так принято. Бенни была единственной, кто не имел братьев и сестер; большинству приходилось делить маму и папу с пятью-шестью другими отпрысками. Один ребенок в семье был редкостью. Собственно, такой была только Бенни. И, конечно, Ева Мэлоун. Но Ева не считалась. У нее вообще не было родных.

Когда внесли торт, Ева стояла рядом с Бенни.

— Неужели это все тебе? — со священным ужасом прошептала она ей на ухо.

Платье, в котором пришла Ева, было больше на несколько размеров. Сестра Имельда — единственная в монастыре, которая умела управляться с иголкой — слегла, так что ушить платье было некому. Оно висело на девочке, как занавеска.

В пользу платья можно было сказать только одно: оно красное и явно новое. Восхищаться и расхваливать было нечего, но казалось, что Ева Мэлоун выше этого. То, как она стояла в длинном мешковатом платье, добавляло Бенни смелости. По крайней мере, ее собственный ужасный наряд был ей по размеру. Конечно, он ничем не напоминал обычное нарядное платье, не говоря о платье ее мечты, но выглядел вполне прилично, в отличие от платья Евы. Бенни расправила плечи и вдруг улыбнулась маленькой Еве.

— Остатки возьмешь с собой, — сказала она.

— Спасибо. Мать Фрэнсис с удовольствием съест кусочек торта.

И это произошло. Зажгли свечи, затем все спели «С днем рожденья тебя», именинница набрала в рот побольше воздуха и задула пламя. Потом дети захлопали, а когда шторы раздвинули снова, Бенни увидела худого юношу, которому ее отец пожимал руку. Он был слишком стар для дня рождения. Должно быть, его пригласили пить чай со взрослыми, которые должны были прийти позже. Он очень худой и бледный, с пронизывающим и холодным взглядом.

— Кто это был? — спросила Ева у Бенни в понедельник.

— Новый продавец, который будет работать в магазине моего отца.

— Страшный, правда?

Теперь они были подругами и во время перемены вместе сидели на каменном парапете, ограждавшем двор школы.

— Да. Думаю, все дело в его глазах.

— Как его зовут? — спросила Ева.

— Шон. Шон Уолш. Он собирается жить над магазином.

— Фу! — воскликнула Ева. — Значит, он будет ходить к вам есть?

— Слава богу, нет. Это единственное утешение. Мать пригласила его в воскресенье на ленч, а он прочитал целую речь о том, что не хочет отваживаться или как-то в этом роде...

— Одалживаться.

— Да, как-то так. В общем, он сказал, что не будет этого делать. Наверное, он имел в виду еду. Сказал, что сам будет заботиться о себе.

— Вот и хорошо, — кивнула Ева.

— Мама сказала... — нерешительно начала Бенни.

— Да?

— Если ты захочешь прийти к нам еще раз в удобное для тебя время, это будет... это будет хорошо.

Бенни говорила ворчливо, словно боялась, что приглашение отвергнут.

— С удовольствием, — ответила Ева.

— В будний день ты можешь прийти к чаю, а в субботу или воскресенье — к обеду.

— Я приду в воскресенье. Понимаешь, по воскресеньям в монастыре очень тихо. Все сестры молятся.

— Ладно, я скажу ей. — Насупленные брови Бенни приняли прежнее положение.

— Правда, есть одна вещь...

— Какая? — Бенни не понравилось выражение лица Евы.

— Я не смогу пригласить тебя к себе. Понимаешь, в нашу трапезную приводить посторонних нельзя.

— Это не имеет никакого значения. — У Бенни отлегло от сердца. Единственное препятствие оказалось пустяком.

— Конечно, когда я вырасту и буду жить в своем коттедже, то смогу пригласить тебя в гости, — серьезно сказала Ева.

— Это действительно твой коттедж?

— Я же сказала! — вспыхнула Ева.

— Может быть, это твой дом понарошку, — принялась оправдываться Бенни.

— Как это понарошку? Он мой. Я родилась там. Он принадлежал моей матери и моему отцу. Они оба умерли. Значит, дом мой.

— А почему ты не можешь жить там сейчас?

— Не знаю. Сестры говорят, я слишком маленькая, чтобы жить одной.

— Конечно, чтобы жить одной, ты слишком маленькая, — подтвердила Бенни. — Но почему ты не можешь туда приходить?

— Мать Фрэнсис говорит, что коттедж — это вещь серьезная. Называет его моим наследством. Говорит, что я не должна обращаться с ним как с кукольным домиком. Мол, это не игрушка.

Девочки на мгновение задумались.

— Может быть, она права, — пробормотала Бенни.

— Наверное.

— Ты заглядывала в его окна?

— Да.

— Из дома никто не выходил и не ругал тебя?

— Нет. Туда вообще никто не ходит.

— Почему? Оттуда открывается красивый вид на каменоломню.

— Они боятся заходить в коттедж. Там умерли люди.

— Люди умирают всюду, — пожалала плечами Бенни.

Ева обрадовалась.

— Ты права. Я об этом не подумала.

— А кто умер в этом коттедже?

— Моя мать. А немного позже — отец.

— Ох...

Бенни растерялась. Ева в первый раз что-то рассказала о своей прежней жизни. Если кто-то задавал девочке вопросы, она обычно уходила с видом, который означал «не лезь не в свое дело».

— Но их нет в коттедже, сейчас они на небе, — в конце концов сказала Бенни.

— Да, конечно.

Похоже, настал очередной тупик.

— Я бы с удовольствием как-нибудь сходила с тобой и заглянула в окна.

Ева хотела что-то ответить, но тут к ним подошла Майра Кэрролл.

— Отличный был день рождения, Бенни, — сказала она.

— Спасибо.

— Правда, я не ожидала, что увижу там такое платье.

— Ты о чем? — спросила Бенни.

— Ну, Ева была в таком потрясающем платье. В длинном красном. Такое не каждый день увидишь, правда, Ева?

Лицо Евы напряглось и стало таким же, каким было прежде. Бенни это очень не понравилось.

— Я подумала, что оно очень необычное, — с легкой улыбкой сказала Майра. — Мы все обсуждали его по дороге домой.

Бенни обвела взглядом двор. Мать Фрэнсис смотрела в другую сторону.

Бенни Хоган быстро прыгнула с забора и всей тяжестью обрушилась на Майру Кэрролл. Та упала и покатила по земле.

— Майра, ты не ушиблась? — с фальшивым сочувствием спросила Бенни.

Мать Фрэнсис побежала к ним. Ее облачение развевалось на ветру.

— Что случилось, детка? — Она попыталась поднять Майру на ноги.

— Бенни... толкнула меня... — с трудом переводя дыхание, ответила Майра.

— Мать, мне очень жаль. Я такая неуклюжая. Я просто прыгнула с забора.

— Ладно, ладно. Кажется, кости целы. Принесите ей табуретку. — Мать Фрэнсис возилась с отдувавшейся Майрой.

— Она сделала это нарочно.

— Тише, тише, Майра. Вот табуретка. Присядь.

Майра заплакала.

— Мать Фрэнсис, она рухнула на меня как куча кирпичей... Я только сказала...

— Мать, Майра сказала, что ей очень понравился мой день рождения. Мне очень жаль, — быстро перебила ее Бенни.

— Да. Бенни, тебе следует быть осторожнее. Не надо так прыгать. Все, Майра, хватит хныкать. Это нехорошо. Бенни перед тобой извинилась. Ты знаешь, что так вышло случайно. А теперь ступай и веди себя как большая.

— Я никогда не буду такой большой, как Бенни Хоган. И никто не будет.

Тут мать Фрэнсис рассердилась.

— Хватит, Майра Кэрролл. С меня достаточно. Возьми табуретку, ступай в раздевалку и сиди там, пока я тебя не вызову.

Мать Фрэнсис отвернулась и позвонила в колокольчик, давая знак, что перемена окончена. Никто не сомневался, что так и будет.

Ева долго смотрела на Бенни и молчала. А потом проглотила комок в горле.

Растерявшаяся Бенни только пожалала плечами и развела руками.

Неожиданно Ева сжала ее руку.

— Когда-нибудь я стану большой и сильной и тоже заступлюсь за тебя, — сказала она. — Запомни мои слова, так и будет.

— Расскажите мне про Еву и ее родителей, — однажды вечером попросила Бенни.

— Ох, это было давно, — ответил отец.

— Но я этого не знаю. Меня тогда еще не было.

— Не стоит ворошить прошлое.

— Она моя подруга. Я хочу знать о ней все.

— Она не всегда была твоей подругой. Мне пришлось просить, чтобы ты пригласила ее на день рождения, — сказала мать.

— Не может быть. — Бенни уже не верилось, что все было именно так.

— Я рад, что Ева в воскресенье придет к нам обедать, — сказал Эдди Хоган. — Жаль, что мы не можем убедить этого заморыша из магазина прийти тоже. Мальчик твердо решил не вторгаться к нам, как он это называет.

Услышав это, Бенни обрадовалась.

— Эдди, он хорошо работает?

— Лучше не бывает, милая. Для нас это настоящее благословение. Он учится всему с таким же остервенением, как Шеп. Все повторяет так, словно хочет запомнить на всю жизнь.

— Майку он нравится? — поинтересовалась Аннабел Хоган.

— Ты же знаешь Майка, ему не нравится никто.

— И что именно ему не нравится?

— То, что Шон ведет учет. О господи, это совсем просто и по силам даже ребенку, но старый Майк все принимает в штыки. Говорит, что помнит мерки каждого, сколько они заплатили и что купили. И считает, что тот, кто это записывает, наносит ему личное оскорбление.

— Мама, а разве ты не можешь вести учет? — внезапно спросила Бенни.

— Нет, не могу.

— Но если это так просто, как говорит папа...

— Бенни, мама может это делать, но она должна заботиться о доме и о нас с тобой.

— О доме могла бы заботиться Патси. А если бы учет вела мама, тебе не пришлось бы

платить Шону.

— Глупости, Бенни, — ответил отец.

Но это девочку не остановило.

— Почему? Майку понравилось бы, если бы в магазине была мама. Майк любит маму, а маме весь день было бы что делать.

Родители засмеялись.

— Хорошо быть ребенком, — сказал отец.

— Только дети думают о том, чем занять день, — подтвердила Аннабел.

Но Бенни лучше всех знала, что день матери отнюдь не заполнен. Она считала, что в магазине мать была бы на своем месте, но стало ясно, что слушать дочь не собираются.

— Как умерли родители Евы? — повторила девочка.

— О таких вещах не говорят.

— Почему? Их убили?

— Конечно, нет, — нетерпеливо ответила мать.

— Но тогда почему?..

— «Почему, почему»... — передразнил Бенни отец. — О господи...

— В школе нам говорят, чтобы мы всегда спрашивали, почему. Мать Фрэнсис говорит, что чему-то научиться может только любопытный человек! — гордо заявила Бенни.

— Мать Евы умерла во время родов. А чуть позже ее отец, помилуй его Господь, потерял рассудок и прыгнул со скалы в каменоломню.

— Разве это не грех отчаяния? — Глаза Бенни округлились от ужаса.

— Да, история грустная. Но это случилось давно. Почти десять лет назад. Не стоит ворошить прошлое.

— Нет, дело не только в этом. Тут есть какая-то тайна.

— Нет никакой тайны, — честно ответил отец. — Ее мать была очень богатой женщиной, а отец — мастером на все руки. Он работал в монастыре и немного помогал в Уэстлендсе. Тогда об этом было много разговоров.

— Но ни тайны, ни скандала не было. — Лицо Аннабел Хоган избородили тревожные морщины. — Они поженились. Обвенчались в католической церкви.

Бенни почувствовала, что ставни закрылись. Пришлось признать свое поражение.

Но позже она обратилась к Патси.

— Не надо спрашивать меня за спиной родителей.

— Я и не спрашиваю. Я спросила их, и они ответили. Мне просто хотелось выяснить, а вдруг ты знаешь что-то еще. Вот и все.

— Это случилось еще до моего прихода, но мне кое-что рассказывала Би Мур, сестра Пакси... Понимаешь, она работает в Уэстлендсе.

— И что ты слышала?

— Что отец Евы совершил на похоронах что-то ужасное. Ругался и проклинал...

— Ругался и проклинал? В церкви?

— Ну, не в нашей, не в настоящей церкви, а в протестантской, но это тоже было нехорошо. Понимаешь, мать Евы из Уэстлендса. Из Большого Дома. Она принадлежала к богатой семье, но бедный Джек — так звали отца Евы — считал, что там к ней плохо относятся...

— Дальше, дальше!

— А больше я ничего не знаю, — сказала Патси. — Но не вздумай спрашивать эту

бедную девочку. Люди, оставшиеся без родителей, не любят, когда им задают слишком много вопросов.

Бенни поняла, что это относится не только к Еве, но и к самой Патси.

Мать Фрэнсис была довольна крепнувшей дружбой девочек, но она слишком долго работала с детьми, чтобы говорить об этом.

— Опять собираешься к Хоганам? — деланно небрежно спросила она.

— Вам это не нравится? — возразила Ева.

— Нет. Не могу сказать, что не нравится. — Монахиня тщетно пыталась скрыть свою радость.

— Не думайте, что мне хочется сбежать отсюда, — серьезно сказала Ева.

Матери Фрэнсис захотелось взять девочку на руки, как она часто делала, когда Ева была малышкой, в силу обстоятельств отданной на попечение монахинь.

— Нет, детка, конечно, нет. Каким бы странным ни был наш монастырь, это твой дом.

— Мне всегда было здесь хорошо.

Глаза монахини наполнились слезами:

— В каждом монастыре должен быть ребенок. Не знаю, как мы жили без этого, — небрежно сказала она.

— Разве я не доставила вам множество хлопот, когда попала сюда?

— Ты сама знаешь, что стала нашим благословением. Эти десять лет были лучшими в истории монастыря Святой Марии.

Мать Фрэнсис стояла у окна и следила за тем, как маленькая Ева без провожатых шла по длинной монастырской аллее на воскресный ленч к Хоганам. Она молилась, чтобы там Еву не обидели, чтобы Бенни не передумала и не нашла себе другую подружку.

Монахиня вспоминала, какую битву за эту девочку ей пришлось выдержать. Были и другие варианты. В Англии жила двоюродная сестра матери Евы, которая могла бы взять ребенка и раз в неделю водить его в католическую церковь. О супругах Хили, приехавших строить гостиницу, поговаривали, что они могут остаться бездетными. Эти люди с радостью заботились бы о Еве даже в том случае, если бы потом у них появились собственные дети. Но мать Фрэнсис, как тигрица, сражалась за младенца, которого забрала из коттеджа Мэлоунов в день его рождения. За младенца, за которым монахини ухаживали вплоть до вынесения окончательного решения его судьбы. Никто не думал, что однажды темной ночью Джек Мэлоун решит броситься со скалы в каменоломню. После этого ни у кого не было на Еву больше прав, чем у приютивших ее сестер.

Для Евы это был первый из многих воскресных обедов в Лисбеге. Она любила ходить туда. Каждую неделю приносила цветы, которые можно было поставить в вазу. Мать Фрэнсис посоветовала ей ходить по длинной извилистой тропинке за монастырем и собирать полевые цветы и палые листья. Сначала монахиня репетировала с ней составление букета, чтобы потом девочка могла сделать то же самое у Хоганов, но через несколько недель Ева ощутила уверенность в себе. Девочка приносила охапку разноцветных листьев и раскладывала их на столе в коридоре. Это превратилось в ритуал. Патси готовила вазы заранее и гадала, что именно сегодня принесет Ева.

— Красивый у вас дом, — с завистью говорила она. Аннабел Хоган довольно улыбалась и радовалась, что сумела подружить девочек.

Ева спрашивала отца Бенни, как он познакомился с миссис Хоган и всегда ли ему хотелось заниматься бизнесом. Бенни и в голову не приходило задавать такие вопросы, но ответы она слушала с удовольствием.

Она понятия не имела, что ее родители познакомились, играя в теннис в каком-то другом графстве. Никогда не слышала, что папа учился совсем другому бизнесу в соседнем городе Баллили. Или что мама после окончания школы преподавала английский в каком-то бельгийском монастыре.

— Ты заставляешь моих родителей рассказывать очень интересные вещи, — однажды днем сказала она, когда девочки сидели в ее спальне и Ева удивилась тому, что им позволили пользоваться электрическим камином только для себя.

— Ну, у них действительно была потрясающая жизнь.

— Да, наверное... — неуверенно ответила Бенни.

— Понимаешь, у монахинь ничего такого не было.

— Конечно, было. Разве они могли это забыть?

— Знаешь, им не положено думать о прошлом. О жизни, которая была у них до пострижения. Их жизнь начинается тогда, когда они становятся Христовыми невестами. Они просто не могут рассказать о старых временах то, что рассказывают твои мама и папа.

— Они хотят, чтобы ты тоже стала монахиней? — спросила Бенни.

— Нет. Мать Фрэнсис сказала, что меня не примут в монастырь, даже если я этого захочу. Пока мне не исполнится двадцать один год.

— Почему?

— Она считает, что это единственная жизнь, которую я знаю, и если я стану монахиней, то только поэтому. Говорит, что после окончания школы мне нужно будет найти себе работу, прожить в миру не меньше трех лет и только потом подумать о пострижении.

— По-моему, тебе очень повезло с ними, — сказала Бенни.

— Да. Да, повезло.

— Я не хочу сказать, что смерть родителей — это везение, но ты могла попасть в место и похуже.

— Как в сказках про злую мачеху, — кивнула Ева.

— Странно, почему они тебя взяли. Обычно сестры берут детей только тогда, когда при монастыре есть приют.

— У них работал мой отец. Они послали его в Уэстлендс, чтобы чуть-чуть заработать, потому что сами монахини не могли много платить ему. Там он и познакомился с моей мамой. Наверное, они чувствовали себя ответственными за это.

Бенни умирала от желания узнать что-нибудь еще, но хорошо помнила совет Патси.

— Что ж, все вышло хорошо. Сестры тебя обожают.

— Твои родители тебя тоже обожают.

— Ну, иногда с ними бывает трудно. Хочется сбежать за тридевять земель.

— Мне тоже, — ответила Ева. — Но из монастыря не очень-то убежишь.

— Когда мы станем старше, все будет по-другому.

— А может, и нет, — серьезно ответила Ева.

— Ты про что?

— Для этого мы должны показать им, что достойны доверия. Показать, что если нам разрешат уйти, то в назначенный срок мы вернемся.

— А как мы можем это сделать? — с жаром спросила Бенни.

— Не знаю. Нужно начать с чего-то простого. Кстати, ты можешь попросить, чтобы мне разрешили остаться у вас на ночь?

— Конечно, могу.

— Тогда я сумею доказать матери Фрэнсис, что могу вернуться к мессе в часовне, и она поймет, что на меня можно положиться.

— К воскресной обедне?

— Нет. К семичасовой мессе, которая бывает каждое утро.

— Нет!

— Это очень приятно. Монахини чудесно поют. Там мирно и спокойно. Так что ничего страшного. К нам специально приходит отец Росс, съедает в трапезной вкусный завтрак и говорит, что другие священники ему люто завидуют.

— Я не знала... про каждое утро.

— Ты никому не расскажешь, правда?

— Конечно, правда. А это что, секрет?

— Да нет. Просто я никому ничего не рассказываю, и монахиням это нравится. Они считают меня своей. Раньше у меня не было подруг. Поэтому и рассказывать было некому.

Бенни широко улыбнулась:

— Когда ты хочешь остаться на ночь? Может быть, в среду?

— Не знаю, Ева. У тебя нет хорошей пижамы, сумки с туалетными принадлежностями и другими вещами, которые нужны человеку, который хочет остаться в гостях на ночь.

— Мать, пижама у меня хорошая.

— Конечно, ты можешь ее погладить. Да и нарядное платье у тебя тоже есть... — Тут настоятельница заколебалась. — Да, но как быть с сумкой для туалетных принадлежностей?

— Может быть, ее сошьет сестра Имельда? А я вместо нее сделаю уборку.

— И когда ты вернешься?

— Я буду в часовне еще до начала утренней мессы.

— Если ты останешься ночевать в гостях, то не захочешь встать так рано, — мягко сказала монахиня.

— Захочу, мать Фрэнсис.

Вечер удался на славу. Девочки долго играли на кухне с Патси в рамми ^[2], потому что папа и мама ушли через дорогу к доктору Джонсону и миссис Джонсон. Там был праздник в честь крещения новорожденного.

Ева дотошно расспрашивала Патси про приют, и Патси сообщила ей куда больше, чем рассказывала Бенни. Описала, как они воровали еду. После поступления к Хоганам, на свою первую работу, она с трудом удерживалась от того, чтобы не стащить печенье или не сунуть в карман фартука пригоршню сахара.

Когда они легли спать, Бенни с удивлением промолвила:

— Не знаю, почему Патси все это рассказала. Совсем недавно она говорила мне, что люди, оставшиеся без родителей, не любят, когда им задают слишком много вопросов.

— Когда вопросы задаю я, это совсем другое дело, — ответила Ева. — Мы с ней в одной лодке.

— Неправда! — рассердилась Бенни. — У Патси ничего нет. В том ужасном месте ей приходилось работать, выводить гнид и красть. А еще их наказывали, когда они мочились в

постель. Она ушла оттуда в пятнадцать лет и поступила к нам. У вас с ней нет ничего общего!

— Дело не в этом. Мы одинаковые. У нее нет родных, и у меня тоже. У нее никогда не было своего дома. А у тебя он есть.

— Так вот почему ты рассказываешь ей больше, чем мне? — Вопросы, которые Патси без стеснения задавала Еве, изумляли Бенни еще сильнее. Ненавидит ли Ева богатых Уэстуордов, которые не захотели взять ее в Большой Дом? Ева сказала, что нет. Они не могли этого сделать, потому что они протестанты, объяснила девочка. Были и другие вещи, о которых Бенни ни за что бы не осмелилась спросить.

— Ты никогда не спрашиваешь, — просто ответила Ева.

— Я боялась тебя обидеть, — пробормотала Бенни.

— На подруг не обижаются.

Бенни и Ева прожили в этом городке всю свою жизнь, но в Нокглэне происходили вещи, о которых знала только одна из них.

Бенни не подозревала, что три священника, жившие в пресвитерской ^[3], каждый вечер играли в «Эрудит». Иногда они звонили в монастырь и спрашивали мать Фрэнсис, как правильно пишется слово «донкихотский», которое сложил отец О'Брайен.

Ева не знала, что мистер Бернс из хозяйственного магазина любит выпить или что у доктора Джонсона вспыльчивый характер. Доктор до хрипоты оспаривал утверждение, что Господь никогда не посылает в мир лишних ртов, которые Он не может прокормить. Доктор Джонсон был уверен, что таких ртов уйма. Особенно в семьях с тринадцатью детьми.

Бенни не знала, что Пегги Пайн — старая подруга матери Фрэнсис, что они дружат с детства и что когда мисс Пайн приходит в монастырь, то называет настоятельницу Банти.

Ева не знала, что за владелицей кондитерской Берди Мак пятнадцать лет ухаживает один мужчина из Баллили, но Берди не может бросить свою старую мать, а переезжать в Нокглен этот мужчина их Баллили не хочет.

После таких откровений жизнь в городке начинала казаться обеим более интересной. Возможно, потому что они узнавали секреты, которыми нельзя было делиться с другими. Девочки имели представление о том, откуда берутся дети, но самое смутное. Знали только, что дети рождаются на свет так же, как котята, однако подробности оставались для них тайной.

— Это как-то связано с тем, что после свадьбы люди вместе ложатся в постель.

— Этого не может случиться, если люди не женаты. А вдруг ты ляжешь с кем-нибудь вроде Десси Бернса? — встревожилась Бенни.

— Нет, для этого нужно пожениться. — Ева не сомневалась в своих словах.

— А как же тогда ребенок попадает внутрь? — Это была тайна.

— Наверное, к этому имеет отношение «маленькая Мария», — задумчиво сказала Бенни.

— Какая маленькая Мария?

— Такой кусочек в середине живота.

— В середине живота? Мать Фрэнсис говорила, что это называется пупок.

— Выходит, я права! — возликовала Бенни. — Если одну и ту же вещь называют по-разному, это значит, что там есть секрет!

Они тщательно упражнялись в соблюдении точности. Если кому-то из девочек велели

вернуться к шести часам, это означало, что она должна быть на месте за пять минут до того, как начнут звонить колокола. Как и рассчитывала Ева, это позволило им получить намного больше свободы. Кроме того, они учились не давать воли припадкам истерического смеха на улице.

Подруги прижимались носами к витрине гостиницы Хили. Миссис Хили им не нравилась, она была слишком высокомерной, ходила как королева и смотрела на детей сверху вниз.

Бенни слышала от Патси, что супруги Хили собирались ехать в Дублин искать ребенка, которого они могли бы усыновить, но так и не сделали этого, потому что у мистера Хили были слабые легкие.

— Оно и к лучшему, — неодобрительно сказала Ева. — Кому хотелось бы иметь таких ужасных родителей? — Девочка не знала, что десять лет назад сама едва избежала такой судьбы.

Мистер Хили был намного старше жены. По словам Патси, в городе шептались, что он не может резать горчицу. Ева и Бенни долго пытались понять, что означает это выражение. Горчицу кладут в маленькую баночку и смешивают с водой. Как ее можно резать? И зачем это делать?

Миссис Хили казалась девочкам древней старухой; ей было двадцать семь лет. Замуж она вышла в семнадцать, посвящала все свои силы гостинице, и ей было не до детей.

Вместе они изучали места, в которые никогда не ходили одни. Например, к мясникам Флудам, надеясь увидеть, как убивают животных.

— Вообще-то на самом деле мы этого вовсе не хотим, правда? — испуганно спросила Бенни.

— Нет, но мы могли бы очутиться там в самом начале, убедиться, что при желании это возможно, а потом убежать, — объяснила Ева. Мистер Флуд все равно не пустил бы их к себе во двор, так что вопрос был чисто риторическим.

Они стояли и следили за тем, как приехал итальянец из самой Италии и начал строить свой магазин, который должен был торговать рыбой и чипсами.

— Девочки, вы будете приходить сюдаа кааждый деень и покупаать мою рыыбу? — с надеждой спросил итальянец двух серьезных малышей, высокую и маленькую, которые следили за каждым его шагом.

— Вряд ли нам это позволят, — грустно ответила Ева.

— Почемуу?

— Они скажут, что не стоит швырять деньги на ветер, — сказала Бенни.

— И разговаривать с иностранцами тоже, — поддержала ее Ева.

— Моя сеестра зааужем за человееком из Дуублина, — объяснил Марио.

— Мы расскажем об этом всем, — серьезно пообещала Ева.

* * *

Иногда они ходили к шорнику. Однажды туда приехал на лошади какой-то очень красивый мужчина и спросил, готова ли заказанная им уздечка. Выяснилось, что не готова.

Декко Мур был двоюродным братом Пакси Мура из обувной мастерской. Декко очень извинялся и выглядел так, словно боялся, что его повесят за задержку заказа.

Мужчина быстро развернул лошадь.

— Ладно. Раз так, привезите ее завтра ко мне сами! — крикнул он.

— Непременно привезу, сэр. Спасибо, сэр. Мне очень жаль, сэр. Честное слово, сэр. — Декко Мур говорил, как разоблаченный злодей в кукольном спектакле.

— О боже, кто это был? — изумилась Бенни. Похоже, Декко до смерти рад, что так легко отделался.

— Сам мистер Саймон Уэстуорд, — вытерев пот со лба, ответил Декко.

— Я так и думала, — мрачно сказала Ева.

* * *

Иногда они заходили в магазин мужской одежды. Эдди Хоган всегда очень радовался им. Так же, как старый Майк и все, кто был в магазине.

— Когда ты вырастешь, тоже будешь работать здесь? — однажды шепотом спросила Ева.

— Не думаю. Наверное, для этого нужно быть мальчиком.

— Не понимаю, почему, — сказала Ева.

— Ну, мужчин нужно измерять, обхватывать сантиметром их талию и все прочее...

Они захихикали.

— Но ты же дочь хозяина, тебе это не понадобилось бы. Ты просто приходила бы и кричала на людей, как это делает миссис Хили из гостиницы.

— Гм-м... — с сомнением протянула Бенни. — Кричать нужно уметь.

— Ты могла бы этому научиться. Иначе магазин достанется Падающим Кальсонам.

Так они прозвали Шона Уолша, который после приезда стал еще более худым, бледным и еще яростнее сверкал глазами.

— Не может быть.

— Ты могла бы выйти за него замуж.

— Фу, фу, фу!

— И родить кучу детей, положив свой пупок рядом с его пупком.

— Ох, Ева, мне противно об этом думать. Уж лучше я стану монахиней.

— Я тоже. По-моему, это намного легче. Тебе повезло, ты можешь это сделать когда захочешь. А мне придется ждать двадцати одного года. — Ева была безутешна.

— Может быть, она позволит тебе вступить в монастырь вместе со мной, если поймет, что это наше призвание, — обнадежила ее Бенни.

Отец выскочил из магазина, вернулся с двумя леденцами и гордо вручил их девочкам.

— Позвольте приветствовать двух юных леди в моем скромном магазине, — сказал мистер Хоган так, чтобы его слышали все.

Скоро весь Нокглен привык к тому, что плотная и высокая Бенни Хоган в крепких ботинках и застегнутом на все пуговицы драповом пальто и похожая на беспризорницу Ева в слишком длинной и просторной одежде ходят парой. Они вместе следили за открытием первого в городе магазина, торговавшего рыбой и чипсами, вместе видели, что мистеру Хили из гостиницы становится все хуже и хуже, и стояли рядом в тот день, когда его отвезли в санаторий. Вместе они были неуязвимы. Во всяком случае, больше никто не отваживался

говорить о них гадости.

Когда Берди Мак из кондитерской неосторожно сказала, что сливочные тянучки не пойдут Бенни на пользу, маленькое личико Евы вспыхнуло от гнева.

— Мисс Мак, если это вас так беспокоит, то зачем вы вообще продаете тянучки? — грозно спросила она, заранее зная, что ответа не последует.

Однажды мать Майры Кэрролл задумчиво сказала Еве:

— Знаешь, никак не могу понять, почему такая умная женщина, как мать Фрэнсис, разрешает тебе ходить по улицам в виде Сиротки Энни^[4].

Когда это услышала Бенни, кровь бросилась ей в лицо.

— Я передам матери Фрэнсис, что вас это интересует, — быстро сказала она. — Мать Фрэнсис говорит, что все должны задавать вопросы, чтобы развивать свой ум.

Прежде чем миссис Кэрролл успела остановить ее, Бенни вылетела из магазина и помчалась в сторону монастыря.

— Ох, мама, что ты наделала! — простонала Майра. — Теперь на нас, как куча кирпичей, рухнет сама мать Фрэнсис!

Так и вышло. Гнев монахини был столь велик, что миссис Кэрролл запомнила его на всю жизнь и больше не смела открывать рот.

С тех пор никто не решался их обижать. Девочка, имевшая такую подругу, могла без труда командовать всем Нокгленом.

1957

Стиляг в Нокглене было не так уж много. Точнее, их не было вообще. Честно говоря, стилияг жители городка видели только во время поездок в Дублин, где кучки таких парней торчали на каждом перекрестке. Бенни и Ева сидели в столовой гостиницы Хили, смотрели в окно и пили горький черный кофе, пытаясь заранее привыкнуть к нему, чтобы не ударить в грязь лицом в дублинских кафе.

Они видели, как мимо шел самодовольный и самоуверенный молодой человек в брюках-дудочках и длинном пиджаке с бархатными обшлагами и воротником. Его ноги напоминали паучьи лапки, а ботинки «на манке» казались огромными. Похоже, парень не сознавал, что на него смотрит весь город. Но это впечатление было обманчивым. Когда две девушки буквально вскочили с мест и начали подсматривать за ним из-за шторы столовой, юноша широко улыбнулся и послал им воздушный поцелуй.

Смущенные и раздосадованные, они быстро сели на свои места. Одно дело смотреть, а совсем другое — привлекать к себе внимание. В Нокглене это считалось одним из смертных грехов. Бенни прекрасно знала, что каждый, кто видел эту сцену в окно, решил, будто они кокетничали со стилиягой. Даже ее отец с сантиметром на шее, даже этот ужасный Шон Уолш, который произносил слово только тогда, когда мог заранее вычислить его последствия. Он тоже мог смотреть в окно. Или старый Майк, который много лет называл ее отца мистером Эдди и не понимал, почему к хозяину следует обращаться по-другому.

Еву Мэлоун знали в Нокглене не хуже. Монахини с самого начала мечтали воспитать ее как настоящую леди. Со временем Ева и сама присоединилась к этой игре. Еве не хотелось бы, чтобы в монастыре узнали, будто она нарочно пошла к Хили, чтобы пялиться на стилияг. В то время как все остальные девушки, у которых были матери, сопротивлялись попыткам сделать из них дочерей сельских помещиков, Ева и мать Фрэнсис штудировали книги по этикету и изучали журналы мод, пытаясь понять, как ведут себя и одеваются люди благородного происхождения.

— Я не хочу, чтобы ты говорила манерно, — предупреждала свою воспитанницу мать Фрэнсис, — но и не хочу, чтобы ты уколола палец во время чаепития.

— Почему я должна производить на кого-то впечатление? — однажды спросила Ева.

— Давай посмотрим на это с другой стороны. Ты не должна кого-то разочаровать. Нас считали умалишенными и говорили, что мы не сумеем тебя воспитать. Поэтому нами владеет суетное и не слишком благочестивое желание сказать недоброжелателям: «Что, съели?»

Ева поняла ее с полуслова. Всегда существовала надежда, что Уэстуорды однажды увидят перед собой элегантную леди и пожалеют, что отреклись от ребенка, который, в конце концов, был их плотью и кровью.

К ним подошла миссис Хили. Ныне вдова, эта женщина была по-прежнему грозной, и ее неодобрение чувствовали все в радиусе пятидесяти ярдов. Она не могла помешать Бенни Хоган из магазина напротив и Еве Мэлоун из монастыря сидеть и пить кофе в ее столовой, но предпочла бы видеть на их месте более солидных и обеспеченных нокгленских матрон.

Миссис Хили устремилась к окну.

— Нужно поправить шторы. По-моему, они слегка морщат.

Ева и Бенни обменялись взглядами. Тяжелые тюлевые шторы гостиницы Хили были в полном порядке. Они оставались такими же, как всегда: достаточно плотными, чтобы скрывать посетителей, и в тоже время не мешавшими посетителям смотреть на улицу.

— Тьфу, какой мерзкий тип! — сказала миссис Хили, тут же поняв, на кого смотрели девушки.

— Вы судите по одежде, — тоном святоши возразила Ева. — А вот мать Фрэнсис всегда говорит, что этого делать не следует.

— Это очень хорошо со стороны матери Фрэнсис, — парировала миссис Хили, — однако не мешает ей следить за тем, чтобы ваша школьная форма была в порядке. Мать Фрэнсис сама судит о вас по одежде.

— Больше нет, миссис Хили, — весело ответила Бенни. — Я выкрасила свою серую школьную юбку в темнокрасный цвет.

— Я свою — в черный. А серый свитер — в фиолетовый, — добавила Ева.

— Очень ярко. — Миссис Хили уплыла величаво, как корабль под парусами.

— Ей не нравится, что мы стали взрослыми, — прошептала Ева. — Она хотела бы приказать нам сидеть прямо и не трогать мебель руками.

— Она знает, что мы еще не чувствуем себя взрослыми, — мрачно ответила Бенни. — А если это знает ужасная миссис Хили, то скоро узнает и весь Дублин.

Проблема была серьезная. Когда девушки шли по улице, мясник мистер Флуд посмотрел на них очень странно. С явным неодобрением. Если даже такие люди будут чувствовать их неловкость, это кончится очень плохо.

— Мы должны порепетировать. Приехать на пару дней раньше, чтобы освоиться. Научиться держаться так, чтобы нас не считали деревенщиной, — с надеждой сказала Ева.

— Освоиться? Интересно, как мы это сделаем? Кроме того, какой смысл держаться уверенно, если там нам все равно придется заниматься ерундой?

— Тогда давай называть это не ерундой, а как-нибудь по-другому, — предложила Ева.

— Как именно?

Ева задумалась.

— Ну, ты будешь составлять списки книг, расписания предметов... Для всего этого есть тысячи названий. — Внезапно ее голос зазвучал грустно.

И тут Бенни впервые отчетливо поняла, что хотя им с Евой предстоит жить в одном городе, однако жизнь у них будет совсем разная. Они лучшие подруги с десяти лет, но отныне должны идти каждая своей дорогой.

Бенни предстояло учиться в Дублинском католическом университете (сокращенно ДКУ) и получить степень бакалавра искусств, потому что родители согласились оплатить ее учебу. Но монастырь Святой Марии заплатить за обучение Евы в университете не мог. Мать Фрэнсис и так с трудом выкроила деньги на то, чтобы дочь Джека Мэлоуна и Сары Уэстуорд смогла окончить среднюю школу. Теперь девушку посылали в дублинский монастырь того же ордена, где ей предстояло бесплатно учиться на курсах секретарей, но взамен немного помогать по хозяйству.

— Ах, как бы я хотела, чтобы ты тоже поступила в университет! — внезапно сказала Бенни.

— Знаю. Не говори таким тоном, иначе я расстроюсь, — резко, но не грубо ответила Ева.

— Все говорят, что это здорово, что мы будем вместе, но если бы ты осталась в Ноклене, мы виделись бы чаще, — пожаловалась Бенни. — Твой монастырь находится в нескольких милях от города, а мне каждый день придется возвращаться домой на автобусе, так что по вечерам мы видеться не сможем.

— Сомневаюсь, что у меня будет много свободных вечеров, — неуверенно сказала Ева. — Мне придется натереть несколько миль монастырских полов, подрубить несколько миллионов простынь и перечистить пару тонн картошки.

— Они не могут тебя так нагружать! — испугалась Бенни.

— Кто знает, что значит выражение «немного помогать по хозяйству»? То, что для одной монахини легкая работа, для другой — рабская повинность.

— Тебе следовало бы узнать это заранее. — Бенни расстроилась за подругу.

— В моем положении не поторгуешься, — ответила Ева.

— Но там от тебя такого никогда не требовали. — Бенни кивком головы показала на монастырь, стоявший в конце улицы.

— Это другое дело. Монастырь Святой Марии — мой дом, — просто ответила Ева. — Я там живу и всегда буду жить.

— Когда ты пойдешь работать, то сможешь снять квартиру и жить сама по себе, — с завистью сказала Бенни, сомневавшаяся, что ей самой удастся когда-нибудь вырваться на свободу.

— Да, возможно, но я буду возвращаться в монастырь Святой Марии так же, как другие люди приезжают домой в отпуск, — ответила Ева.

«Ева такая решительная, — с восхищением подумала Бенни. — Маленькая, с короткими темными волосами и бледным лицом эльфа». Никто не смел сказать, что в ее жизни с сестрами было что-то необычное. Одноклассницы не отваживались спросить, на что похожа жизнь в монастыре, а сама Ева никогда об этом не рассказывала. Однако девочки были уверены, что монахини тоже не узнают об их проделках. Что-что, а молчать Ева умела.

Бенни не знала, как она будет жить без подруги. Ева много лет помогала ей выигрывать сражения. Например, с вредными девчонками, дразнившими ее «Биг Бен»^[5]. Ева быстро расправлялась с теми, кто злоупотреблял добродушием Бенни. Они составляли хорошую пару: маленькая жилистая Ева с беспокойно блуждавшими глазами, не способными долго на чем-то сосредоточиться, и высокая красивая Бенни с зелеными глазами и каштановыми волосами, всегда перехваченными бантом, таким же большим, как и она сама.

Если бы подруги могли ходить в один колледж, каждый вечер возвращаться домой на автобусе, а еще лучше вместе снимать квартиру, их жизнь была бы идеальной. Но Бенни с детства знала, что жизнь идеальной не бывает. Ей и так повезло. У нее есть то, чего нет у большинства других.

* * *

Аннабел Хоган думала, стоит сменить главное блюдо вечерней трапезы или нет. Доводов за и против было множество.

Эдди привык обедать в середине дня. Когда он приходил из магазина, перед ним неизменно ставили тарелку с мясом и картошкой; регулярность этого доставила бы удовольствие любому армейскому офицеру. Когда Шеп отправлялся в ленивую пробежку к

месту встречи хозяина на углу, Патси начинала греть тарелки. Мистер Хоган мыл руки в гардеробной на первом этаже и по пятницам всегда радовался бараньей отбивной, бекону с капустой или треске с соусом из петрушки. Разве можно было разочаровывать человека, закрывшего магазин и пришедшего съесть то, к чему он привык? Вряд ли после такой измены муж смог бы сосредоточиться на работе.

А как же быть с Бенни, которая приедет из Дублина после целого дня занятий в университете? Может быть, приберечь главное блюдо до ее возвращения?

Ни муж, ни дочь не могли ей помочь. Оба говорили, что это не имеет значения. Как обычно, бремя решения всех домашних дел ложилось на Аннабел и Патси.

Возможно, решением проблемы станет чай. Большой кусок ветчины, жареного бекона или несколько сосисок. Тогда можно будет сохранить порцию Бенни на случай, если она приедет голодная. Аннабел все еще не верилось, что ее дочь учится в университете. Дело было не в возрасте; Аннабел вышла замуж поздно, когда уже почти потеряла на это надежду. И родила Бенни только после нескольких выкидышей.

Аннабел Хоган обходила дом; всегда оставались какие-то недоделки. Патси находилась на большой теплой кухне. На засыпанном мукой столе стояла посуда, но ко времени трапезы все должно было быть убрано, а стол выскоблен.

Лисбег был невелик, однако дел в нем хватало. Наверху находились три спальни и ванная. Окна хозяйской спальни смотрели на фасад, а окна спальни Бенни — в противоположную сторону. В задней части дома имелись темноватая спальня для гостей и большая старомодная ванная с гудящими трубами и огромной ванной в деревянной раме.

Если человек приходил через парадную дверь (что случалось редко), то на первом этаже видел две просторные комнаты с обеих сторон. Пользовались ими редко. Хоганы регулярно бывали только в задней части дома, где находилась большая запущенная комната для завтраков, смежная с кухней. Затапливать камин в этой комнате не требовалось; было вполне достаточно тепла, которое шло от плиты. Комнату от кухни отделяла большая двустворчатая дверь, но она никогда не закрывалась. Конечно, это самое уютное место в доме.

Гости у них бывали редко. Когда это случалось, зелено-розовую гостиную с влажными пятнами на стенах проветривали и вытирали в ней пыль. Таким образом, вся жизнь семьи проходила в комнате для завтраков.

Там были три красных плюшевых кресла. У стены стояли стол и три стула с сиденьями из того же плюша. На просторном буфете красовался огромный радиоприемник; хороший фарфор и старые книги были предусмотрительно отодвинуты к задней стенке.

Когда маленькая Ева стала в доме своей, для нее нашли четвертый стул — плетеный, до того хранившийся в одном из сараев. Патси сшила для него красивую красную подушку.

Сама Патси спала в маленькой комнате за кухней. Там было окошко, почти не пропускавшее света. Патси всегда говорила миссис Хоган, что собственная комната — то же, что для покойника Царство Небесное. До прихода в Лисбег ей приходилось делить жилье по меньшей мере с двумя другими девочками.

Когда Патси прошла по короткой дорожке и увидела добротный дом с вьющимися растениями и запущенным садом, он показался ей картинкой с настенного календаря. Окно ее маленькой комнаты выходило на задний двор, поэтому у Патси был свой ящик для цветов. Правда, цветы росли плохо, потому что им не хватало света, а цветовод из Патси был неважный. Но ящик принадлежал ей. Больше никто к нему не прикасался; более того, даже

не входил в ее комнату.

Патси радовалась поступлению Бенни в университет не меньше других членов семьи. Во время ежегодного отпуска Патси тратила полдня на посещение приюта, в котором выросла, а потом уезжала к замужней подруге в Дублин. Однажды она попросила подругу показать ей место, где когда-то станет учиться Бенни. Патси стояла у огромных колонн Дублинского католического университета и довольно осматривалась по сторонам. Теперь она знала, как выглядит колледж, в который будет ходить девочка.

Аннабел Хоган понимала, что Бенни предстоит тяжелое испытание. Жизнь в большом городе — совсем не то, что хождение в монастырскую школу и обратно. В университете учатся тысячи студентов со всех концов страны, у каждого свои обычаи, и никто не станет заставлять тебя заниматься, как делала мать Фрэнсис. Ничего удивительного, что Бенни все лето волновалась, как курица, идущая по раскаленным углям, и не находила себе места.

Слава богу, что по утрам с ней была Ева Мэлоун; эта пара могла болтать вплоть до возвращения коров с пастбища. Аннабел хотелось, чтобы Ева тоже имела возможность учиться в университете. Это было бы только справедливо. Но на справедливость в этой жизни рассчитывать не приходится. Именно так сказала Аннабел отцу Россу, когда тот пришел пить чай. Отец Росс строго посмотрел на нее поверх очков и ответил, что если бы все знали законы Вселенной, Господу нечего было бы поведать смертным в Судный День.

В глубине души Аннабел считала, что законы Вселенной не пострадали бы, если бы кто-нибудь нашел деньги, чтобы заплатить за учебу и жилье Евы Мэлоун. Девочки, у которой не было другого дома, кроме большого мрачного монастыря с тяжелыми чугунными воротами.

* * *

Мать Фрэнсис очень часто молила Господа открыть ей способ послать Еву Мэлоун в университет, однако до сих пор Господь его так и не открыл. Мать Фрэнсис знала, что это является частью Его плана, но иногда думала, что усердная молитва может помочь делу. Она испробовала все, что было в силах ордена. Даже обратилась к его главе и постаралась как можно убедительнее описать то, что случилось с Евой. Как-никак, отец девочки Джек Мэлоун всю жизнь проработал в монастыре садовником и мастером на все руки.

Джек женился на девушке из семьи Уэстуордов. Все знали, что он ей не пара, но это было необходимо, поскольку должен был родиться ребенок. Воспитать девочку в лоне католической церкви было нетрудно. Уэстуорды не хотели о ней слышать, а уж до ее веры им и вовсе не было дела.

Глава ордена ответила, что для девочки и так сделано достаточно. Направление Евы в университет показало бы, что у сестер есть свои любимицы. Если создать прецедент, то все школьницы низкого происхождения будут ожидать того же.

Но на этом дело не кончилось. Мать Фрэнсис села на автобус, поехала в дублинский монастырь того же ордена и поговорила с его настоятельницей, очень влиятельной матерью Клер. Осенью в монастырь приедут многие молодые монахини, которые начнут учиться в университете. Нельзя ли Еве присоединиться к ним? За право стать студенткой девочка с удовольствием помогала бы монахиням по хозяйству.

Мать Клер и слышать об этом не захотела. Мысль отправить Еву в университет показалась ей абсурдной. Почему ребенку, воспитанному из милости, не имеющему

никакого желания стать монахиней, не сестре и даже не послушнице, следует оказать предпочтение перед полноправными членами ордена, также мечтающими о высшем образовании? Что они скажут, если руководство пойдет навстречу какой-то воспитаннице ноклгенского монастыря? Это вызовет у них возмущение.

Мать Фрэнсис и сама иногда думала, что ведет себя возмутительно. Она любила Еву так же, как мать любит дочь. Эта целомудренная монахиня, не надеявшаяся на то, что ей будет дана радость следить за тем, как растет ее ребенок, любила Еву так, что это могло сделать ее слепой к чувствам других людей. Мать-глава ордена и мать Клер были правы: если бы монастырь платил за учебу Евы в университете, все сочли бы, что ей оказывают предпочтение.

Круг замкнулся. Оставалось надеяться, что в монастыре матери Клер с девочкой будут обращаться хорошо. Монастырь Святой Марии всегда был для Евы родным домом. Мать Фрэнсис боялась, что дублинские сестры не только окажутся сухими и черствыми, но превратят девочку из приемной дочери в служанку.

Выйдя из гостиницы Хили, Бенни и Ева увидели, что в дверях магазина Хогана, расположенного напротив, стоит Шон Уолш и следит за ними.

— Если ты будешь продолжать говорить со мной, он может подумать, что мы его не видели, — уголком рта прошептала Бенни.

— Не выйдет. Посмотри, как он стоит, засунув большие пальцы за подтяжки. Подражает твоему отцу.

Ева слишком хорошо знала, чего хочет Шон. Он давно составил план: жениться на дочери хозяина, унаследовать его дело и сорвать жирный куш.

Они невзлюбили Шона Уолша с того дня, когда он появился в магазине Хогана. В тот день Бенни исполнилось десять лет. Он никогда не улыбался. За прошедшие годы они не видели на его лице настоящей улыбки. Шон строил гримасы, иногда саркастически хмыкал, но ни разу не засмеялся.

Он не откидывал голову, как делала Пегги Пайн, когда смеялась, не хихикал в кулак, как Пакси Мур, не жестикулировал, как Марио из магазина, торговавшего рыбой и чипсами, и уж тем более не чихал и не кашлял от смеха, как часто делал Десси Бернс. Казалось, что Шон Уолш всегда следил за другими и хмыкал только тогда, когда видел, что другие люди улыбаются и смеются.

Девочки так и не смогли заставить Шона рассказать о том, как он жил до переезда в Ноклген. Патси рассказывала им длинные истории о своей жизни в приюте, Декко Мур рассказывал грустные истории о том, как мастерил упряжь для богатых помещиков в графстве Мит, но из Шона Уолша не удалось выудить ни слова.

— О нет, вам это будет неинтересно, — отвечал он, когда Бенни и Ева допрашивали его расспросами.

За прошедшие годы Шон не изменился к лучшему. Наоборот, стал еще более скрытным и начал предпринимать лицемерные попытки понравиться. Бенни раздражала даже его внешность, хотя она знала, что это глупо. Он носил костюм, за которым тщательно следил и, судя по всему, часто гладил. Бенни и Ева, заливаясь хохотом, говорили друг другу, что Шон часами стоит в своей крошечной квартирке над магазином и через влажную тряпку гладит костюм, на который возлагает все свои надежды.

Бенни неслишком верила, что Шон хочет стать владельцем магазина, женившись на

ней, но в том, как смотрел на нее Уолш, действительно было что-то неприятное. Бенни очень хотелось, чтобы ее кто-то полюбил; неужели она достойна любви только такого страшилища, как Шон?

— Доброе утро, леди, — преувеличенно низко поклонившись, сказал Шон. В голосе Уолша звучали насмешка и даже оскорбление, которых он не считал нужным скрывать. В то утро все называли девочек «леди», но в этом не было ничего обидного. Так люди поздравляли их с окончанием школы и началом взрослой жизни. Когда они зашли в аптеку за шампунем, мистер Кеннеди спросил, чем может быть полезен двум юным леди, и девушки обрадовались. Когда они зашли к Пакси Муру поставить набойки на новые туфли Бенни, тот назвал их двумя изящными леди. Но в устах Шона Уолша это слово звучало совсем по-другому.

— Привет, Шон, — равнодушно ответила Бенни.

— Осматриваете столицу мира? — высокомерно спросил он. Шон всегда говорил о Ноклене насмешливо, хотя городок, из которого он приехал, был еще меньше Ноклена и никак не мог претендовать на звание столицы мира.

— Ты свободен, — неожиданно сказала Бенни. — Если тебе не нравится Ноклен, можешь ехать в любое другое место.

— Разве я сказал, что он мне не нравится? — Глаза Шона превратились в щелки. Он допустил промах. Бенни не должна была считать, что он издевается над ее малой родиной. — Просто сравнил Ноклен с большим городом. Хотел сказать, что скоро вы нас, простых смертных, совсем забудете.

Но это тоже оказалось ошибкой.

— Вряд ли я смогу забыть Ноклен, если буду возвращаться в него каждый вечер, — мрачно ответила Бенни.

— Тем более что мы этого вовсе не хотим, — вздернув подбородок, добавила Ева. Шон Уолш никогда не узнает, как часто они с Бенни оплакивали свою судьбу, заставившую их жить в маленьком городке, худшей чертой которого была удаленность от Дублина.

Шон не достаивал Еву взглядом; она не представляла для него интереса. Все его реплики были адресованы Бенни.

— Отец гордится тобой. Не осталось ни одного покупателя, которому он не рассказал бы о твоём успехе.

Бенни терпеть не могла его намеки и многозначительную ухмылку. Шон прекрасно знал, как она ненавидела, когда обожающие родители начинали хвастаться дочерью. Знал, но старался разозлить ее еще больше. Зачем человеку, который подбивает под Бенни клинья, строит планы жениться на дочери хозяина и унаследовать его бизнес, говорить вещи, которые раздражают и огорчают ее?

Наверное, Уолш считал, что в данном вопросе ее собственные желания не имеют значения. Что послушная дочь хозяина смирится с этим так же, как смирялась со всем остальным.

Бенни поняла, что она должна осадить Шона Уолша.

— Значит, отец говорит всем и каждому, что я уезжаю в университет? — с довольной улыбкой спросила она.

— Это всего лишь светские беседы. — Шон радовался тому, что сумел стать источником информации, и в то же время был разочарован. Уолш рассчитывал, что его слова заставят Бенни смутиться.

Бенни повернулась к Еве.

— Правда, мне очень повезло?

Подруга поняла ее с полуслова.

— Да, тебя ужасно балуют, — подтвердила она.

Девушки расхохотались только тогда, когда оказались вне поля зрения Уолша. Для этого пришлось пройти мимо пивной Ши, из узких окон которой доносился кислый запах, и миновать кондитерскую Берди Мак, где во время учебы в школе они провели столько часов, выбирая леденцы, хранившиеся в стеклянных кувшинах. Потом они перешли улицу, посмотрели на витрину мясной лавки, в которой отражался магазин Хогана, и убедились, что Шон Уолш ушел в магазин, который в один прекрасный день должен был стать его империей.

И тут наконец дали себе волю.

Мистеру Флуду, владевшему лавкой, при которой якобы имелась собственная бойня, их смех не понравился.

— Что смешного в подносах со свинными отбивными? — спросил он девушек, стоявших у его витрины. Это заставило их расхохотаться еще громче.

— Раз так, уходите отсюда и смейтесь в каком-нибудь другом месте, — проворчал он. — Прекратите издеваться над моим бизнесом!

Мясник, лицо которого было изборождено тревожными морщинами, вышел на улицу и посмотрел на дерево, нависшее над его домом.

В последнее время мистер Флуд часто смотрел на это дерево; хуже того, пытался вступить в беседу с кем-то, кто чудился ему в ветвях. Большинство думало, что у мясника было видение, но он еще не мог рассказать об этом всему городу. Его слова, обращенные к дереву, звучали уважительно. Мерещившееся ему существо мясник называл сестрой.

Бенни и Ева во все глаза следили за тем, как мясник грустно кивнул, словно соглашаясь с тем, что ему сказали.

— Сестра, это творится во всем мире, — произнес он, — но жаль, что теперь оно появилось и в Ирландии.

Потом он выслушал то, что сказало ему дерево, и ушел. Видение видением, но кто-то должен был оставаться в лавке.

Девушки перестали хохотать только у ворот монастыря. Бенни, как обычно, была готова уйти домой. Она не рассчитывала, что дружба позволит ей проникнуть в святилище. Во время каникул монастырь превращался в неприступную крепость.

— Нет, не уходи! Я хочу показать тебе свою комнату, — внезапно сказала Ева.

— А как же мать Фрэнсис? Разве они не подумают?..

— Сестры всегда говорили, что это мой дом. К тому же ты больше не школьница.

Они вошли в боковую дверь и ощутили доносившийся с кухни аромат свежего печенья. На широкой лестнице пахло жидкостью для полировки мебели. Стены темного коридора украшали портрет матери-основательницы и изображение Богородицы, освещавшееся лишь лампадой в виде Святого Сердца.

— Во время каникул тут ужасно тихо, правда?

— Попала бы ты сюда ночью... Когда я вечерами возвращалась из кино, тут стояла такая тишина, что я была готова разговаривать со статуями.

Они поднялись в маленькую комнату, где Ева жила сколько себя помнила, и Бенни с любопытством осмотрелась.

— Надо же, приемник стоит прямо у твоей кровати! — На тумбочке Евы красовался коричневый бакелитовый приемник, по которому Ева, как и все остальные молодые ирландки, слушала «Радио Люксембург». В доме Бенни, где она была единственным и горячо любимым ребенком, нужно было приносить приемник с кухни и ставить его на стул, потому что рядом с кроватью Бенни не было розетки.

На кровати лежало плотное хлопчатобумажное покрывало и смешная сумочка для ночной рубашки в виде кролика.

— Подарок матери Фрэнсис на мое десятилетие. Правда, ужасно?

— Это лучше, чем какой-нибудь образец, — ответила Бенни.

Ева выдвинула ящик, в котором лежали целые стопки таких образков, перехваченные аптечными резинками.

Бенни смотрела на них как зачарованная.

— Неужели ты их не выкидывала?

— Не здесь. Я не могла.

Из маленького круглого окна был виден весь Ноклен — обсаженная деревьями подъездная аллея монастыря, большие ворота и широкая главная улица.

Они видели мистера Флуда, который внимательно рассматривал свою витрину, пытаясь понять, чем она рассмешила этих противных девчонок. Видели маленьких детей, прижавшихся носами к витрине Берди Мак, и мужчин в надвинутых на глаза кепках, которые выходили из пивной Ши.

Видели черный «моррис-коули», стоявший у дверей магазина Хогана, и знали, что это машина доктора. Видели двух мужчин, потиравших руки и шедших в гостиницу Хили. Наверное, это были разъездные торговцы, собиравшиеся внести очередную запись в свои инвентарные книги. Видели человека, прислонившего лестницу к стене кинотеатра и менявшего афиши. Видели маленькую и кругленькую Пегги Пайн, вышедшую из своего магазина женской одежды, чтобы полюбоваться собственной витриной. Эстетическим идеалом Пегги была витрина, набитая нарядами под завязку.

— Отсюда ты видишь все! — изумилась Бенни. — Как сам Господь Бог!

— Ничего подобного. Бог может видеть даже то, что находится за углом. Я не вижу твой дом, не вижу, кто ест чипсы у Марио, не вижу Уэстлендса, который лежит за холмом. Ничего из того, что мне действительно хочется видеть.

Когда Ева заговорила о доме своей матери, ее голос слегка напрягся. Бенни с давних пор знала об ее отношении к жившим там людям.

— Вряд ли они согласятся...

— Не согласятся, — решительно ответила Ева.

Обе знали, что собиралась сказать Бенни: вряд ли богатые Уэстуорды согласятся платить за учебу Евы в университете.

— Как ты думаешь, мать Фрэнсис могла бы сходить к ним?

— Я уверена, что за прошедшие годы мать Фрэнсис ходила к ним много раз, но они захлопывали дверь у нее перед носом.

— Ты не можешь этого знать, — попыталась успокоить подругу Бенни.

Ева стояла у окна и смотрела на город, как, видимо, часто делала за прошедшие годы.

— Она сделала все, чтобы помочь мне. Наверняка мать Фрэнсис обращалась к ним, а они отказали. Она не говорила об этом мне, потому что не хотела, чтобы я возненавидела их еще сильнее. Как будто это возможно.

— В волшебной сказке один из них прискакал бы сюда на белом коне и сказал, что они ждут тебя уже целую вечность, — сказала Бенни.

— А я бы ответила ему, что он опоздал, — засмеялась Ева.

— Нет, я бы тебе этого не позволила. Ты поблагодарила бы его и попросила заплатить за твою учебу в университете. На твоём месте я купила бы собственную квартиру с коврами от стены до стены и не стала экономить на электрических каминах! — весело ответила Бенни.

— Угу. А еще попросила бы платить мне такое содержание, которое позволяло бы каждый месяц покупать платье в «Суитцере» и «Браун Томасе».

— И каждый год проводить отпуск за границей. В компенсацию за экскурсии, на которые ты не могла ездить, когда училась в школе.

— И сделать огромный вклад в монастырский фонд на строительство новой часовни, чтобы отблагодарить сестер за все, что они для меня сделали.

Бенни вздохнула.

— Думаю, такие вещи бывают.

— Только в волшебных сказках. Ты сама это сказала, — ответила Ева. — А чего бы ты хотела для себя?

— Чтобы через минуту у дверей нашего магазина остановился тюремный фургон, откуда вышли два человека и сказали моему отцу, что Шон Уолш — преступник, совершивший в Дублине шесть убийств. А потом надели бы на Шона наручники и увезли.

— Но это не избавит тебя от необходимости каждый вечер возвращаться из Дублина на автобусе, — сказала Ева.

— Слушай, перестань. Ты была у нас в доме тысячу раз и прекрасно знаешь, какие у меня родители.

— Знаю. Они на тебя молятся.

— Это значит, что я буду каждый день возвращаться в Ноклен на автобусе, который отправляется в восемнадцать десять. Вот к чему приводит такая любовь.

— Конечно, иногда ты сможешь ночевать в Дублине. Неужели они всерьез считают, что ты должна приезжать домой каждый вечер?

— А где я буду ночевать? Не выдумывай. Никаких ночевок в Дублине не будет. Черт побери, я буду там чувствовать себя Золушкой.

— У тебя появятся подруги. Подруги, у которых есть родители и собственные дома, так что все будет нормально.

— Ева Мэлоун, разве мы с тобой когда-нибудь жили нормально? — Бенни засмеялась, пытаясь поднять настроение.

— Скоро такое время настанет. Я говорю серьезно, — без улыбки ответила Ева.

Однако Бенни тоже могла быть серьезной.

— Конечно, настанет. Но в каком случае? Если ты откажешься ехать в то место, куда тебя посылает мать Фрэнсис, она очень огорчится. А если я скажу родителям, что не хочу ходить на занятия, если мне, как последней дуре, придется каждый вечер возвращаться домой, начнется настоящее землетрясение. Зачем мне делать это, если ты все равно уедешь из Ноклена, получишь хорошую работу и сможешь делать все, что тебе нравится?

Ева посмотрела на подругу и улыбнулась.

— Когда-нибудь мы вернемся в эту комнату, вспомним день, когда будущее казалось нам ужасным, и дружно посмеемся.

— Да, да. В это время Шон Уолш будет на каторге...

— А Уэстуорды потеряют все свои деньги и землю.

— Миссис Хили выбросит свои корсеты и начнет носить мини-юбку.

— Пакси Мур станет владельцем сети обувных магазинов с филиалами по всей Ирландии.

— Доктор Джонсон научится улыбаться.

— А мать Фрэнсис станет главой ордена, сможет делать все, что ей заблагорассудится, ездить в Рим, регулярно видеться с понтификом и все прочее...

Мысль об этих неслыханных чудесах была такой приятной, что девушки рассмеялись снова.

Глава третья

Эмили Махон стояла у газовой плиты и жарила десять ломтиков бекона, как делала каждое утро за исключением пятницы. Ее белая блузка аккуратно висела в углу комнаты. Во время приготовления завтрака Эмили надевала нейлоновую накидку, чтобы не забрызгать одежду перед уходом на работу.

Она знала, что сегодня Брайан проснется в плохом настроении. Вчера вечером он и слова не вымолвил. Эмили обвела взглядом неказистую кухню и вздохнула. Наверное, их дом был самым старомодным в квартале. Всегда одно и то же: сапожник ходит без сапог. Поэтому вполне логично, что жена застройщика — единственная на улице, у которой нет приличной кухни. Она видела, что делают со своими кухнями другие домовладельцы. Используют кафель и плитку, после чего достаточно протереть стены тряпкой, а пол — шваброй. Покупают кухонную мебель одинаковой высоты и соединяют ее, в результате чего разномастные буфеты и столы, среди которых Эмили прожила двадцать пять лет, превращаются в непрерывное целое. Но переубедить Брайана было бесполезно. Он всегда отвечал одно и то же: «Кто это видит, кроме нас?»

В доме двадцать три по улице Мейпл-Гарденс гости бывали редко. Брайану вполне хватало общения на строительной площадке. Мальчики, Пол и Нейси, никогда не приводили в дом своих друзей, а сейчас работали вместе с отцом. Именно туда за ними заезжали приятели, чтобы выпить в пабе кружку пива.

А всеобщая любимица восемнадцатилетняя Нэн, которой сегодня предстояло начать учебу в университете, тоже не горела желанием приглашать к себе подруг.

Эмили знала, что в школе у ее красавицы дочери была дюжина приятельниц. Она видела, как после занятий Нэн шла по улице в окружении целой толпы. Девочка ходила к подругам в гости, ее приглашали все, но никто из одноклассниц не переступал порога дома двадцать три.

Для Эмили ее дочь была больше чем красавицей. Красавицей Нэн считали все. Когда девочка была совсем маленькой, прохожие останавливались и спрашивали, почему эту светлокудрую малышку не используют для рекламы мыла «Перс»... ну, той самой: «Стань прекрасной леди». Эмили спала и видела, что в один прекрасный день в парке или на улице остановится искатель талантов, увидит точеные черты и безупречную кожу девочки, придет к ним, встанет на колени и предложит то, что изменит ее жизнь.

Ибо Эмили Махон больше всего на свете хотела, чтобы жизнь ее маленькой принцессы полностью изменилась.

Хотела, чтобы у Нэн было то, чего никогда не имела она сама. Не хотела, чтобы дочь вышла замуж за грубияна и пьяницу, как сделала ее мать. Не хотела, чтобы дочь жила в собственном доме как в тюрьме, из которой позволялось уходить только на работу. Эмили читала множество журналов и знала, что девушка с внешностью Нэн может добиться неслыханного успеха. Журналы пестрели фотографиями красавиц, которые стали женами богачей, и симпатичных девушек, во время скачек стоявших под руку со знаменитостями. Конечно, далеко не все эти знаменитости относились к аристократии. Как правило, жены аристократов миловидностью не отличались; в них всегда было что-то лошадиное. Нэн стремилась к такой жизни, и Эмили была готова потратить все свои силы, чтобы помочь дочери достичь своей цели.

Убедить Брайана отдать Нэн в университет оказалось нетрудно. Когда Брайан был трезв, то тоже несказанно гордился своей дочерью-красавицей и считал, что она достойна самого лучшего. Но только когда был трезв.

Этим летом Нэн неожиданно сказала:

— Знаешь, в один прекрасный день он сломает тебе челюсть, и тогда станет слишком поздно.

— Ты это о чем?

— Вчера вечером, когда ни меня, ни братьев не было дома, он ударил тебя. Я знаю.

— Ничего ты не знаешь.

— Для этого достаточно посмотреть на твое лицо. Что ты скажешь людям?

— Правду. Что ночью я встала и в темноте наткнулась на открытую дверь.

— Как всегда? Неужели он будет оставаться безнаказанным до самой смерти?

— Нэн, ты знаешь, как он переживает. После такого он готов достать для каждого из нас луну с неба.

— Это слишком дорогая цена за луну, — ответила Нэн.

А сегодня эта красивая девочка, на которую Эмили смотрела с суеверным страхом, должна была стать студенткой. Брайан был красивым, пока алкоголь не изуродовал его лицо. Да и сама Эмили тоже была недурна собой: высокие скулы, большие глаза... Казалось, дочь унаследовала только их лучшие черты. Ей не достались ни отцовская грубость, ни забитость и вечно виноватое выражение лица матери.

Эмили Махон стояла на кухне и надеялась, что сегодня утром Нэн будет с отцом полюбезнее. Конечно, вчера Брайан напился, но не до такой степени, чтобы набрасываться на людей как собака.

Она ловко перевернула ломтики. Три Полу, три Нейси и четыре Брайану. Ни она сама, ни Нэн утром бекона не ели. Выпивали чашку чая и съедали один тост. Эмили наполнила мойку мыльной водой. Когда мужчины наедятся, она соберет тарелки. Обычно все уходило из дома примерно в одно время, после чего Эмили убирала со стола. Когда она запрет за собой дверь, дом будет выглядеть прилично и останется таким до их возвращения. Тогда никто не станет возражать против ее работы. Из-за этого уже было сломано немало копий.

Во время долгой войны с Брайаном Нэн неизменно поддерживала мать. Молча слушала, как отец говорил: «Ни о какой работе не может быть и речи. Я хочу, чтобы на столе всегда стояла еда. Хочу, чтобы у меня была чистая рубашка». И как мать отвечала, что она может это обеспечить. Просто в доме ей слишком одиноко; она хочет встречаться с людьми и что-то зарабатывать самостоятельно, пусть немного.

Пола и Нейси это не слишком интересовало, но они поддерживали отца, желавшего, чтобы в доме было тепло, чисто и сытно.

Тогда Нэн было всего двенадцать лет, но нарушила равновесие именно она.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — неожиданно сказала она. — Никто из вас ни зимой, ни летом не возвращается раньше шести. К этому времени еда на столе будет стоять всегда. А если желание Эм зарабатывать деньги не мешает ей стирать и наводить чистоту в доме, то из-за чего весь этот сыр-бор?

Ответа ни у кого не нашлось.

С тех пор Эмили работала в магазине при отеле. Ее окружали красивые вещи: хрусталь, лен и сувениры для туристов. Сначала администрация не хотела брать на работу женщину, у которой есть маленькая дочь. Они боялись, что Эмили будет постоянно отпрашиваться. Но

она честно посмотрела им в глаза и сказала, что с Нэн хлопот не будет. И оказалась права. Если кто-то и мешал ей работать, то это Брайан. Он либо звонил, либо приходил и задавал идиотские вопросы, касавшиеся вещей, о которых они давно договорились, но пьянство заставило его об этом забыть.

Эмили позвала их, как делала каждое утро:

— Завтрак на столе!

По лестнице спустились сыновья, смуглые, приземистые и выглядевшие более молодыми копиями отца; втроем они напоминали набор игрушек. Потом явился Брайан с окровавленным подбородком, порезанным во время бритья, и посмотрел на жену без всякого удовольствия.

— Зачем дома одеваться как прислуга? Вполне достаточно того, что ты работаешь прислугой в чьем-то паршивом магазине.

— Я надела накидку только для того, чтобы не испачкать блузку, — спокойно ответила Эмили.

— Которая висит в углу и превращает кухню в лавку старьевщика, — проворчал Брайан.

И тут вошла Нэн. Светлые кудри дочери выглядели так, словно она только что вышла из кресла парикмахера, а не вымыла их в раковине собственной спальни. Брайан Махон скупился на удобства, но в спальне его дочери было все самое лучшее. Там имелись раковина и большой гардероб с отделением для обуви. Ничто не могло сравниться с комнатой Нэн. Каждая находившаяся там вещь была выкупом за пьяный дебош. На девушке была красивая голубая юбка, новый темно-синий жакет в три четверти и белая кружевная блузка с сине-голубой отделкой. Казалось, она сошла с обложки журнала.

— Замечательно. Ты ругаешь Эм за то, что она оставила здесь свою блузку. А твои семь рубашек плюс четырнадцать рубашек мальчиков, которые она гладила, не в счет. Они не превращают кухню в лавку старьевщика, правда?

Отец смотрел на нее, не скрывая восхищения.

— Когда ты войдешь в дверь университета, там все ослепнут, — сказал он.

Но комплимент не произвел на Нэн нужного впечатления. Наоборот, раздосадовал.

— Все это неплохо, но мы не обсудили вопрос о деньгах на карманные расходы.

«Интересно, почему она сказала об этом именно сейчас? — подумала Эмили. — Если бы Нэн поговорила с отцом с глазу на глаз, он бы ей не отказал».

— В этом доме еще никто не жаловался на недостаток денег! — Лицо Брайана моментально покраснело от гнева.

— До сих пор эта тема не затрагивалась, потому что, когда Пол и Нейси начали работать у тебя, они начали получать жалованье.

— Точнее, намек на жалованье, — сказал Пол.

— Сколько заслужил, столько и получаешь. Думаешь, в другом месте тебе станут платить больше? — окрысился отец.

Нэн продолжила:

— Лучше договориться сразу, чем просить деньги каждую неделю.

— А что в этом плохого? — поинтересовался Брайан.

— Это унижительно, — коротко ответила она.

Она была права. Эмили тоже испытывала чувство унижения, когда каждую неделю просила у Брайана деньги на домашнее хозяйство. Слава богу, теперь у нее были собственные доходы.

— Сколько тебе нужно? — с досадой спросил отец.

— Не знаю. Я не претендую на многое. В ближайшие три-четыре года мне придется зависеть от тебя. Сколько ты можешь предложить?

Брайан растерялся:

— Надо подумать.

— Я предпочла бы решить вопрос сегодня. Это стало бы хорошим началом. Я знала бы, что могу купить, а на что мне придется копить. Например, на новое платье или что-нибудь в этом роде.

— Я уже купил тебе жакет! Обыкновенный темно-синий жакет, а стоит как меховое манто.

— Потому что он хорошо сшит. Его хватит на несколько лет.

— Надеюсь, — пробормотал отец.

— Если не хочешь, чтобы этот разговор повторялся раз за разом, назови сумму.

Эмили затаила дыхание.

— Как насчет фунта в неделю на?..

— На дорогу и еду? Да, этого хватит... — Нэн стояла и ждала продолжения.

— А на что еще?

— Ну, на кино, газеты, книги, кафе, танцы...

— Еще два фунта в неделю? — Брайан смотрел на нее с тревогой.

— Спасибо за щедрость. Это будет чудесно.

— А одежда? — Брайан кивком показал на жакет, который стоил как манто.

— Из того, что ты мне дал, я смогу сэкономить на чулки.

— Я не хочу, чтобы ты одевалась хуже других.

Нэн промолчала.

— Сколько это будет стоить? — тоном ребенка спросил он.

Девушка задумчиво смотрела на Брайана, понимая, что теперь он в ее власти.

— Некоторые отцы выделяют своим детям ежемесячное содержание, которое те могут тратить на одежду. Сумма в среднем составляет... не знаю... может быть, фунтов двадцать...

— Ты будешь получать тридцать фунтов в месяц. В нашем доме никто не будет нуждаться! — рявкнул Брайан.

И тут Нэн улыбнулась. Впервые за утро.

— Большое спасибо, папа, ты очень щедр.

— Попробовала бы ты сказать что-нибудь другое... — проворчал отец.

— Я этого не говорила и никогда не скажу, — заверила его дочь.

— Меня разозлил твой намек на то, что я могу оставить тебя без гроша.

— Папа, в нормальном состоянии ты ни за что не оставил бы меня без гроша, но я не хочу рассчитывать на то, что ты всегда будешь в таком состоянии.

У Эмили захватило дух.

— Что ты хочешь этим сказать? — Он надулся как индюк.

— Сам знаешь. Папа, в тебе живут два человека.

— Как ты смеешь читать мне нотации?

— Я не читаю. Просто объясняю, почему я хотела договориться обо всем заранее, а не приставать к тебе, когда... ну, когда ты выпьешь.

Наступила тишина. Мальчики зажмурились. Справиться со вспышками отцовского гнева можно было только одним способом: не вмешиваясь. Малейшего замечания было

достаточно, чтобы этот гнев обратился на них. Но Нэн удачно выбрала время и место.

Молчание нарушила Эмили.

— Что ж, очень хорошее содержание. Вряд ли у многих твоих сокурсниц будет такое.

— Вряд ли, — не моргнув глазом, подтвердила Нэн. — Серьезно, папа. Раз ты выделил мне такую сумму, наверное, тебе будет удобнее выплачивать ее раз в месяц.

— Договорились, — ответил Брайан.

— Если ты сегодня дашь мне сорок два фунта, то в следующий раз я приду к тебе за деньгами ровно через месяц.

Пол и Нейси уставились друг на друга во все глаза.

— Сорок два фунта? — изумился отец.

— Ты сказал, что будешь давать мне три фунта в неделю плюс тридцать фунтов в месяц на одежду... Я понимаю, это очень много, — извиняющимся тоном добавила она.

— Я слов назад не беру. — Брайан полез в задний карман, достал бумажник и начал отсчитывать засаленные купюры.

Эмили молила небо, чтобы дочь хорошенько поблагодарила отца, а не приняла это как должное.

Но Нэн лучше всех знала, что нужно делать.

— Папа, я не стану вставать на колени и благодарить тебя. Это будут только слова. Просто постараюсь сделать так, чтобы ты гордился мной. И никогда не жалел о том, что позволил своей дочери учиться в университете.

Глаза Брайана Махона слегка затуманились. Он проглотил комок в горле и пробормотал:

— Ладно... А теперь дайте человеку спокойно выпить чашку чая в собственном доме.

Жильцы большого типового дома в Дунлаогхейре тоже готовились к началу занятий в университете. Дунлаогхейр, расположенный в нескольких милях от центра Дублина, был городом в городе, большим портом, куда каждый день прибывал и убывал в Холихед почтовый пароход, привозивший отпускников и увозивший многочисленных эмигрантов, решивших искать счастья в Лондоне.

Этот район считался фешенебельным еще в те дни, когда назывался Кингстауном; тропические пальмы, высаженные вдоль береговой линии, придавали ему экзотический вид. Приземистые викторианские дома напоминали о времени, когда здесь жили люди богатые и знатные. И климат тут был здоровый; по двум огромным молам, выдававшимся далеко в море, мог гулять каждый, кто нуждался в глотке свежего воздуха и физических упражнениях.

Тут царила странная смесь чопорной респектабельности и отпускного легкомыслия. Тут каждый год проходил большой и шумный «карнавал призраков», что не мешало почтенным матерям семейств обходить магазины с корзинками для продуктов; обычно эта экскурсия заканчивалась в кафе под открытым небом на Марин-роуд, где можно было поцокать языком и неодобрительно отозваться о нынешнем состоянии Дунлаогхейра.

Кит Хегарти быстро шла по своему большому дому на тихой улице, которая вела к морю. Ей предстояло множество дел. Первый день — самый важный; он задает тон всему году. Нужно приготовить хороший завтрак и дать понять, что к столу следует приходить вовремя.

Она сдавала комнаты студентам уже семь лет и слыла одной из лучших хозяек. Сначала начальство было не в восторге: кому захочется жить так далеко от города и корпусов

университета? Но миссис Хегарти тут же объяснила, что железнодорожная платформа находится рядом с ее домом, что дорога занимает всего несколько минут, а морской воздух очень полезен.

Долгих уговоров не потребовалось; скоро в ректорате поняли, что эта решительная женщина сможет заботиться о студентах лучше, чем кто-нибудь другой. Она превратила свою просторную столовую в комнату для занятий. У каждого молодого человека было свое место за обтянутым сукном большим столом, где можно было безбоязненно оставлять книги. Не приходилось сомневаться, что в доме Кит после ужина студенты будут заниматься — если и не каждый вечер, то уж несколько вечеров в неделю обязательно. Там же делал уроки и ее единственный сын Фрэнк. Сидя за одним столом с настоящими студентами, он чувствовал себя взрослым. За обеденным столом Хегарти занимались студенты инженерного, сельскохозяйственного, юридического и медицинского факультетов, в то время как юный Фрэнк готовился к сдаче ежегодных и выпускных школьных экзаменов.

Сегодня ему предстояло стать полноправным членом этого товарищества.

При мысли о том, что она вырастила сына, который станет инженером, довольная Кит обхватила себя руками. Причем вырастила одна. Джозеф Хегарти уехал так давно, что Кит перестало интересовать, как сложилась его жизнь в Англии. Какое-то время он присылал деньги и обещал вернуться. Потом денег стало меньше, а вскоре переводы перестали поступать вовсе.

Она пыталась воспитывать Фрэнка так, чтобы он не возненавидел отца. Даже оставила фотографию Джозефа Хегарти в спальне мальчика, чтобы тот не исчез из его памяти так же, как все остальное. И пережила несколько тяжелых дней, когда с почетного места на комод портрет перекочевал сначала на книжную полку, где его не было видно, потом оказался повернутым лицом к стене, а в конце концов отправился на дно ящика.

Высокий и угловатый Фрэнк Хегарти больше не нуждался в фотографиях мифологического отца.

Кит было интересно, что сказал бы Джозеф, увидев красу и гордость Фрэнка — черный «БСА» с объемом двигателя 250 кубических сантиметров.

Скорее всего, ничего. Этот человек не любил иметь дело с проблемами. А мотоцикл действительно был проблемой, причем опасной. Единственной проблемой, омрачавшей Кит долгожданное утро начала учебы Фрэнка в университете.

Кит умоляла сына ездить на поезде. Они живут в нескольких минутах ходьбы от станции, поезда ходят часто. Она купит ему сезонный билет. Он сможет ездить по этому билету сколько понадобится. Но Фрэнк уперся. Впервые в жизни.

Он ездил в Питерборо и долго работал на консервном заводе, чтобы заработать на этот мотоцикл. Почему мать хочет отнять единственное, что представляет для него ценность? Если она не умеет и не хочет ездить на мотоцикле, это еще не причина, чтобы мешать ему.

В конце концов, ему уже восемнадцать с половиной. Кит посмотрела на статую инфанта Пражского, которую держала в доме, чтобы произвести хорошее впечатление на матерей своих квартирантов. Жаль, что у нее нет более надежного земного союзника, который мог бы помешать мальчику ездить на этой ужасной тарахтелке. Она была бы рада переложить на кого-то часть своих забот.

Патси спросила миссис Хоган, не хочет ли она еще чаю.

— В такой день ничего другого не остается, — сказала она.

— Да, Патси. Поставь чайник, — с облегчением ответила Аннабел, опускаясь в кресло.

Когда Бенни уезжала в университет, ничто не предвещало катастрофы. Девушка надела синий свитер, белую блузку и юбку в сине-серую клетку.

— Ты будешь там королевой красоты, — пыжась от гордости, сказал Эдди.

— Нет, папа, не буду. Я большая и неуклюжая, — внезапно ответила Бенни. — Как катафалк. Я смотрела на себя в зеркало.

Глаза Эдди наполнились слезами.

— Детка, ты у нас красавица, — сказал он. — Не говори так. Пожалуйста. Не расстраивай нас с матерью.

Аннабел хотелось обнять дочь и утешить ее. Да, может быть, и большая, но чудесная кожа и каштановые волосы, перехваченные сине-белой лентой, делали Бенни тем, кем она была в действительности: провинциальной девушкой из хорошей семьи, глава которой был преуспевающим бизнесменом.

Но сегодня утром всем было не до объятий. Поэтому Аннабел просто потрепала дочь по руке.

— Ты славная, красивая девочка, и все это поймут, — мягко сказала она.

— Спасибо, мама, — послушно ответила Бенни.

— Мало того, ты будешь там очень счастлива. Тебе не придется сидеть с детьми, как большинству студенток, и умирать с голоду в какой-нибудь лачуге. — Аннабел довольно вздохнула. — Ты каждый вечер будешь приезжать в собственный дом.

Бенни улыбнулась ей, но улыбка получилась вымученной.

Она нервничала, как на ее месте нервничала бы любая девушка, отправляющаяся в незнакомое место к незнакомым людям.

— Теперь в доме будет тихо. — Патси поставила на стол заварной чайник, накрыла стеганым чехлом и любовно погладила его.

— Надеюсь, она найдет себе друзей, — неуверенно сказала Аннабел. До сих пор у Бенни не было никаких подруг, кроме Евы; это грозило девочке бедой.

— Как вы думаете, мэм, она будет привозить их сюда с ночевкой? — Глаза Патси блестели от любопытства. Она любила размышлять.

— Я не думала об этом. Но, конечно, будет. Не может же она общаться в Дублине с людьми, которых мы не знаем и о которых даже не слышали. Она это понимает.

Мать Фрэнсис следила за дождем, мерно поливавшим монастырь, и думала о Еве. Она будет скучать по девочке. Конечно, ее нужно было отправить в дублинский монастырь; только так Ева сможет чего-то добиться в жизни. Мать Фрэнсис надеялась, что дублинские сестры станут относиться к Еве не хуже, чем к ней относились в Ноклене. Ева никогда не чувствовала себя ребенком, подобранным монахинями из милости; никому и в голову не приходило заставлять ее вступать в орден.

Отец Евы долго работал в монастыре и заранее заплатил за жилье и учебу своего ребенка, хотя сам не знал этого. Мать Фрэнсис вздохнула и молча помолилась за упокой души Джека Мэлоуна.

Время от времени появлялись другие варианты. Мать Фрэнсис и ее старая школьная подруга Пегги Пайн часто обсуждали их.

— Я могла бы взять ее к себе ученицей продавца. После этого она получила бы работу в любом магазине Ирландии. Но ведь мы хотим для нее чего-то большего, правда?

— Нет, Пегги, такая карьера не для нее, — тактично отвечала мать Фрэнсис.

— Банти, ты наверняка написала несколько писем, чтобы замолвить за нее словечко. Я права? — Мало кому разрешалось безнаказанно называть так мать Фрэнсис.

Но Пегги действительно была права. Мать Фрэнсис делала все, чтобы помочь Еве пробиться наверх. Девочка с самого начала была невинной жертвой; было бы только справедливо, если бы монахини сделали для нее все, что было в их силах.

В монастыре никогда не было денег, чтобы как следует одеть ребенка. А даже если бы деньги нашлись, монахини не были знатоками современной моды и в нарядах не разбирались. Пегги давала им советы, но Ева не любила чужой благотворительности. Однако полученное от монастыря считала своим по праву. Монастырь Святой Марии был ее домом.

По-другому и быть не могло. Коттедж с тремя комнатами, где она родилась, терял для Евы интерес по мере возрастания ее ненависти к Уэстуордам. В раннем детстве Ева протоптала к коттеджу длинную тропу, петлявшую между колючими кустами, и заглядывала в его окна.

Когда девочке исполнилось десять лет, она начала сажать у коттеджа цветы. Мать Фрэнсис тайно подкармливала их, брала из монастырского сада отростки кустов и деревьев и засадила каменистый участок вокруг уродливой скалы, с которой спрыгнул несчастный Джек Мэлоун.

Было трудно сказать, когда именно Ева возненавидела родных своей матери. Но матери Фрэнсис это казалось вполне естественным. Ребенок, выросший в монастыре, ребенок, об обстоятельствах рождения которого знал весь город, не мог испытывать теплых чувств к людям, жившим в роскошном поместье Уэстлендс. Человеком, который ездил по Ноклену на лошади с таким видом, словно город являлся частью его имения, был дедушка Евы, майор Чарльз Уэстуорд. Человек, который ни разу не поинтересовался, как живет его внучка. В последнее время его видели редко. Пегги Пайн, которая была для матери Фрэнсис единственной ниточкой, связывавшей ее с внешним миром, говорила, что со стариком случился удар и что теперь он передвигается в инвалидном кресле. А маленький смуглый Саймон Уэстуорд, которого время от времени видели в Ноклене, приходился Еве двоюродным братом. Мать Фрэнсис считала, что он очень похож на свою кузину; впрочем, может быть, это ей только казалось. В этой семье был еще один ребенок, тоже девочка, но она училась в какой-то шикарной протестантской школе в Дублине, и здесь ее никогда не видели.

Чем больше Ева обижалась на свою родню, тем меньше интересовалась коттеджем. Он пустовал. Мать Фрэнсис никогда не теряла надежды на то, что когда-нибудь Ева будет жить в нем, может быть, с семьей, и вернет радость в маленький домик, где когда-то произошла трагедия.

Место было очень спокойное. Мать Фрэнсис и сама часто сидела там, когда приходила ухаживать за цветами и растениями. В монастыре Святой Марии существовал обычай, согласно которому сестры читали свою ежедневную молитву где-нибудь на природе. Человек гораздо ближе к Богу, когда он сидит под большим буком в саду, обнесенном каменным забором, и ощущает тот же аромат розмарина и лимонного бальзама, что и в часовне.

Никому не казалось странным, что мать Фрэнсис часто ходила по тропинке мимо кустов ежевики, чтобы прочитать молитву у коттеджа. Она внимательно следила за отверстиями, через которые в дом могла просочиться сырость. Если она не могла с чем-то

справиться сама, то звала на помощь Мосси Руни, человека столь молчаливого и скрытного, что он даже своего имени не произносил из опасения кому-нибудь повредить.

Когда приходили люди, желавшие купить или снять коттедж, мать Фрэнсис только беспомощно пожимала плечами и говорила, что дело еще не выяснено; домик принадлежит Еве, а она сможет распорядиться им лишь по достижении двадцати одного года. С самой Евой об этом никто не заговаривал, а что касается Мосси Руни, время от времени менявшего там оконные рамы и шпингалеты, то обращаться к нему с расспросами не имело смысла. Весь город знал, что он нем как рыба. Этот человек либо постоянно размышлял о каких-то высоких материях, либо не размышлял вовсе.

Матери Фрэнсис нравилось думать, что когда-нибудь старый коттедж станет для Евы домом; она представляла себе, что Ева приглашает на уик-энды своих университетских друзей, что они приходят в монастырь и пьют в трапезной чай.

Какая жалость, что такой симпатичный каменный домик с деревянным крыльцом, откуда открывается чудесный вид на равнину и старую каменоломню, стоит понапрасну... Собственного имени домик не имел. И, судя по тому, как оборачивались дела, мог так и остаться пустым и безымянным.

Возможно, ей следовало обратиться к Уэстуордам лично, потому что ответ на ее письмо оказался холодным. Мать Фрэнсис сознательно писала на простой бумаге, а не на бланке с роскошным грифом монастыря Святой Марии. Она провела несколько бессонных ночей, подыскивая нужные слова, которые звучали бы убедительно, но не униженно. Однако, видимо, так и не нашла их. Ответ Саймона Уэстуорда был учтивым, но решительным и недвусмысленным. Семья не возражает против того, чтобы дочь его тети воспитывалась в католическом монастыре; дальнейшая судьба ребенка их не интересует.

Еве об этом мать Фрэнсис не рассказала. Девочке и так жилось нелегко, поэтому огорчать ее лишней раз не стоило.

Монахиня тяжело вздохнула и посмотрела на своих шестиклассниц, склонивших головы над тетрадами и писавших сочинение на тему «Оборотные стороны эмиграции». Ах, если бы мать Клер ласково встретила Еву и сказала ей, что теперь ее новым домом на ближайший год будет дублинский монастырь...

Конечно, это не в духе матери Клер, но Господь милостив. Может быть, она в кои-то веки проявит доброту и душевную щедрость.

Впрочем, похоже, надеяться на щедрость матери Клер не приходилось. Ответа от Евы не было уже неделю; ничего хорошего это не сулило.

В комнате Евы не было ни тумбочки с радиоприемником, ни плотного покрывала. Там стояли маленькая железная кровать с вытертым одеялом, жесткой подушкой в чисто выстиранной наволочке и грубыми простынями, кособокий узкий шкафчик и старомодные кувшин с тазиком, без которых нельзя было обойтись, потому что ванная находилась далеко.

Это не тюремная камера, а комната для прислуги, твердо сказала себе Ева. Именно прислугой ее здесь и считают. Ершистой прислугой, приехавшей из деревни, но слишком много о себе понимающей.

Ева сидела на кровати и осматривала комнату. В ее ушах звучал негромкий и грустный голос матери Фрэнсис. Кто сказал, что жизнь должна быть легкой? Ей остается только одно: усердно учиться, чтобы уйти из этого монастыря как можно раньше. Изучать стенографию, бухгалтерию, повышать скорость машинописи, упражняться снова и снова. Слушать и

конспектировать лекции по делопроизводству. Через год, а то и раньше она получит хорошую работу и жилье.

Тогда никто не посмеет предложить ей железную койку в крошечной полутемной комнате.

Что сделала бы на ее месте Мудрая Женщина? Сцепила зубы и смирилась, сказала себе Ева. Этой фразой они с Бенни пользовались то и дело. Как бы вела себя Мудрая Женщина с Шоном Уолшем? Сделала бы вид, что его не существует. Мудрая Женщина не купила бы полфунта сливочных тянучек в кондитерской Берди Мак, потому что от сладкого портится кожа. Мудрая Женщина выполнила бы домашнее задание, потому что иначе мать Фрэнсис выйдет на военную тропу.

Через неделю Ева поняла, что Мудрая Женщина смогла бы приспособиться к окружающей обстановке только в том случае, если бы была канонизированной святой.

Мать Клер предложила ей такой объем «легкой работы», который покрывал бы сумму ее долга.

Еве пришлось признать, что долг у нее действительно есть. Она бесплатно прослушает учебный курс, за который другие платят, причем недешево. В здешнем монастыре никогда не случалось того, что случилось в монастыре Святой Марии. В Ноклене Ева помогала по хозяйству добровольно, чтобы отплатить матери Фрэнсис и монахиням за их доброту. Но тут все было по-другому.

По мнению матери Клер, «покрывать долг» Еве предстояло главным образом на кухне. Она считала, что Ева могла бы подавать завтрак и убирать со стола в трапезной, а за десять минут до ленча уходить из класса обратно в трапезную и приносить бульон другим студенткам.

Ева Мэлоун прожила в монастыре Святой Марии всю свою жизнь, но одноклассницы ни разу не видели, что она трудится на кухне. Конечно, она помогала накрывать на стол — так же, как любая девочка, живущая в собственном доме. Но мать Фрэнсис установила железное правило: другие школьницы не должны видеть, что Ева выполняет обязанности, которые могут показаться им унижительными.

Однако матери Клер такие тонкости в голову не приходили.

— Моя дорогая, но ведь ты с ними незнакома, — сказала монахиня, когда Ева вежливо попросила не сообщать остальным студенткам, что она учится за казенный счет.

— И едва ли познакомлюсь, если они узнают, что я учусь здесь на другой основе, — ответила Ева.

Мать Клер прищурилась. От этой девчонки, взятой из захудалого монастыря, можно было ожидать чего угодно.

— Ева, но ведь это так и есть. Ты учишься здесь на другой основе, — приятно улыбнувшись, ответила она.

Ева понимала, что эту битву необходимо выиграть еще до прибытия других студенток.

— Мать, я буду рада выполнять любые обязанности, но не глазах у своих соучениц. Могу я попросить вас еще раз подумать над тем, какую работу мне можно поручить?

На щеках матери Клер вспыхнули красные пятна. Это был настоящий бунт. Но после вступления в орден она участвовала во многих сражениях и понимала, когда оказывалась в невыгодной позиции. Именно так было в данном случае. Нокленский монастырь горячо вступился бы за свою подопечную. Да и некоторые дублинские сестры тоже решили бы, что девчонка права.

— Я сообщу тебе свое решение завтра. — Она круто повернулась и пошла по коридору, подметая пол длинным черным подолом сутаны.

Ева целый день бродила по Дублину. На душе у нее было тяжело. Девушка знала, что упрямото обойдется ей дорого.

Ева смотрела в витрины магазинов и приказывала себе думать о том времени, когда она сможет позволить себе покупать такую одежду.

Допустим, она придет и купит четыре прямые юбки разных цветов. Они стоят всего двенадцать шиллингов и одиннадцать пенсов каждая. Качество ткани невысокое, но это неважно; главное — это цвет. Ярд хлопчатобумажного гингема ^[6] стоит два шиллинга; за шесть шиллингов можно сшить себе роскошную блузку. Следовательно, четыре блузки в тон юбкам будут стоить двадцать четыре шиллинга.

Суконные куртки Ева отвергла. Она слишком маленькая, а куртки слишком просторные, она в них утонет. Лучше купить шесть модных нейлоновых, по пять шиллингов каждая. И брюки-дудочки винного или темно-синего цвета, в которых здесь ходят почти все. Цена разная, но в среднем фунт.

Будь у нее бумажник, набитый банкнотами, Ева тут же вошла бы в магазин и купила все сразу. Немедленно.

Но Ева прекрасно знала, что дело вовсе не в деньгах на наряды. Она тосковала по другой жизни. Ей хотелось учиться в университете три, а то и все пять лет. Ради учебы она пошла бы на любые жертвы, но об этом и мечтать не приходилось.

Говорят, есть люди, которые днем работают, а вечером учатся. Но чтобы получить диплом, позволяющий найти работу, придется провести год с ужасной матерью Клер...

Она очнулась только тогда, когда прошла через парк Святого Стивена и очутилась у большого серого здания ДКУ. Студентов в нем еще не было, и Ева медленно обошла огромный вестибюль. Навстречу ей попадались только сотрудники администрации.

Семестр должен был начаться на следующей неделе. Среди сотен первокурсников со всей Ирландии будет и счастливица Бенни.

Ева понимала, что она сама относится к тысячам тех, кто никогда сюда не попадет. Но они на это и не претендовали. Этих юношей и девушек воспитывали совсем по-другому и не заставляли верить, что у них есть мозги, нужные для учебы. Именно поэтому ей и было так тяжело.

Ева знала, что на той неделе в эти двери войдут девушки, для которых университет является неотъемлемой частью их социального статуса. Эти девушки не хотят учиться, у них другие мечты и другие планы, они просто выполняют желание родителей. Другие еще не определились и хотят использовать это время, чтобы осмотреться. Будь они прокляты, эти Уэстуорды, которые отказались от своей плоти и крови, отдали ее на попечение монахинь и даже не подумали о том, что она уже окончила школу!

Разве справедливо, что человек, который упорно учился и любил знания, не может продолжить учебу только потому, что жадные и равнодушные родственники предпочли забыть дитя мезальянса, вместо того чтобы проявить щедрость и удостовериться, что они сделали одно доброе дело за день?

Она смотрела на застекленные доски объявлений и читала красочные призывы вступать в то или иное общество, кружок, спортивную секцию или клуб, которые начнут работу после начала занятий.

Видела широкие лестницы, которые вели в библиотеку и аудитории. Видела красные

плюшевые скамьи, которые через неделю займут студенты, и мечтала оказаться среди них. Читать, писать, искать информацию, общаться с умными людьми и не тратить время на споры с такими ужасными особами, как мать Клер.

На ее месте Мудрая Женщина смирилась бы и поставила крест на своих мечтах. Но быть Мудрой Женщиной до самой смерти очень скучно. Время от времени нужно превращаться в Совсем Не Мудрую Женщину.

В первый день занятий Бенни ехала в Дублин, и ее трясло как никогда в жизни. Домашние вели себя так, словно она была малышкой, впервые надевшей нарядное платье и отправлявшейся к подружке на день рождения, а не здоровенной восемнадцатилетней дылдой, собравшейся в университет и обрядившейся с головы до ног в одежду темных тонов.

Перед ее глазами стояла утренняя сцена. Отец со слезами гордости на глазах, который после ее отъезда пойдет в магазин и начнет надоедать покупателям рассказами о том, что его чудесная дочь поступила в университет. Мать, сидящая с протянутой рукой и повторяющая то, о чем она говорила уже несколько месяцев: как хорошо, что Бенни сможет каждый вечер возвращаться домой на автобусе. Патси, напоминающая верную старую чернокожую рабыню из кино; разница лишь в том, что Патси всего двадцать пять и кожа у нее светлая. От всего этого хотелось плакать.

Но у Бенни, ехавшей в университет, были и другие заботы. Мать Фрэнсис сказала ей, что бессовестная Ева не пишет и не звонит, хотя все сестры умирают от желания получить от нее весточку. Однако Ева дважды звонила Бенни по телефону и говорила, что жизнь в дублинском монастыре невыносима. Если она не встретится с Бенни в столице, то просто сойдет с ума.

— Но как мы встретимся? Разве вас выпускают из этого ужасного места на ленч? — спросила Бенни.

— Я сказала им, что должна пойти в больницу и сдать анализ крови.

За все годы их дружбы Бенни не слышала от Евы ни слова лжи. Самой Бенни приходилось лгать на каждом шагу, чтобы ее куда-нибудь отпустили или позволили задержаться. Но Ева наотрез отказывалась обманывать монахинь. Если она опустила до лжи — значит, дела в Дублине совсем плохи.

А еще этот Шон Уолш. Бенни не хотелось никуда идти с ним, но мать и отец твердили, что с его стороны очень любезно проявлять интерес к тому, что она поступила в университет, и в честь такого события пригласить ее в кино. Она решила пойти по пути наименьшего сопротивления и приняла приглашение. В конце концов, не было лучшего способа отметить начало нового этапа ее жизни, чем прямо сказать Шону, что эта новая жизнь не предусматривает их совместных посещений кино и других культурных мероприятий.

Вчера вечером они посмотрели «Женевьеву». Всем остальным картина понравилась. Люди уходили из кинотеатра, напевая мелодии из фильма и мечтая иметь внешность Кей Кендалл или Кеннета Мора. Но не Бенни. Она была вне себя.

Потому что весь фильм Шон Уолш клал свою костлявую руку то на ее плечо, то на колено, а однажды даже умудрился обнять Бенни за спину, просунуть руку ей под мышку и положить ладонь за грудь. Бенни сбрасывала его руку, но когда они вышли из кино, Шон набрался нахальства сказать:

— Знаешь, Бенни, я уважаю тебя за то, что ты сказала «нет». Это делает тебя в моих

глазах еще более достойной девушкой, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Уважает ее! За то, что она сказала ему «нет»? Это было легче легкого, но Шон не сомневался, что его приставания доставляли ей удовольствие.

— Шон, я иду домой, — сказала она.

— Нет, я сказал твоему отцу, что мы выпьем по чашечке кофе у Марио. Они тебя еще не ждут.

Она опять попала в ловушку. Если бы сейчас Бенни пришла домой, родители спросили бы, почему она не пила кофе.

В витрине магазина Пегги Пайн, находившегося рядом с кинотеатром, были выставлены новые модели осеннего сезона. Бенни смотрела на белые блузки и светло-розовые мохеровые свитера. Чтобы поскорее оставить позади тему прикосновений и поглаживаний, она заговорила об одежде.

— Красивые, правда, Шон? — спросила Бенни, думая не о свитерах, а о том, что после отъезда в университет больше никогда с ним не встретится.

— Да, но это не для тебя. Ты слишком умна, чтобы уделять повышенное внимание своей внешности.носишь темное. Ничего бросакого.

Когда они перешли дорогу и сели за пластмассовый столик в магазине Марио, в глазах Бенни еще стояли слезы. Шон принес две чашки кофе и два шоколадных пирожных.

— Слава богу, ветер сменился, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Что ветер подул с запада, унес Еву в Дублин и разлучил вас.

— Не разлучил. Я тоже буду в Дублине.

— Но не с ней. Теперь ты взрослая, и тебе больше не обязательно быть не разлей вода с такими, как она.

— Мне нравится быть с ней не разлей вода. Она моя подруга. — «Зачем я все это ему объясняю?» — подумала Бенни.

— Так было раньше. Но больше не будет.

— Я не хочу сплетничать о Еве за ее спиной.

— Мы не сплетничаем. Просто я говорю, что ветер сменился. Теперь, когда Евы нет, ты не сможешь ходить с ней в кино. Тебя буду приглашать я.

— Теперь у меня не останется времени на кино. Только на занятия.

— Ты же не будешь заниматься каждый вечер, — самодовольно улыбнулся он. — Кроме того, всегда есть уик-энды.

Внезапно Бенни ощутила страшную усталость.

— Всегда есть уик-энды, — повторила она. Так было проще.

Но Шон принял это за знак одобрения.

— Не думай, что твое университетское образование нам помешает, — сказал он.

— Помешает?

— Вот именно. С какой стати? Кое-кому это помешало бы, но я не из таких. Бенни, я хочу тебе кое-что сказать. Я всегда брал пример с твоего отца. Не знаю, известно это тебе или нет.

— Ты работаешь в его магазине. Конечно, ты должен у него учиться.

— Дело не только в этом. Учиться торговать можно у любого владельца магазина верхней одежды в стране. Учиться портняжному делу можно в любом ателье. Но я слежу за тем, как мистер Хоган смотрит на мир, и пытаюсь научиться этому.

— И чему ты уже научился?

— Ну, во-первых, не гордиться. Твой отец женился на богатой женщине старше себя. Он не постеснялся вложить деньги жены в свой бизнес. Этого хотели они оба. За журавлем в небе гоняются только дураки и ненормальные... Поэтому я стараюсь следовать по его стопам.

Бенни посмотрела на него так, словно впервые видела.

— Шон, что ты хочешь этим сказать? — спросила она.

— Что все это не имеет для меня никакого значения. Я выше этого, — надменно сказал он.

Наступила пауза.

— Я сказал это только для примера, — закончил он.

Так прошел вчерашний вечер.

Отец и мать были довольны, что она пила кофе с Шоном.

«Если они желают мне такой судьбы, то почему позволили поступить в университет? — думала Бенни. — Если они хотят, чтобы я в конце концов вышла замуж за этого полудурка, то зачем ведут меня в горы и показывают мир?» Ответить на этот вопрос было не легче, чем понять, что творится с Евой. Ева сказала, что она не только освободится на ленч, но встретит Бенни у автобуса и доведет до самого университета.

— Как овцу на веревочке, — сказала она по телефону.

* * *

Джек Фоли проснулся рывком. Ему снилось, что они с другом Эйданом Линчем находятся в камере смертников какой-то американской тюрьмы и должны умереть на электрическом стуле. Кажется, их преступление заключалось в том, что они слишком громко пели песню «Убежище Эрнандо».

Он перевел дух, поняв, что находится в просторной спальне с мебелью красного дерева. Джек говорил, что в их шкафах, расставленных по всему дому, можно спрятать целую армию. Мать отвечала, что он может смеяться сколько угодно, но она потратила кучу времени, бегая по всему городу и разыскивая подходящие вещи на аукционах.

Их большой викторианский дом с садом находился в Доннибруке, в паре миль от центра Дублина. Район был фешенебельный; здесь с давних пор селились квалифицированные специалисты, купцы и правительственные чиновники.

Здесь дома не имели номеров. У каждого было свое название, и почтальон знал, кто где живет. Если люди попадали в этот район, то уже больше никуда не переезжали. Джек был старшим в семье; он родился в доме поменьше, но не помнил этого. Родители поселились здесь, когда он уже научился ходить.

Как-то он заметил, что на старых фотографиях мебели в комнатах было намного меньше.

— Мы украшали дом, — ответила ему мать. — Не торопились и тщательно выбирали каждую вещь.

Ни Джек, ни его братья не уделяли дому большого внимания. Он был всегда. Так же, как Дорин, всегда накрывавшая на стол. Или старый пес Освальд, который жил здесь столько, сколько они себя помнили.

Джек тряхнул головой, отгоняя мысль о камере смертников, и вспомнил, что сегодня начинаются занятия в университете.

Первый день учебного года означал, что Джек впервые в жизни наденет студенческий шарф и шапочку с надписью «Дублинский университет». В столовой большого дома царил оживление. Во главе стола сидел доктор Джон Фоли и смотрел на своих пятерых сыновей. Джон рассчитывал, что все они будут изучать медицину, как и он сам, и испытал шок, когда Джек выбрал юридический факультет. Возможно, то же самое случится и с остальными. Доктор Фоли посмотрел на Кевина и Джерри. Он всегда представлял их в кабинете врача так же, как на поле для регби. Затем его взгляд упал на Ронана. По крайней мере, у этого мальчика есть медицинская жилка. Ронан мог убедить даже собственную мать, что ссадины, полученные на детской площадке, это просто царапины, а грязь на одежде легко отстирается. Именно такие качества требуются от хорошего семейного врача. Самым младшим был Ангус; круглые очки делали его похожим на ученого. Он был единственным из Фоли, которого не взяли ни в одну школьную команду. Доктор Фоли всегда думал, что в один прекрасный день его сын Ангус займется исследованиями в области медицины. Для частной практики он был слишком хрупким и нежным.

Но в старшем сыне он ошибся. Джек сказал, что у него нет желания изучать физику и химию. Он даром потратил целый семестр, пытаясь понять азы физики. Ботаника и зоология его тоже не привлекали.

Доктор Фоли тщетно доказывал, что каждый будущий врач проводит год на подготовительном отделении, а уже потом начинает заниматься медициной.

Джек оставался тверд. Он предпочитает юриспруденцию.

Нет, адвокатом он стать не хочет. Лучше поверенным. Лично ему больше всего нравится программа подготовки бакалавров гражданского права. Это то же, что бакалавр искусств, но только в юридической области. Джек серьезно обсудил данный вопрос с отцом и привлек нужную информацию. Конечно, он сможет учиться у брата матери. У дяди Кевина большая практика, он найдет место для племянника. Джек тщательно выбрал время для такого разговора. Он знал, что отец любит регби не меньше, чем медицину. Джек был одним из лучших игроков школьной команды. В финале Кубка старшеклассников он заработал две попытки и реализовал одну из них. Отец не мог ему сопротивляться. Глупо заставлять человека осваивать такую ответственную профессию из-под палки. Доктор Фоли пожал плечами. Найдется множество других мальчиков, которые пойдут по проторенной им дорожке на Фицуильям-сквер.

Мать Джека Лилли сидела на противоположном конце стола. Сколько себя помнил Джек, она всегда занималась чаем, кукурузными хлопьями, жареным беконом и помидорами. Так проходило каждое утро, кроме утра пятницы и Страстной недели.

Его мать всегда выглядела так, словно оделась специально для этого случая. Впрочем, так оно и было. Мать носила нарядные юбки от Гора и Рея и кардиган с джемпером или шерстяной рубашкой. Ее волосы были аккуратно уложены, лицо напудрено, а губы слегка накрашены. Когда Джек ночевал у друзей после регбийного матча, то понимал, что их матери совсем другие. Чаще всего женщины в халатах и с сигаретой в зубах ставили им еду на кухонные столы. Далекое не каждая семья торжественно завтракала в восемь часов утра в столовой с высоким потолком, буфетами красного дерева и окнами от пола до потолка.

Но мальчиков Фоли не баловали; мать строго следила за этим. До ухода в школу каждый должен был выполнить свои обязанности. От Джека требовалось наполнить корзины углем,

от Кевина — принести дрова, от Ангуса — свернуть вчерашние газеты в жгуты, напоминавшие формой сосиски; газетами было удобно разводиться огонь в камине. Джерри, считавшийся любителем животных, водил Освальда на прогулку в парк и следил за кормушками для птиц, стоявшими в саду, а Ронан должен был раздвигать плотные шторы в передних комнатах, забирать с крыльца молочные бутылки, ставить их в холодильник и круглый год подметать гранитную лестницу, которая вела к парадной двери. На ступеньках могли лежать лепестки вишни, осенние листья, грязь и снег.

После завтрака мальчики Фоли собирали тарелки и столовые приборы, относили на кухню и аккуратно клали в мойку. Затем они шли в большую комнату, где следовало оставлять пальто, сапоги, туфли, ранцы, а часто и форму для игры в регби.

Люди удивлялись тому, как Лилли Фоли умудрялась сохранять идеальный порядок в доме, где жили пять регбистов. Но еще больше их поражало, что она сумела женить на себе красавчика Джона Фоли. В молодости Джон был большим ходяком. Лилли была не красивее женщин, искавших его внимания, но превосходила их умом. Она знала, что Джон стремится к жизни легкой и удобной, когда все идет своим чередом, не создает трудностей и не отвлекает от работы.

В первые месяцы брака она нашла Дорин и щедро платила ей за поддержание порядка в доме. Каждую неделю делала прическу и маникюр.

Ее жизнь с красивым доктором напоминала игру со строгими правилами. Дом выглядел элегантно. У Лилли не было ни грамма лишнего жира, она изящно держалась в гольф-клубе, ресторане и даже дома. Поэтому Джону и в голову не приходило смотреть на сторону.

Когда четверо младших братьев ушли в школу, Джек налил себе еще одну чашку чая.

— Теперь я буду знать, что вы говорите за нашей спиной, — прошептал он. «Когда он улыбается, то становится настоящим красавцем», — с любовью подумала мать. Непокорные рыжие вихры и веснушки на носу его ничуть не портили. А улыбка Джека Фоли могла растопить любое сердце. Лилли гадала, влюбчив ли ее старший сын или регби отнимает у мальчика столько времени, что его удовлетворяет платоническое обожание девушек, которые сидят на трибунах и поддерживают игроков криками.

Неужели он окажется таким же стойким, каким был его отец? Что может заставить его полюбить девушку? Лилли завоевала его отца обещанием создать образцовый дом, коренным образом отличающийся от того неуютного и невеселого дома, в котором вырос он сам. Но ее Джек вряд ли клюнет на это. В этом доме он счастлив, о нем хорошо заботятся. Он еще не скоро захочет свить собственное гнездо.

— Может быть, все-таки подбросить тебя? — Джон Фоли был бы рад в первый день учебного года привезти старшего сына на Эрлсфорт-террас и помахать ему рукой.

— Нет, папа. Я уже договорился кое с кем из ребят...

Казалось, мать поняла его.

— Это не школа, тут люди ведут себя по-другому. Не будет никаких колокольчиков, которыми дают знак к началу занятий...

— Знаю, знаю. Ты забыла, что я и сам учился в университете? — с досадой ответил доктор Фоли.

— Я просто хотел сказать...

— Твоя мать права, в такой день нужно быть с друзьями. Ну что ж, удачи тебе, сынок. Пусть она и дальше улыбается тебе, как улыбалась до сих пор. Несмотря на то, что ты будешь изучать не медицину, а юриспруденцию.

— Нет уж. Когда я думаю о врачебных ошибках, у меня мурашки бегут по спине.

— Ошибки адвокатов обходятся людям не дешевле... Ладно, юристов в университетскую команду по регби берут тоже.

— Папа, дай мне немного времени.

— Ты же играл в финале Кубка старшеклассников. Они что там, слепые? Помяни мое слово, в декабре ты будешь играть за сборную университета.

— Папа, первокурсников в сборную не берут.

— А тебя возьмут.

Джек встал.

— В следующем году. Согласен?

— Ладно, если ты сыграешь за университет в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом, это мне подходит. Я очень разумный и нетребовательный человек, — сказал доктор Фоли.

* * *

Сойдя с автобуса на Набережной, Бенни увидела Еву. Поднятый воротник плаща защищал ее от дождя. Она выглядела бледной и больной.

— О господи, так ты действительно загремишь в больницу, — сказала Бенни. Ее встревожил взгляд Евы. Подруга явно сомневалась в своем будущем.

— Будь добра, помолчи. У тебя есть зонтик?

— Зонтик? Скажи спасибо, что меня не засунули в пузырь из пластика. Лило всю ночь. В плаще я выгляжу как мокрый стог сена. Под моим зонтом уместится половина Дублина.

— Тогда открой его. — Еву знобило. Они обнялись и пошли по мосту О'Коннелла.

— Что ты собираешься делать? — спросила Бенни.

— Не знаю. Мне нельзя там оставаться. Я пыталась.

— Не слишком. Еще и недели не прошло.

— Если бы ты только видела эту мать Клер!

— Ты сама говорила, что нужно во всем видеть только хорошее. Сама говорила, что можно вынести все, если знаешь, куда идешь.

— Это было до моего знакомства с матерью Клер. И теперь я не знаю, куда иду.

— Это Тринити-колледж. Дальше нужно идти вдоль ограды и свернуть на улицу, которая ведет к парку... — начала Бенни.

— Речь не о том. Я говорю о будущем.

— Ты получишь работу и уйдешь от них так, что они и глазом не успеют моргнуть. Разве не таков был план?

Ева не ответила. Бенни еще ни разу не видела подругу в таком состоянии.

— Неужели там нет никого симпатичного? Я думала, что ты уже обзавелась кучей подруг.

— На кухне есть сестра Джоан. Вечно простуженная, руки в порезах, но очень добрая. Пока я мою посуду, она варит мне какао в кувшине на случай, если придет мать Клер и подумает, что со мной обращаются как с нормальным человеком. Понимаешь, мне приходится пить не из чашки, а прямо из кувшина.

— Я имела в виду твоих одноклассниц.

— Нет, никаких подруг у меня нет.

— Ева, ты просто ни с кем не пыталась подружиться.

— Ты чертовски права, не пыталась. Какой смысл, если я здесь не останусь? Не останусь, и точка.

— Ева, но что ты будешь делать? Нельзя так обойтись с матерью Фрэнсис и сестрами.

— Через несколько дней я что-нибудь придумаю. Я не буду жить в этом монастыре. Не буду делать то, что она меня заставляет! — В голосе Евы прозвучала истерическая нотка.

— Ладно, ладно, — уже другим тоном сказала Бенни. — Может быть, вечером сядешь на автобус, уедешь в Ноклен и вернешься в монастырь?

— Не могу. Они расстроятся.

— По-твоему, лучше стоять на улице, дрожать и лгать, что ты была в больнице? Интересно, что сказали бы сестры, если бы это услышали... Ну что, пойдем через парк? Там красиво, хотя и сыро. — Лицо Бенни приняло мрачное выражение.

Ева почувствовала себя виноватой.

— Извини. Я понимаю, что порчу тебе праздник. Это совсем не то, в чем ты нуждаешься.

Они добрались до угла парка Святого Стивена. Загорелся зеленый свет, и девушки начали переходить улицу.

— Посмотри, какая красота, — с завистью сказала Бенни. Они видели смеявшихся и болтавших студентов в суконных куртках и университетских шарфах. Видели девушек с конскими хвостами, дружески шедших рядом с юношами по мокрым тротуарам к Эрлсфорт-террас. Некоторые шли сами по себе, но держались очень уверенно. Среди них была светловолосая девушка в красивом темно-синем жакете; дождь не мешал ей выглядеть элегантно.

И тут все перемешалось. Они увидели, как черный мотоцикл забуксовал, потерял управление и понесся навстречу солидному черному «моррис-майнору». Все было как в замедленном кино. Мальчик упал, а мотоцикл закувыркался и полетел дальше. Машина попыталась избежать столкновения с ними обоими, после чего и мотоцикл, и «моррис» врезались в группу пешеходов, переходивших мокрую мостовую.

Ева услышала крик Бенни, а затем увидела застывшие лица и приближавшуюся к ней машину. Девушка не слышала криков, потому что у нее зазвенело в ушах. Затем машина припечатала ее к фонарному столбу, и Ева потеряла сознание. Рядом с ней лежал мертвый мотоциклист. Мальчик по имени Фрэнсис Джозеф Хегарти.

Глава четвертая

Потом все говорили, что произошло чудо: убитых и раненых должно было быть намного больше. Вторым чудом было то, что водитель, сумевший выбраться из машины без посторонней помощи, сам оказался доктором с Фицуильям-сквер и прекрасно знал, что нужно делать. Он прижимал платок к окровавленному лицу, но заверил всех, что это царапина, и дал указания, которые были исполнены буквально. Один должен был остановить уличное движение, другой — вызвать полицию, а третий — побежать по переулку в травматологическое отделение больницы Святого Винсента и вызвать санитаров. Доктор Фоли опустился на колени рядом с телом мальчика, мотоцикл которого потерял управление. Он закрыл глаза и молча вознес хвалу Небесам за то, что его собственный сын не хочет ездить на таком средстве передвижения.

Потом закрыл глаза мальчику, сломавшему себе шею, и накрыл его своим пальто, скрывая от взглядов студентов, с которыми покойному не суждено было познакомиться. У маленькой девушки с раной на виске прощупывался слабый пульс. Скорее всего, сотрясение мозга, но состояние не критическое. Еще две девушки отделались ссадинами и синяками, но были в шоке. Он сам прикусил язык, возможно, выбил пару зубов и получил глубокий порез над глазом. Задача доктора заключалась в том, чтобы сначала передать пострадавших в руки профессионалов, а уже потом попросить кого-нибудь смерить давление ему самому.

Одна из раненых — крупная девушка с добрым лицом и каштановыми волосами, в темной одежде — очень переживала за подругу, лежавшую на земле без сознания.

— Она не умерла, нет? — В ее глазах стоял ужас.

— Нет, нет. Пульс есть. Все будет хорошо, — успокоил ее доктор Фоли.

— Просто она еще не жила. — По щекам девушки катились слезы.

— Никто из вас еще не жил, детка. — Он отвел взгляд от мертвого мальчика.

— Нет. Ева — это особый случай. Если она не поправится, это будет ужасно. — Она закусила губу.

— Я уже сказал. Ты должна мне верить... А вот и они. — Пришли санитары с носилками. Поскольку до больницы было около двух сотен ярдов, «скорая» не потребовалась.

Затем прибыла полиция. Люди идеально управляли движением, и маленькая процессия двинулась к больнице. Бенни слегка прихрамывала; однажды она остановилась и оперлась на кудрявую светловолосую девушку, которую заметила за несколько секунд до несчастного случая.

— Извините, — сказала Бенни. — Не знаю, смогу ли я идти.

— Не за что. Вы повредили ногу?

Бенни осмотрела ногу и для пробы оперлась на нее.

— Нет, не очень. А как вы?

— Не знаю. Кажется, нормально. Может быть, даже слишком нормально. Через минуту все может измениться.

Перед ними несли носилки с Евой, белой как мел. Бенни подобрала ее сумочку, дешевую сумочку из пластика, несколько недель назад купленную матерью Фрэнсис в магазине Пегги Пайн и подаренную Еве перед ее отъездом в Дублин.

— Думаю, она поправится, — дрожащим голосом сказала Бенни. — Тот окровавленный

человек, который вел машину, сказал, что она дышит и что пульс у нее нормальный.

Она так убивалась, что каждому хотелось обнять ее и приласкать, хотя Бенни была на голову выше большинства окружающих.

Девушка с красивым лицом, сейчас грязным и исцарапанным, девушка в хорошо сшитом темно-синем жакете, сейчас запачканном кровью и мокрой глиной, смотрела на нее с сочувствием.

— Этот человек — доктор. Он в таких вещах разбирается. Меня зовут Нэн Махон, а тебя?

Это был самый длинный день в их жизни.

Врачебный осмотр начался, но шел медленно. Мертвого мальчика полицейские взяли на себя. По крайней мере, пообещали сообщить о случившемся его родным. Они осмотрели его вещи. Почти на всех был адрес. В Дунлаогхейр отправили двух молодых полицейских.

— Вы сможете сказать ей, что все произошло мгновенно? — спросил Джон Фоли.

— Не знаю, — ответил рядовой. — А это действительно так?

— Да. Возможно, это ее немного утешит, — мягко сказал Джон.

Но сержант придерживался другого мнения.

— Доктор, откуда вы знаете? Многих матерей утешила бы мысль, что перед смертью он успел покаяться в грехах.

Джон Фоли отвернулся, чтобы не выдать свою досаду.

— И скажите ей, что это не его вина, — добавил он.

— Боюсь, мои люди не смогут... — начал сержант.

— Знаю, знаю, — устало ответил доктор.

— Конечно, мы дадим вам позвонить, — сказала медсестра, — но сначала вам нужно пройти осмотр. Потом вы сможете сообщить родителям, что с вами случилось. Так будет лучше.

Новости были хорошие: мелкие порезы, ничего серьезного. На всякий случай им сделают укол от столбняка и дадут легкое успокаивающее для снятия шока.

С Евой было хуже. Треснувшие ребра, небольшое сотрясение мозга, глубокий порез у края глаза и перелом запястья. Ей придется пробыть в больнице несколько дней. Возможно, неделю. Они хотели знать, кому сообщить об этом.

— Подождите минутку, — сказала Бенни.

— Вы должны знать, кто она. Вы же ее подруга. — Монахиня, прикрепленная к больнице, была сбита с толку.

— Да, но это не так легко.

— А как быть с ее бумажником?

— Там пусто. У нее нет близких родственников. Пожалуйста, дайте мне подумать. Я должна понять, что лучше.

Бенни ничего не хотела рассказывать родителям, но нужно было решить, какой из двух монахинь сообщить о несчастье с Евой. А вдруг Ева рассердится, если мать Фрэнсис узнает о ее невеселой жизни в монастыре, лжи и обстоятельствах, которые привели ее сначала на другой конец города, а потом на больничную койку?

И так ли ужасна мать Клер, как считала Ева?

В конце концов, эта женщина — монахиня. Если она посвятила себя Богу, то в ней

должно быть что-то хорошее.

У Бенни заболела голова. Задача оказалась слишком трудной.

— Может быть, поделишься? Одна голова хорошо, а две лучше, — сказала Нэн Махон.

Они сидели у стола и пили сладкий чай с молоком.

— Это похоже на сказку братьев Гримм, — ответила Бенни.

— Рассказывай.

И Бенни начала рассказывать, чувствуя себя предательницей.

Нэн слушала ее и задавала вопросы.

— Звони матери Фрэнсис, — наконец сказала она. — И скажи, что Ева собиралась позвонить ей сегодня.

— Но это не так.

— Какая разница, когда именно она собиралась позвонить, если от этого монахине станет легче?

Это имело смысл. Да, имело.

— А как быть с матерью Клер?

— Со злодейкой?

— Похоже, это действительно ужасная особа. Она будет кричать на добрую мать Фрэнсис. Просто кошмар, что она имеет отношение к этому делу.

— Если так, то зачем звонить ей и подвергаться адским мучениям ни за что?

— Думаю, ты права.

— Вот и хорошо. Тогда ступай и скажи это местной сестре, иначе она подумает, что у тебя сотрясение мозга или что-нибудь в этом роде. И заодно попроси кого-нибудь из медперсонала сообщить матери Фрэнсис о повреждениях Евы. Сама ты только напугаешь ее до смерти.

— А почему ты не хочешь звонить родителям?

— Потому что моя мать работает в отеле, где не любят замужних женщин. Я не хочу, чтобы она волновалась из-за пустяков и срывалась с места. А отец... — Нэн сделала паузу.

Бенни ждала.

— Ну, это другое дело.

— Хочешь сказать, что ему на тебя наплевать?

— Совсем наоборот. Он примчится сюда, начнет шуметь, кричать, устроит сцену, скажет, что его бедную девочку ранили и напугали до смерти, а потом потребует выяснить, кто в этом виноват.

Бенни улыбнулась.

— Я серьезно. Он всегда был таким. Это и хорошо, и плохо. Хорошо — потому что я могу получить от него все, что мне нужно.

— А плохо?

— Не знаю. Просто плохо, и все. — Нэн пожала плечами, и Бенни поняла, что разговор окончен. — Ступай и позвони Доброй Фее, пока на нас снова не напялили крахмальные халаты.

Кит Хегарти находилась в большой передней спальне, которую сдавала двум братьям из-под Голуэя. «Умные и симпатичные мальчики, — думала она. — Хорошо воспитанные матерью. В отличие от других, одежду вешают аккуратно. Проблем с ними не будет. Один учится на сельскохозяйственном, другой — на экономическом. Что бы там ни говорили, а

фермеры у нас не бедствуют. Сегодня в двери университета войдет немало фермерских сыновей».

А потом она подумала о собственном сыне. Фрэнк поднимется по ступеням университета с уверенным видом, хотя в глубине души будет трусить. В первый день занятий все ее жильцы выглядели неловкими и встревоженными, но через две-три недели чувствовали себя так, словно учились там всю свою жизнь.

Фрэнку будет легче, потому что он уже знает Дублин. Ему не придется привыкать к большому городу, как этим деревенским мальчишкам.

Услышав скрип калитки и увидев двух молодых полицейских, которые посмотрели на окна и медленно двинулись по дорожке, Кит Хегарти тут же поняла, зачем они пришли.

Джек Фоли встретил в толпе нескольких одноклассников. Близкими друзьями они не были, но увидеть в этом море знакомые лица было очень приятно. Они тоже обрадовались ему.

Вступительная лекция должна была начаться только в двенадцать, поэтому оставалось лишь чесать языками.

— Это похоже на школу без учителей, — сказал Эйдан Линч, который во время учебы в школе не обращал на учителей никакого внимания.

— Хочешь сказать, что нам придется много работать самостоятельно и таким образом закалять характер? — спросил Джек.

— Наоборот. Что работать здесь нам не придется вовсе, — весело ответил Эйдан. — Может, сходим за угол? Я видел, что туда направляются очень хорошенькие девушки.

Эйдан разбирался в девушках лучше своих одноклассников, поэтому все дружно потянулись за ним.

Свернув за угол, они поняли, что тут что-то произошло. Люди еще стояли кучками и обсуждали случившееся. Один студент сильно разбился, может быть, даже насмерть. Когда мальчика уносили, его лицо было накрыто одеялом.

Мальчик ехал на том мотоцикле, куски которого валялись у стены. Кто-то сказал, что он должен был учиться на инженерном.

Эйдан смотрел на искореженные куски металла.

— О боже, я надеюсь, что это не тот парнишка, с которым мы летом работали в Питерборо на консервном заводе. Он мечтал о мотоцикле. Фрэнк Хегарти. Он собирался подавать документы на инженерный факультет.

— Там учатся сотни... — начал Джек Фоли, но осекся, заметив машину, которую откатали в сторону от места происшествия. На усыпанной стеклом мостовой виднелись пятна крови. Машину передвинули, чтобы она не мешала уличному движению.

Это был «моррис» его отца.

— Кто-нибудь еще ранен?

— Девушка. Молодая девушка. Она плохо выглядела, — сказал один из людей, которые всегда встречаются на месте происшествия, — всезнаек и пессимистов.

— А мужчина? Мужчина, который был за рулем?

— О, этот цел. Тот еще тип. В шикарном пальто с меховым воротником. Вышел из «морриса» и начал командовать направо и налево, как генерал.

— Он врач и просто делал свое дело, — начал оправдываться Джек.

— Откуда ты знаешь? — изумился Эйдан Линч.

— Это наша машина. Пожалуйста, сходи за кофе. А я тем временем сбегаю в больницу и узнаю, что с отцом.

Не успели остальные открыть рот, как Джек перебежал мокрую улицу и помчался к воротам больницы Святого Винсента.

— Слушайте внимательно, — сказал Эйдан. — Весь фокус в том, чтобы стать первым человеком, которого встретит девушка. Им это нравится. Парень, который познакомился первым, получает громадное преимущество. Вы меня поняли?

Рассказать о случившемся матери Фрэнсис оказалось намного легче, чем думала Бенни. Монахиня сохранила спокойствие и не стала ахать из-за того, что Ева нарушила все тщательно составленные для нее планы. Мать Фрэнсис была женщиной практичной.

— Бернадетта, скажи мне просто и быстро, под каким предлогом она отпросилась у матери Клер.

— Ну... — Бенни чувствовала себя так, словно снова стала восьмилетней девочкой. — Получилось немного неудобно... — Во всем было виновато обращение «Бернадетта». Она снова сидела в классе, облаченная в школьную форму.

— Не сомневаюсь. Но будет лучше, если ты расскажешь мне все. Тогда я буду знать, что сказать матери Клер. — Тон монахини был мягким. Неужели она согласится поддержать ложь?

Бенни решила рискнуть.

— Она думает, что Ева в больнице. Наверное, Ева сама сказала бы вам об этом, если бы у нее была возможность позвонить...

— Конечно, сказала бы. Бернадетта, перестань суетиться. Меня гораздо больше волнует, чтобы Ева как можно скорее выздоровела. А для этого ей нужно знать, что мы сделали все, чтобы облегчить ей жизнь. Ты в состоянии сообщить мне подробности?

Бенни закусил губу и запинаясь рассказала историю о мифическом анализе крови. Это было воспринято хладнокровно.

— Спасибо, Бернадетта. Ты можешь передать трубку человеку, который мог бы рассказать, какие повреждения получила Ева?

— Да, мать Фрэнсис.

— Бернадетта...

— Да, мать Фрэнсис?

— Первым делом позвони отцу на работу. Скажи, что не смогла дозвониться до матери. С мужчинами говорить легче. Они не так суетятся.

— А как же вы сами? Вы совсем не суетитесь.

— Ах, детка, я — это совсем другое дело. Я не женщина.

Бенни передала трубку больничной монахине, села и закрыла лицо руками.

— Неужели было так страшно? — посочувствовала ей та.

— Нет, вы были правы. Это оказалось легко.

— Так происходит всегда, если взяться за дело правильно.

— А теперь я должна позвонить родителям. Как это лучше сделать?

— Ты хочешь что-то скрыть от них? — Казалось, монахиню это позабавило.

— Нет. Просто поднимется страшный шум. Они до сих пор считают меня младенцем.

— Все зависит от того, как начать. Не говори: «Случилось что-то ужасное».

— А что сказать?

Монахиня потеряла терпение.

— Похоже, ты и вправду младенец, — бросила она. У Бенни сжалось сердце. Наверное, сестра права. Она действительно младенец, безмозглый младенец.

— Привет, папа, — сказала она в трубку. — Это Бенни. Папа, у меня все хорошо. Я пыталась дозвониться до мамы, но, наверное, у нас что-то с телефоном... — Она посмотрела на монахиню, и та подняла вверх большой палец. — Нет, я еще не в университете, но рядом с ним. Знаешь, люди здесь очень осторожные и на всякий случай попросили нас позвонить родителям, хотя ничего страшного не произошло...

Шон Уолш бежал по улице, чтоб сообщить новость Аннабел Хоган. Миссис Хили увидела его из окна своей гостиницы и решила, что начался конец света. Этот молодой человек всегда ходил правильно. Но сегодня он не ответил на приветствие Десси Бернса, пытавшегося позвать его в свой хозяйственный магазин, и не заметил мистера Кеннеди, сквозь очки рассматривавшего пузырьки и баночки, стоявшие в витрине аптеки. Он пробежал мимо магазина Марио, в котором вчера вечером пил кофе с Бенни, мимо газетного киоска, кондитерской, пивной и сапожной мастерской Пакси Мура и свернул на мокрую, усыпанную листьями дорожку, которая вела к дому Хоганов. «Если бы этот дом был моим, — сказал себе Шон, — я бы его хорошенько выкрасил и сделал красивые ворота. Это пошло бы ему на пользу».

Дверь открыла Патси.

— Шон, — без особой радости сказала она.

Уолш слегка покраснел. Будь он хозяином этого дома, служанка не посмела бы называть его, старшего приказчика, по имени. Нет уж, она обращалась бы к нему «мистер Уолш» или «сэр». И носила бы форму горничной или, как минимум, белый воротник и передник.

— Миссис Хоган дома? — свысока спросил он.

— Входи. Она разговаривает по телефону, — небрежно ответила Патси.

— По телефону? Значит, его починили?

— Он и не ломался, — пожала плечами Патси.

Она провела Шона в гостиную. Он слышал голос миссис Хоган, с кем-то говорившей по телефону. Аппарат находился в комнате для завтраков, смежной с кухней. Шон его там не держал бы. Телефон должен был стоять в коридоре не полукруглом столике. Хорошо отполированном столике под зеркалом. За аппаратом стояла бы ваза с цветами, отражающаяся в крышке стола. Когда Шон приходил в чей-то дом, то всегда осматривался по сторонам. Ему хотелось знать, как будет обставлен его собственный дом. Которым он рано или поздно обзаведется.

В гостиной стояла мебель с потертой ситцевой обивкой; ниша была отделена от комнаты шторой. «Ее можно было бы довести до ума», — подумал Шон и представил себе, что еще здесь можно изменить. Он так увлекся, что не заметил вернувшуюся Патси.

— Она сказала, что ты можешь пройти.

— А разве миссис Хоган не придет сюда? — Он не хотел сообщать новость там, где их могла бы подслушать служанка, но послушно прошел в неказистую комнату для завтраков.

— Здравствуй, Шон. — В отличие от служанки, Аннабел Хоган была с ним вежлива.

— Мне очень жаль, что я принес вам плохую новость, но произошел несчастный случай, — сказал он мрачным тоном гробовщика.

— Я знаю. Бедная Ева. Мать Фрэнсис уже позвонила мне.

— Миссис Хоган, это касается и Бенни...

— Да, но она не пострадала. Она сказала это и матери Фрэнсис, и отцу. То ли были какие-то неполадки на линии, то ли номер был занят. Я говорила с отцом Руни об изображении Крестного Пути.

— Бенни получила несколько ссадин и вывихнула лодыжку. — Шон не верил своим ушам. Он думал, что миссис Хоган придется утешать, но та была совершенно спокойна. Непостижимо...

— Да, но все остальное в полном порядке. Бенни немного посидит в больнице, за ней понаблюдают, а вечером посадят на автобус, как она и планировала. Мать Фрэнсис говорит, что это всего лишь шок. Бенни лучше побыть там, где в таких вещах разбираются.

Шон почувствовал себя полководцем, которого лишили триумфа.

— Я думал съездить за Бенни в Дублин и привезти ее, — пробормотал он.

— Нет, Шон, не стоит. Это слишком большое одолжение.

— Знаете, вряд ли ей понравится сидеть там. Больные люди, запах дезинфекции... Сегодня мы закрываемся рано. Я хотел попросить мистера Хогана дать мне взаймы машину.

Стоило Аннабел Хоган увидеть расстроенное лицо Шона Уолша, как все труды матери Фрэнсис пошли насмарку.

— Шон, ты очень добр, но если дело так плохо, то мой муж захочет сам съездить за ней...

— Миссис Хоган, насколько я знаю, найти место для парковки в центре Дублина очень трудно. В последние годы мистер Хоган редко ездил в город, а я все равно собирался съездить в Дублин за образцами тканей. Мы просили прислать ткани с автобусом, но они так этого и не сделали...

— Может быть, мне поехать с тобой? Как ты думаешь?

Шон Уолш что-то посчитал в уме, а потом принял решение.

— Миссис Хоган, если не возражаете, я поеду один. А вы тем временем все здесь приготовите.

Расчет оказался правильным. Аннабел тут же представила себя в роли матери, готовящейся встретить больную дочь.

Шон вышел из дома с улыбкой. На обратном пути он уже не бежал, а чинно шел по другой стороне главной улицы Ноклена. Поклонился доктору Джонсону, вышедшему из своего кабинета. Заглянул в витрину магазина Пегги Пайн и поморщился, увидев пастельные цвета, которыми вчера так восхищалась Бенни. Бенни слишком взрослая, чтобы носить такую одежду. И все же приятно, что она спросила у него совета.

В этот уик-энд будут показывать «Каникулы мсье Юло». Прекрасно. К тому времени Бенни поправится, а фильмы с субтитрами Шон не любит. Они вызывают у него комплекс неполноценности.

Он расправил плечи. Для комплекса неполноценности нет никаких причин. Все складывается лучше некуда.

Осталось только одно. Рассказать мистери Хогану, что миссис Хоган очень расстроилась, но он, Шон Уолш, сумел найти выход из положения.

Доктор Фоли сказал, что перед уходом зайдет в травматологическое отделение и узнает, как себя чувствует та бедная девочка.

— Утренний прием пришлось отменить... Не проводишь меня до Шелбурна? Там я сяду

на такси.

— Я могу пригнать его сюда. А потом мы вместе поедem домой.

— Нет-нет, не нужно. Подожди меня в приемной, ладно?

Джек пошел в приемную — комнату со слишком яркими желтыми стенами. У стола сидели две девушки. Одна из них была хорошенькой блондинкой; у другой — крупной девушки с длинными каштановыми волосами, перехваченными большим бантом — была забинтована нога. Должно быть, они тоже участвовали в том несчастном случае.

— Страшно было? — спросил Джек и вопросительно посмотрел на пустой стул, словно прося разрешения сесть. Они придвинули ему стул и всё рассказали. Сказали, что слышали, будто доктор сумел объехать их, направив свой автомобиль на фонарный столб. Серьезно ранена только Ева, которую сбила машина, но даже Ева выпишется из больницы через неделю.

Они говорили непринужденно. Однако стоило Бенни посмотреть на сидевшего рядом красивого юношу, как у нее начинал заплетаться язык. С такими мальчиками ей раньше беседовать не приходилось. Она начинала предложение, но не знала, как его закончить.

Джек Фоли не сводил глаз с Нэн, но она не обращала на это внимания и говорила так, словно в беседе принимали участие три равноправных партнера. Джек объяснил, что за рулем машины сидел его отец. Нэн сказала, что они с Бенни пытаются придумать, как скрыть свои синяки и ссадины, чтобы дома не начались ахи и охи.

— Знаете, мне расхотелось сегодня идти в университет. А вам? — Нэн смотрела на Бенни и Джека так, словно собиралась что-то предложить.

— Можно купить вам по тарелке чипсов? — спросил Джек.

Бенни захлопала в ладоши как ребенок.

— Я и не догадывалась, что именно этого требует моя душа. Ну, может, и не душа, но требует. Причем очень громко, — сказала она, заставив собеседников улыбнуться.

— Я только посажу отца на такси и вернусь за вами, — сказал Джек, глядя в глаза Нэн.

— И куда мы пойдем? Это самое лучшее предложение за день, — промолвила Нэн.

— Он очень симпатичный, — сказала Бенни, когда Джек ушел.

— Это будущий кумир университета, — ответила Нэн.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела, как он играл в финале Кубка старшеклассников.

— Во что играл?

— Он был крайним. — Увидев сбитый с толку взгляд Бенни, Нэн объяснила: — В регби.

Он действительно замечательный игрок.

— Как ты попала на матч по регби?

— Как все. Это большое общественное событие.

Бенни поняла, что есть множество вещей, в которых она ничего не смыслит. Матчи по регби — только малая их часть. И этот пробел в знаниях она не преодолеет даже в том случае, если проведет в Ноклене всю свою жизнь.

Внезапно ей захотелось стать совершенно другой. Маленькой, изящной, с крошечными ступнями. Такой, как Нэн. Чтобы смотреть на мужчин не сверху вниз, а снизу вверх. Чтобы ее родители жили на островах Аран, куда нельзя возвращаться каждый вечер. Захотелось превратиться в блондинку и красить волосы каждый день, чтобы не было видно темных корней. Увы, стать меньше ростом нельзя. Можно похудеть, но ее плечи останутся широкими, а ступни — толстыми и длинными. Еще не придумали операцию, с помощью

которой можно сделать ногу маленькой.

Она с отвращением посмотрела на свои ноги в туфлях на низком каблуке и толстую повязку. У матери ступни нормальные и у отца тоже, так почему ей, Бенни, достались такие лапы? Помнится, однажды в школе им рассказывали про какое-то животное, которое вымерло из-за того, что лапы у него были огромные и плоские. Теперь Бенни не знала, завидовать этому животному или жалеть его.

— Что, сильно болит? — спросила Нэн, увидев, что Бенни смотрит на свою ногу.

И тут в приемную вернулся Джек.

— Ну что, пошли? — спросил он.

Нэн встала.

— Кажется, у Бенни болит нога, — сказала она.

— Ох... Мне очень жаль. — Джек мельком посмотрел на Бенни и сочувственно улыбнулся.

— Нет, все в порядке, — ответила Бенни.

— Ты уверена? — Либо Джек был очень хорошо воспитан, либо хотел остаться с Нэн наедине. Бенни терялась в догадках. Впрочем, теперь так будет всегда, поэтому расстраиваться не из-за чего.

— Ты смотрела на свою ногу и хмурилась, — сказала Нэн.

— Нет, я просто вспомнила о молитвах, которые мы возносили за обращение Китая в католичество. Вы тоже молились за это?

— Кажется, в нашей школе молились за обращение России, — ответил Джек. — Но не уверен. Это показывает, как ловко я умел избегать таких молитв.

— Не понимаю, почему мы вообще должны были молиться за китайцев, — с насмешливой злобой сказала Бенни. — У них есть прекрасные обычаи. Они всем бинтуют ноги.

— Что?

— Да, с самого рождения, чтобы никто не мог наступить друг другу на ногу или дать подножку. Там у всех крошечные ступни и тонкие кости. И все выглядят элегантно.

Похоже, Джек впервые обратил внимание на ее существование.

— А теперь за чипсами, — сказал он, глядя прямо на Бенни. — Четыре тарелки. По одной каждому и одну навынос. И целое море томатного кетчупа.

И тут Бенни услышала голос медсестры, говорившей кому-то, что мисс Хоган находится в приемной. После этого в комнату вошел Шон Уолш, и у Бенни вытянулось лицо.

— Бенни, я приехал, чтобы отвезти тебя домой, — сказал он.

— Я сказала папе, что приеду на автобусе, — холодно ответила она.

— Но он дал мне свою машину...

Джек вежливо перевел взгляд с тонколицего молодого человека на крупную девушку с рыжевато-каштановыми волосами.

Представления не последовало.

Голос Бенни прозвучал очень властно. До сих пор она не догадывалась, что способна говорить таким тоном.

— Шон, надеюсь, что у тебя в Дублине есть другие дела и что ты проделал такой путь не только для того, чтобы забрать меня. Потому что я уйду. И вернусь домой на автобусе, как обещала.

— Куда ты пойдешь? Тебе нужно вернуться домой. Немедленно. Вместе со мной, — с

досадой сказал Шон.

— Бенни должна пройти дополнительные процедуры, — сказал Джек Фоли. — Мне поручено ее проводить. Вы же не хотите, чтобы она их пропустила?

Глава пятая

Бенни знала, что ее будут встречать у автобуса. Но не ожидала, что они явятся втроем, включая Патси, да еще на машине. Должно быть, Шон по возвращении рассказал им какую-то жуткую историю. Она увидела их бледные лица и два зонтика еще до того, как Микки развернул автобус и подъехал к остановке. Бенни ощутила знакомую досаду, смешанную с чувством вины. У нее самые любящие родители на свете, но от их заботы хочется быть волком.

Она уныло пошла к передней двери.

— Спокойной ночи, Майки.

— Счастливо, Бенни. Что у тебя с ногой?

— Повредила, — ответила Бенни. Наверняка жена уже все ему рассказала.

— Во всем виноваты крепкие напитки. Вот что значит разгульная студенческая жизнь! — Майки зычно расхохотался, довольный собственным остроумием.

— Да уж, разгульная студенческая жизнь, — хмуро повторила Бенни.

— Вот она! — крикнул отец с таким видом, словно сомневался в ее возвращении.

— Ох, Бенни, ты в порядке? — Мать смотрела на нее с тревогой.

— Мама, я же все сказала папе по телефону. Я жива и здорова.

— Если так, то почему тебя повезли на дополнительные процедуры? — Аннабел Хоган казалось, что от нее скрывают какую-то ужасную новость. — Мы очень испугались, когда Шон сказал, что тебя хотят осмотреть еще раз. А ты больше не позвонила, вот мы и подумали...

Лицо отца было изборождено морщинами.

— Шону незачем было приезжать, вмешиваться не в свое дело, лезть с расспросами и расстраивать всех там и здесь. — Бенни говорила спокойно, но немного громче, чем следовало.

Миссис Кеннеди оглянулась и посмотрела на нее. Конечно, сегодня вечером в доме аптекаря будут обсуждать сцену, которую Хоганы устроили в общественном месте, на глазах у всех. Ай-яй-яй. Пожалуй, не стоило отпускать Бенни в столицу одну.

— Он поехал туда для нашего спокойствия, — сказал отец Бенни. — Мы очень волновались.

— Неправда, папа! Когда я позвонила и сказала, что вернусь на автобусе, ты был совершенно спокоен. Я говорила с тобой. Ты сказал, что мама тоже волноваться не будет, а потом Шон все испортил.

— Мальчик потратил половину выходного на то, чтобы привезти тебя домой, а потом вернулся и сказал, что тебя должны показать еще одному врачу. Ты осуждаешь нас за то, что мы волновались? — Эдди Хоган был расстроен. Стоявшая за его спиной Аннабел пристально изучала лицо дочери. Даже Патси не была убеждена, что все в порядке.

— Я не хотела, чтобы Шон приезжал за мной. Вы даже не заикнулись, что он приедет. О господи, со мной ничего страшного не случилось. Неужели вы этого не поняли? Я была в полном порядке, но мальчик погиб. Погиб у меня на глазах. Минуту назад он был жив, а потом сломал себе шею. Ева лежит в больничной палате со сломанными ребрами, сотрясением мозга и всем прочим. А Шону Уолшу взбрело в голову притащиться в больницу и начать задавать дурацкие вопросы обо мне!

Бенни с ужасом поняла, что по ее лицу текут слезы, а собравшиеся вокруг люди смотрят на нее с сочувствием. Две школьницы, в сопровождении молодой монахини ездившие в Дублин за книгами, уставились на нее во все глаза. Еще до отбоя об этом узнает весь монастырь.

Отец Бенни решил, что пора действовать.

— Я отведу ее в машину, — сказал он. — Патси, будь хорошей девочкой, сбегай к доктору Джонсону и попроси его прийти к нам как можно скорее. Успокойся, Бенни. Успокойся. Все вполне естественно. Это шок, вот что это такое.

Бенни подумала, что если есть понятие «шок», то должно быть и понятие «Гнев с большой буквы». Потому что именно в таком состоянии она в данный момент и находилась. В состоянии беспомощного гнева.

Все нокленцы узнали об этом в рекордно короткое время, но то, что они слышали, не имело к фактам никакого отношения. Миссис Хили слышала, что девушки бежали через дорогу и хихикали, как часто делали в Ноклене, вот и попали под машину. Для предосторожности обеих отправили в больницу, но когда туда приехал Шон Уолш, то обнаружил, что Бенни уже отпустили. Это станет им уроком. Человеку, приехавшему из такого маленького городка, как Ноклен, дублинское уличное движение грозит смертельной опасностью.

Услышав о несчастье, мистер Флуд осенил себя крестом и сказал, что это знак свыше, хотя смысл предупреждения понять трудно. После этого встревоженные родные заметили, что он снова пошел советоваться с деревом. Они надеялись, что эта маленькая привычка умерла сама собой.

Миссис Кэрролл сказал, что посылать девочек в университет — только даром тратить деньги. Они ни за что не послали бы туда Майру. Даже в том случае, если бы их бакалея была втрое больше дублинской бакалеи Файндлейтера. С таким же успехом можно взять деньги и бросить их в унитаз. Что они сделали в первый день пребывания в столице? Попали под первую встречную машину. Майра Кэрролл, работавшая в бакалее с отвращением, испытывала злорадное удовлетворение, но делала вид, что от души сочувствует Еве и Бенни.

Сестра сапожника Пакси Мура Би, работавшая в Уэстлендсе, слышала, что Ева умерла от страшных ран, а у Бенни такой шок, что она лишилась дара речи. Все монахини собираются в ближайшее время ехать в Дублин за телом Евы.

Берди Мак из кондитерской говорила, что в наши дни верить в справедливость Господа может только очень верующий человек. Мало того, что у этой бедной девочки не было родителей, что родственники из Уэстлендса полностью отреклись от нее, что сирота воспитывалась в монастыре, ходила в поношенной одежде, мечтала об университете, а очутилась на секретарских курсах. Но этого Господу было мало: малышка не провела в Дублине и недели, как ее сбила машина. Иногда Берди сомневалась, что на свете вообще есть справедливость. Она долго ухаживала за больной матерью, а в результате потеряла возможность выйти замуж за очень достойного человека из Баллили, женившегося на другой женщине, у которой не было больных родственников.

Десси Бернс сказал, что утверждение «пьяному море по колено», справедливость которого он слишком часто проверял на практике, абсолютно верно. Он сам цел до сих пор, а кто угодил в больницу? Бедная пигалица Ева Мэлоун, которая в рот не брала спиртного. Все беды от недопивания.

Отец Росс сказал, что мать Фрэнсис примет случившееся очень близко к сердцу. Она относилась к этой девочке как к собственной дочери. Родная мать не могла бы сделать для Евы больше. Он надеется, что это несчастье не станет для бедной матери Фрэнсис слишком сильным потрясением.

Услышав о несчастье с Евой, мать Фрэнсис не мешкала. Она пошла прямо к Пегги Пайн и смиренно дождалась момента, когда в магазине не останется ни одного покупателя.

— Пег, окажи мне услугу.

— Говори.

— Ты не можешь закрыть магазин и отвезти меня в Дублин?

— Когда?

— Как можно скорее. Честное слово, Пег.

Пегги опустила оранжевые пластиковые шторы, которые защищали от выцветания выставленные в витрине товары и летом, когда светило солнце, и зимой, когда солнца не было вовсе.

— Поехали, — сказала она.

— А как же бизнес?

— Банти, у тебя есть одна хорошая черта. Если ты просишь об услуге, то делаешь это в самое подходящее время. Перелезаешь через монастырскую стену и бежишь в Англию, чтобы начать там новую жизнь, как раз в тот день, когда магазин закрывается раньше обычного. — Она взяла сумочку, нашла ключи, надела твидовое пальто и заперла за собой дверь. У незамужней женщины есть свои преимущества. Никому не нужно объяснять, что ты делаешь. Или почему.

Даже себе самой.

* * *

— Мать Фрэнсис! — Голос у Евы был слабый.

— Ты скоро поправишься.

— Что со мной? Пожалуйста, мать Фрэнсис. Все остальные говорят либо «молчи», либо «отдыхай».

— И совершенно напрасно. — Монахиня держала тонкую руку Евы. — У тебя сломаны ребра, но они срастутся. Запястье немного поболит, но скоро заживет. И несколько швов в придачу. Разве я когда-нибудь лгала тебе? Ты поправишься.

— Ох, мать Фрэнсис, я так виновата...

— Ты ничего не могла сделать.

— Виновата перед вами. За то, что не давала о себе знать.

— Я знаю, что ты собиралась позвонить. Бенни сказала, что ты уже шла к телефону.

— Мать Фрэнсис, я тоже никогда не лгала вам. Я не собиралась звонить.

— Ну, возможно, не сразу. Но потом все равно позвонила бы.

— Вы по-прежнему думаете, что на каждый вопрос нужно давать ответ?

— Конечно.

— Что я буду делать, мать Фрэнсис? О боже, что я буду делать, когда выйду отсюда?

— Поедешь домой выздоравливать. А обо всем остальном подумаем потом.

— А мать Клер?

— Предоставь это мне.

Джек вошел через боковую дверь и увидел, что Ангус сидит в гардеробной и рассматривает свои очки.

— О господи, неужели опять?

— Джек, я не виноват. Я ничего не делал. Честное слово. Просто шел мимо этих ребят, а один из них крикнул: «Эй, ты, четырехглазый!» Ты говорил, чтобы я не обращал на них внимания. Я пошел дальше, а они побежали следом, стащили с меня очки и наступили на них.

— Это моя вина. — Джек посмотрел на очки. Починить их было нельзя. Иногда ему удавалось склеить оправу и вставить в нее стекла, но тут все было бесполезно. — Ладно, Ангус, не расстраивайся. Родителям сегодня и без того тошно.

— А что я им скажу? — Без очков Ангус выглядел беззащитным. — Не могу же я сказать, что сам наступил на них.

— Конечно, нет. Завтра эти парни получат от меня все, что заслужили.

— Нет, Джек, пожалуйста, не надо. Так будет еще хуже.

— Если я как следует набью им морду, не будет. Они тебя больше и пальцем не тронут. Побоятся.

— Но они знают, что ты не всегда будешь со мной рядом.

— Я могу оказаться рядом в самое неожиданное время. Случайно проходить мимо, когда они выйдут из школы.

— Они подумают, что я ябеда.

— Дудки, — небрежно ответил Джек. — Ты меньше их. Без очков ты плохо видишь. Если они с этим не считаются, ты имеешь полное право обратиться за помощью. Так принято.

В их доме звонить в гонг не требовалось. Лилли Фоли говорила, что о них заботится Святая Церковь. При звуке колоколов все, кто находился дома, должны были идти ужинать. Джон просил не говорить о несчастном случае в присутствии младших детей. Ему не хотелось затрагивать тему смерти. Джек подумал, что лицо у отца бледное, глаз слегка заплыл, но оставалась надежда, что этого никто не заметит. Кажется, братья действительно не обратили на это внимания. Их развлекал Ронан, обладавший актерскими способностями. Сначала он изображал учителя, который пытался заставить учеников сидеть смирно во время лекции в актовом зале. А потом начал немилосердно передразнивать косноязычного полицейского, читавшего им лекцию о правилах уличного движения.

Но время для этого он выбрал неудачное.

В другой день отец посмеялся бы или слегка пожурил Ронана за жестокость. Но сегодня лицо доктора Фоли потемнело.

— Неправильное произношение и дефекты речи — еще не повод для издевательств над тем, что он говорит, — резко сказал Джон.

— Папа, но... — растерялся Ронан.

— Можешь повторять свое «папа, но» сколько угодно. Когда ты и другие болваны, смеющиеся над бедным полицейским, попадете под десятитонный грузовик, эти слова не вернут вас к жизни.

Наступило молчание. Братья Джека тревожно переглянулись, а мать слегка нахмурилась и посмотрела на отца, сидевшего напротив.

Почему-то Джек вспомнил слова, которые днем услышал от Бенни. Девушка говорила, что хотела бы уметь управлять беседой.

— Тот, кто это умеет, сможет управлять миром, — со смехом сказала она.

— Как Гитлер? — пошутил Джек.

— Совсем наоборот. Я имела в виду человека, который умеет снимать напряжение, а не нагнетать его.

Но тут красавица Нэн Махон сверкнула глазами.

— Снимать напряжение может каждый, — сказала она, тряхнув светлыми кудрями. — А люди нуждаются в поощрении, — добавила Нэн, глядя прямо на Джека.

Нэн Махон открыла дверь дома на Мейпл-Гарденс, номер двадцать три. Она не имела понятия, успел ли кто-нибудь вернуться. Часы показывали четверть седьмого. Тот, кто приходил первым, включал электрический обогреватель в коридоре, а затем зажигал газовую плиту на кухне. Все ужинали за большим кухонным столом; гостей у них не было, так что это не имело значения.

Судя по температуре в коридоре, кто-то дома был.

— Эй! — крикнула Нэн.

Из кухни вышел отец.

— Ну, наконец-то! Ты нас до смерти напугала.

— Что случилось?

— Что случилось? Что случилось? Не строй из себя невинную овечку! Боже всемогущий, Нэн, я сижу здесь уже два часа, а от тебя ни слуху ни духу.

— Я оставила сообщение. Сказала, что произошел несчастный случай. Я не стала бы этого делать, но в больнице сказали, что это необходимо. Я позвонила тебе на работу и попросила Пола передать, что со мной все в порядке. Разве он этого не сделал?

— Кто поверит этому болвану, который одной рукой листает журналы, а другой набивает себе рот?

— Ну, тебя же не было. — Нэн сняла жакет, осмотрела его, аккуратно повесила на большую деревянную вешалку и начала счищать засохшую грязь.

— Нэн, какой-то мальчик разбился насмерть.

— Знаю, — неторопливо сказала она. — Мы это видели.

— А почему ты не вернулась?

— В пустой дом?

— Он бы пустовал недолго. Я бы приехал. А заодно вытащил мать из ее дурацкого магазина.

— Я не хотела ее тревожить. Зачем отвлекать от работы человека, который ничем не может помочь?

— Она тоже ужасно волновалась. Ты должна была позвонить ей. Мать сказала, что останется в отеле на случай, если ты захочешь туда прийти.

— Нет, это ты должен был позвонить ей. Я ее не тревожила.

— Не понимаю, в кого ты такая бессердечная... — пробормотал сбитый с толку отец.

Глаза Нэн вспыхнули.

— Где тебе понять! Видел бы ты то же, что видела я... Все эти машины, кровь, битое стекло, мальчик, накрытый одеялом, девушка со сломанными ребрами, люди, которые толпятся вокруг и чего-то ждут. Все это было... это было ужасно!

Отец пошел к ней с раскрытыми объятиями, но Нэн сумела уклониться.

— Бедная моя малышка, — пробормотал он.

— Именно поэтому я не хотела, чтобы ты приезжал в больницу. Я вовсе не бедная малышка. Я отделалась ссадинами. Просто мне не хотелось, чтобы ты устроил зрелище и поставил себя в неловкое положение. А заодно и меня.

Он захлопал глазами.

Нэн продолжила:

— Я не звонила Эм, потому что замужней женщине трудно найти работу. Какому работодателю понравится, если мамочке то и дело будут звонить рыдающие дочери? Эм работает в этой ночлежке уже шесть лет. С тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Бывали дни, когда мне хотелось, чтобы она была дома. Когда у меня болела голова или какая-нибудь монахиня кричала на меня в школе. Но я думала о ней. А ты всегда думал только о себе. Звонил ей, если не мог найти носки там, где надеялся!

Рука Брайана Махона сжалась в кулак. Он шагнул к дочери, которая начала счищать грязь с жакета, висевшего на кухонном шкафу.

— Не смей со мной так разговаривать! Может быть, ты и расстроена, но я не позволю тебе задирать нос. Твой отец ищет день и ночь, чтобы дать тебе возможность получить высшее образование. Извинись сейчас же или пеняй на себя!

Нэн и глазом не моргнула. Она чистила жакет, следила за тем, чтобы комья глины падали на аккуратно подстеленную газету, и молчала.

— Иначе ты вылетишь из этого дома как пробка.

— Не вылечу, — ответила Нэн. — Во всяком случае, сейчас.

Мать Фрэнсис до последнего оттягивала уход от матери Клер. Позвонила сестрам в Ноклен, не сказав им ничего определенного. Но было ясно, что вскоре придется под дождем тащиться на автобус, который довезет ее до монастыря. Она отослала Пегги домой. Этот визит подруге удовольствия не доставил бы.

«Если бы я была настоящей матерью дочери-подростка, — мрачно подумала монахиня, — мне пришлось бы куда хуже». Будучи школьной учительницей, мать Фрэнсис прекрасно знала, что эти девчонки вытворяют со своими родителями. Доводят их до белого каления. Настоящие матери — просто мученицы. С этой мыслью она свернула за угол коридора и вернулась в приемную. Там плакала женщина, обхватившая себя руками от горя.

Рядом с ней стояла симпатичная седовласая дама, не знавшая, что делать: то ли начать утешать подругу, то ли дать ей выплакаться.

— Фрэнк! — рыдала женщина. — Фрэнк, скажи мне, что это неправда! Скажи мне, что это был кто-то другой, просто похожий на тебя!

— Они снова пошли за медсестрой, — объяснила ее спутница матери Фрэнсис. — Еще минуту назад все было в порядке. У нас заказано такси. Я хотела отвезти ее к себе...

— Это был ее сын? — спросила мать Фрэнсис.

— Единственный. — Взгляд женщины стал тревожным. — Я ее соседка. Она переночует у меня. Я послала свою сестру присмотреть за другими мальчиками.

— Мальчиками?

— Она сдает комнаты студентам. А у ее сына был первый день занятий.

Лицо монахини стало печальным. Измученная Кит Хегарти раскачивалась взад и вперед.

— Понимаете, мать, я ей не подхожу. У меня есть все. Муж, дети, а у Кит теперь нет ничего. Она не хочет общаться с такими, как мы. Не хочет видеть людей, у которых все благополучно. Это только напоминает Кит о том, что она потеряла.

Мать Фрэнсис смерила женщин оценивающим взглядом.

— Вы очень хорошая подруга, миссис...

— Хейз. Энн Хейз.

Монахиня опустила на колени рядом с матерью Фрэнка Хегарти и взяла ее за руку.

Испуганная Кит подняла глаза.

— Приезжайте ко мне после похорон, — мягко сказала мать Фрэнсис.

Женщина шарахнулась.

— Что это значит? Кто вы?

— Такая же, как вы. В каком-то смысле я тоже потеряла ребенка. Мы поговорим, и вы дадите мне совет. Понимаете, я не настоящая мать. А вы настоящая.

— Была. — Улыбка Кит больше напоминала оскал.

— Нет, есть. Все еще есть. Вы всегда будете его матерью. Никто не сможет отобрать это. И то, что вы дали ему. То, что сделали для него.

— Я почти ничего ему не дала. И почти ничего для него не сделала. Позволила ему купить этот мотоцикл! — Она вцепилась в руку матери Фрэнсис.

— Но вы должны были это сделать. Должны были дать ему свободу. Это величайший дар. Вы подарили ему то, чего он хотел больше всего на свете. Именно то, о чем он мечтал.

До сих пор Кит ничего подобного не слышала. Наконец она смогла вздохнуть полной грудью, а не хватать воздух ртом как рыба.

Мать Фрэнсис заговорила снова:

— Я живу в монастыре Ноклена. Там тихо и спокойно. Вы сможете провести у нас несколько дней. Понимаете, вам нужно ненадолго сменить обстановку. Это очень важно. Там вас не будут мучить воспоминания.

— Я не могу уехать. Не могу бросить дом.

— Конечно, не сию минуту. Когда будете готовы. Несколько дней за домом сможет присмотреть Энн. Энн Хейз и ее сестра.

В ее голосе было что-то гипнотическое. Женщина начала успокаиваться.

— Почему вы мне это предлагаете?

— Потому что моя душа потянулась к вам. И потому что моя девочка тоже пострадала во время этой катастрофы... Она поправится, но очень тяжело видеть, как она бледная лежит на больничной койке.

— Она поправится, — бесстрастно повторила Кит.

— Я вас понимаю. Вы бы смирились с любым телесным повреждением, если бы знали, что он выкарабкается.

— Ваша девочка... Что вы хотите этим сказать?

— Ева воспитывалась в нашем монастыре. Я люблю ее как родную дочь. Но как мать

безнадежна. Я не слишком разбираюсь в мирских делах.

Кит впервые улыбнулась сквозь слезы.

— Я приеду, мать. Нокленский монастырь. Но как я вас узнаю? Кого мне спросить?

— Боюсь, запомнить мое имя вам будет слишком легко. Мы с вашим сыном тезки. Нас обоих назвали в честь святого Франциска Ассизского.

Марио неодобрительно посмотрел на желтый галстук Фонси.

— Ты распугаешь покупателей.

— Не будь болваном, Марио. Именно так одеваются в наше время.

— Не смей называть меня болваном. Я знаю, что значит это слово.

— Это единственное английское слово, которое ты действительно знаешь.

— Не смей так разговаривать со своим дядей!

— Послушай, Марио, дай-ка мне эти банки из-под бисквитов. Если мы поставим проигрыватель на что-то металлическое, музыка будет звучать совсем по-другому.

— Фонси, это ужасно! Кто придет слушать такую громкую музыку? — Марио заткнул уши.

— Ребятишки.

— У ребятишек нет денег.

— А взрослых сюда никаким калачом не заманишь.

Тут дверь открылась, и в магазин вошел Шон Уолш.

— Что, съел? — воскликнул Фонси.

— А что я говорил? — одновременно с ним крикнул Марио.

Шон посмотрел на них с отвращением. Он редко приходил к Марио, но за последние двадцать четыре часа побывал здесь дважды. Вчера он приводил сюда Бенни, а сегодня припозднился из-за своей безрезультатной поездки в Дублин и не успел купить продукты: обе бакалеи были уже закрыты. Обычно Шон Уолш распределял внимание между ними. Если он ходил к Хики, рядом с мясной лавкой Флуда, то на следующий день шел к Кэрроллам, бакалея которых находилась рядом с магазином Хогана. Казалось, Шон готовился к тому дню, когда станет в этом городе большим человеком, и хотел привлечь всех на свою сторону: пусть каждый считает его своим постоянным покупателем. Если бы он употреблял алкоголь, то выпивал бы по полпинты в каждом местном пабе. Это добавило бы ему популярности. Но сегодня вечером он не успел купить сыр, сардины или холодную ветчину, которые обычно ел на ужин. Шон, живший в тесной квартирке над магазином Хогана, не любил готовить: запах еды мог не понравиться посетителям. Он решил слегка перекусить перед возвращением, а потом посидеть и поразмыслить над ситуацией, которой так неудачно распорядился.

Но выяснилось, что Марио и его безмозглый племянник потешаются над ним.

— Он взрослый, но пришел сюда уже второй раз! — сказал Марио.

— Ты что, рехнулся? Какой он взрослый? — завопил отвратительный Фонси.

Шон пожалел, что не пошел в кондитерскую Берди Мак или в бар «Кит-Кэт». Там бы он не увидел эти рожи.

— Вы дадите мне что-нибудь или я помешал проведению конкурса молодых талантов?

— Шон, сколько тебе лет? — спросил Фонси. Уолш смотрел на него и не верил своим глазам. Толстая микропористая подошва делала парня на сантиметров на десять выше обычного, его волосы были завиты и смазаны каким-то мерзким маслом, а под огромным

малиновым пиджаком красовался узкий желтый галстук.

— Ты что, с ума сошел?

— Скажи, сколько тебе лет! — злобно рявкнул Марио.

Шону показалось, что мир встал с ног на голову. Сначала Бенни повернулась к нему спиной и в благодарность за все хорошее на глазах у людей велела возвращаться домой без нее. А теперь эти двое недоумков... Шон Уолш впервые в жизни ответил, не успев подумать.

— Двадцать пять, — сказал он. — Исполнилось в сентябре.

— Вот! — торжественно воскликнул Фонси.

— Черта с два! — Марио был уверен, что прав он.

— Что это значит? — Шон злобно смотрел то на одного, то на другого.

— Марио думает, что это место для стариков. А я говорю, что оно для таких молодых парней, как мы с тобой, — объяснил Фонси.

— Шон не парень, он бизнесмен.

— О боже, какое это имеет значение? Он не вонючий старикашка, в отличие от большинства здешних жителей. Что тебе подать, Шон? Зубатку или треску?

Патси отправилась на прогулку с Мосси Руни.

Пока дочь хозяина дома успокаивали и укладывали спать, он молча ждал на кухне. Как и Шон Уолш, Мосси мечтал о том, чтобы кухня была лучше отделена от жилых комнат. Тогда он мог бы расстегнуть воротник рубашки, расшнуровать ботинки, сидеть за столом, читать вечернюю газету и ждать, когда освободится Патси. Но Хоганы вечно крутились под ногами. Хозяин дома был в городе важным человеком; он мог бы навести порядок в этом доме. Но хозяйка — судя по виду, намного старше мужа — предпочитала суетиться вокруг своей дылды дочери.

Сегодня вечером суеты хватало. Пришел доктор, заставил Бенни принять две какие-то таблетки и сказал, что все в порядке. Именно так и должна реагировать нормальная девушка, на глазах которой произошел несчастный случай. Бенни расстроилась, испытала шок и нуждается только в том, чтобы ее оставили одну и дали отдохнуть.

Мосси Руни, который был молчуном, но замечал многое, увидел, что на лице Бенни Хоган отразилось облегчение, когда ее отправили в постель с грелкой и чашкой горячего молока. Кроме того, он увидел, каким взглядом провожали Хоганы дочь, когда она уходила с кухни. Именно так смотрели на свой выводок утки, когда впервые вели своих птенцов на речку.

Если бы Мосси ухаживал за любой другой служанкой в городе, они могли бы остаться в доме и поболтать у плиты, но с Хоганами это было невозможно. Придется вести Патси на дождь.

— По-моему, погода не слишком подходящая для прогулки, — добродушно сказала миссис Хоган.

— Нет, мэм, поток свежего воздуха пойдет нам на пользу, — не слишком уверенно ответила Патси.

Аннабел и Эдди Хоганы долго сидели молча.

— Морис сказал, что нам не из-за чего волноваться, — наконец произнес Эдди.

Морис Джонсон сразу понял, кого в этом доме нужно лечить. Он давал советы не столько дочери, сколько родителям.

— Морису легко так говорить. Мы ведь не переживаем за его детей, — ответила

Аннабел.

— Да, конечно. Но, честно говоря, за своих детей Морис и Грейна не переживают тоже.

Кит Хегарти лежала в своей узкой кровати и слышала вой противотуманной сирены, бой городских часов и шум машин, время от времени проезжавших мимо. Таблетки не помогали. Сна не было ни в одном глазу.

Все были добры к ней. Никто не жалел на нее ни времени, ни сил. Жившие в доме мальчики, побледневшие от потрясения, сказали, что они могут уехать в другое место. Их родители позвонили из деревни. А эта маленькая миссис Хейз из соседнего дома, которую Кит едва знала, оказалась надежной, как каменная стена. Прислала свою сестру готовить и следить за хозяйством. Священники в Дунлаогхейре тоже были замечательные. Трое или четверо весь вечер ходили то туда, то сюда, говорили добрые слова, беседовали с другими людьми, пили чай и изо всех сил пытались разрядить обстановку. Но Кит хотелось остаться одной. Хотя бы ненадолго.

Единственным, что осталось в ее памяти от этого бесконечного дня, состоявшего из ста часов, были слова монахини. Возможно, тети той девушки, которая была ранена во время несчастного случая. Она поняла, что мотоцикл был Фрэнку необходим. Никто другой этого не сказал. Странно, что это смогла понять именно монахиня. Приглашение было настойчивым. Кит решила съездить в монастырь и навестить ее. Позже, когда к ней вернется способность соображать.

Когда на следующее утро Бенни поднималась по ступенькам университета, то решила, что за прошедший день все студенты успели перезнакомиться. Вестибюль был заполнен людьми, которые стояли группами, смеялись и громко приветствовали друг друга.

У всех были друзья.

Раньше Бенни встревожилась бы, но сегодня ей не было до этого дела.

Она спустилась по лестнице в подвал, где была раздевалка. Там слегка пахло карболкой, как в школе. Потом снова поднялась на первый этаж и прошла в Дамскую Читальню. Тут школой и не пахло. Похоже, никто не считал, что это место предназначено для чтения. Одни девушки красились, стоя перед зеркалом над каминной полкой, другие просматривали висевшие на доске объявления о продаже тех или иных вещей, дополнительных уроках, предложения вместе снять комнату или вступить в то или иное землячество.

Одна группа вела себя особенно уверенно. Девушки смеялись и вспоминали о летних каникулах, проведенных за границей. Испания... Италия... Франция... Объединяло их только одно: язык за это время они не освоили, дети, за которыми они присматривали, были ужасными, а ужинали там очень поздно.

Они были рады, что вернулись.

Бенни впитывала их слова как губка. Во время ленча она еще раз навестит Еву и все ей перескажет. Утром Ева была бледной, усталой, но веселой. Мать Фрэнсис обещала все уладить. Ее ни в чем не обвиняют.

— Знаешь, Бенни, я тоже попробую поступить в университет, — покраснев от волнения, сказала она. — Я отстану от вас всего на несколько недель. Найду себе работу. Честное слово, найду. А ты тем временем будешь записывать все услышанное. Конспектировать, чтобы я могла вас догнать.

— Ты хочешь обратиться за помощью к Уэстуордам?

— Не исключено.

Большинство первокурсников-гуманитариев всегда выбирали в качестве основного предмета английский язык и литературу. Лекции читали в большой аудитории, почему-то называвшейся Физическим Театром. Бенни вошла туда вместе с остальными. Аудитория сильно отличалась от школьного класса. Напоминала амфитеатр с полукруглыми рядами, круто поднимавшимися вверх. Некоторые студентки-монахини уже сидели на местах. Они занимали передние ряды, боясь что-то пропустить. Бенни медленно поднялась наверх, надеясь, что там она останется незамеченной.

Со своего места она следила за серьезными юношами в суконных куртках, строгими молодыми женщинами в очках и вязаных кардиганах, семинаристами в черных костюмах, выглядевшими значительно чище и опрятнее других студентов. И за девушками, смеющимися, уверенными в себе девушками в юбках ярких цветов, потряхивающими волосами и знающими, какое впечатление они производят на других. Неужели это тоже первокурсницы, ее коллеги? Нет, наверное, после окончания школы они провели год за границей, с завистью думала Бенни. Или работали во время летних каникул. Во всяком случае, назвать их провинциалками было нельзя. Жизнь в Ноклене не наложила на них своего отпечатка.

Внезапно она увидела Нэн Махон. На Нэн был тот же красивый темно-синий жакет, что и вчера, но сегодня она надела его поверх светло-желтого шерстяного платья. К ремню ее наплечной сумки был привязан желто-синий шарф. Кудрявые волосы были зачесаны назад, в ушах красовались желтые серьги. По обе стороны от Нэн шли молодые люди, борющиеся за ее внимание. Все взгляды были устремлены на нее. Нэн осматривала ряды, выбирая себе место, и вдруг заметила Бенни.

— Ах, вот ты где! — воскликнула она.

Люди повернули головы, пытаясь понять, кому она машет рукой. Бенни покраснела, но Нэн тут же бросила своих кавалеров и устремилась наверх. Бенни слегка поежилась. Она была уверена, что эта девушка за считанные дни познакомится со всеми студентами университета. Странно, что эта красавица выделила Бенни из числа прочих. И прониклась к ней теплыми чувствами.

— Как закончилось дело? — тоном заговорщицы спросила Нэн.

— Ты о чем?

— Ну, ты отшила этого молодого человека, и он совершенно стушевался. Я не видела такого целую вечность.

Бенни отмахнулась.

— Неужели он тебе понравился? Он же полный болван. Только и умеет, что смотреть на тебя коровьим взглядом.

— Думаю, теперь он влюбится в тебя еще сильнее. — Нэн говорила так, словно радовалась этому.

— Сомневаюсь, что он имеет хоть какое-то понятие о любви. Он похож на рыбу. Хищную рыбу, ожидающую удобного момента. Рыбу-золотоискателя.

Это сравнение заставило обеих хихикнуть.

— Ева пришла в себя, — сказала Бенни. — Я хочу сходить к ней во время ленча.

— А мне можно с тобой?

Бенни задумалась. Ева часто обижалась даже тогда, когда была совершенно здорова. Что

она скажет, если увидит у себя в палате златовласую красотку из университета?

— Не знаю, — наконец сказала она.

— Ну, мы же были рядом. И я знаю про нее все. Даже про мать Фрэнсис и мать Клер.

Бенни тут же раскаялась в своей болтливости. Еве не понравится, что они обсуждали ее дела, пока она была без сознания.

— Все уже улажено, — сказала она.

— Я знала, что так и будет.

— Может быть, тебе лучше навестить ее завтра?

Глава шестая

Тело Фрэнка Хегарти привезли в церковь Дунлаогхейра.

Доктор Фоли прибыл на заупокойную службу вместе со старшим сыном.

Там была и мать Фрэнсис, решившая немного задержаться в Дублине и еще раз поговорить с матерью Клер. Пегги должна была заехать за ней позже. Она знала, что возникли какие-то сложности, но вопросов не задавала и решила по-своему поддержать подругу.

— Банти, что бы тебе ни говорили, но ее родители были цыганами.

— Ничего подобного.

— Или мелкими торговцами. Ты имеешь полное право разговаривать с ней свысока.

Конечно, все это было полной ерундой. Мрачная мать Фрэнсис стояла в просторной церкви и ждала начала службы. Она сама толком не знала, зачем пришла сюда; наверное, в качестве представительницы Евы.

Нэн Махон приехала в Дунлаогхейр на автобусе и остановилась в задней части церкви. Джек Фоли тут же заметил ее, подошел и встал рядом.

— Хорошо сделала, что приехала. Не пожалела времени на дорогу.

— Ты сделал то же самое.

— Я приехал с отцом. А вот эти ребята летом работали с ним. Вот Эйдан Линч. Он мой друг и одноклассник. Они вместе консервировали зеленый горошек.

— Как они узнали?

— Его фотография была в газете. Да и на инженерном факультете повесили объявление... А где Бенни? Ты сегодня ее видела?

— Да, но она не смогла приехать. Понимаешь, ей нужно каждый вечер возвращаться домой на автобусе.

— Это тяжело, — сказал Джек.

— И очень глупо с ее стороны, — добавила Нэн.

— А что она могла сделать?

— Постоять за себя.

Джек посмотрел на красивую девушку, стоявшую рядом. Да, Нэн могла бы постоять за себя. Он вспомнил большую добрую Бенни.

— Она сумела постоять за себя с тем бледнолицым малым, который вчера хотел ее увезти.

— Если бы она не справилась с ним, ее бы вообще не выпустили из дома, — ответила Нэн.

— Это Ева Мэлоун, — сказала Бенни, когда Нэн села на край больничной койки.

Ей хотелось, чтобы Нэн Махон понравилась Еве. Нэн могла пойти куда угодно, но предпочла навестить подругу Бенни. Бенни слышала, что Эйдан Линч буквально умолял Нэн пообедать с ним.

Нэн принесла Еве не цветы, не фрукты, не журналы, а ту вещь, о которой Ева мечтала сильнее всего: университетский справочник. Там были все подробности зачисления и перевода с курса на курс, учебные программы и перечень экзаменов. Нэн даже не поздоровалась с девушкой, лежавшей на койке, а сразу заговорила о том, что было для Евы

самым главным.

— Я слышала, ты хочешь поступить в университет. Это может оказаться тебе полезным, — сказала она.

Ева жадно схватила справочник и наскоро перелистала его.

— Именно это мне и требовалось. Большое спасибо, — сказала она.

А затем лицо Евы потемнело.

— Почему ты его принесла? — подозрительно спросила она.

Нэн пожалала плечами.

— Потому что тут все есть.

— Я не о том. Как ты узнала, что мне нужен справочник?

Бенни огорчилась. Ну почему Ева такая обидчивая? Чем плохо, что Нэн узнала о ее мечте? Разве это тайна?

— Спросила, вот и все. Спросила, чем ты занимаешься, а Бенни ответила, что тебя еще нет в списках.

Ева кивнула. Вопрос был исчерпан. Она снова начала листать справочник, и Бенни пожалела, что сама не додумалась до этого.

Мало-помалу Ева перестала дичиться. Бенни следила за непринужденной беседой девушек и понимала, что у них много общего.

— Как ты думаешь, на это уйдет много времени? — спросила Нэн.

— Мне нужно пойти к одному человеку и попросить у него денег. Разговор предстоит трудный, но если я буду его откладывать, мне легче не станет, — ответила Ева.

У Бенни отвисла челюсть. Ева никогда не говорила о своих делах с посторонними, а самой Бенни только намекнула о том, что собирается обратиться к Уэстуордам за деньгами. Но Нэн этого не знала.

— Хочешь сыграть на том, что ранена? — спросила она.

Ева была настроена на ту же волну.

— Могла бы. Я думала об этом, но он может расценить такое обращение как слабость и нытье. Придется раскинуть мозгами.

— Что ты имеешь в виду? — с любопытством спросила Нэн.

И тут Ева начала рассказывать ей историю своих взаимоотношений с Уэстуордами. Историю, о которой никогда не говорила вслух. Бенни следила за Нэн с изумлением. Та искусно притворялась, что ничего этого не слышала. Бенни просила никому ничего не говорить, и Нэн буквально выполняла ее указания. Но, судя по поведению Евы, в этих указаниях не было никакой нужды.

Иметь дело с матерью Клер оказалось куда труднее, чем думала мать Фрэнсис. Иногда приходилось обращаться к Богоматери и просить у Нее немедленного совета.

— Я сказала, что мне очень жаль, сказала, что мы присмотрим за Евой, но она не успокаивается и говорит, что должна знать, как мы поступим с девочкой. Зачем ей это нужно? Пресвятая Дева, ответь мне!

И ответ был получен. Мать Фрэнсис предполагала, что он поступил от Богоматери, хотя произнесла эти слова Пегги Пайн.

— Эта старая карга желает, чтобы вокруг нее плясали и повторяли, как кукушка в часах: «Я говорила, я говорила...» Ей хочется тебя унижить. После этого она успокоится и начнет мучить кого-нибудь другого.

Мать Фрэнсис согласилась воспользоваться тактикой самоуничижения. «Вы были правы, мать Клер, — написала она в самом лицемерном письме, которое когда-либо выходило из-под ее пера. — Мы не должны были просить вас принять такую девочку, как Ева, которую жизнь в нашем маленьком монастыре приучила переоценивать себя. Могу сказать только одно: я преклоняюсь перед мудростью, которую вы проявили и в этом вопросе, и во всех прочих, и надеюсь, что мы не доставили сестрам слишком больших неудобств экспериментом, который, как вы знали с самого начала, был обречен на неудачу».

Выяснилось, что она нашла правильный подход. Регулярные допросы с пристрастием, которые учиняла ей мать Клер, прекратились.

Причем очень вовремя. Еву выписали из больницы ровно через неделю после поступления.

— Я приеду на автобусе вместе с Бенни, — сказала Ева по телефону.

— Нет. По крайней мере шесть человек горят желанием захватить тебя на обратном пути. Мне не хотелось бы снова обращаться к Пегги, но это могла бы сделать миссис Хили.

— Ох, мать Фрэнсис, ради бога...

— Ладно. Тогда Шон Уолш? Только не говори мне...

— Я и так причинила вам слишком много хлопот. Поеду с тем, кого вы выберете, хотя предпочла бы автобус.

— Марио?

— Чудесно. Я обожаю Марио.

— Ладно, тогда до завтра. Ева, я очень рада, что ты возвращаешься. Я скучала по тебе.

— А я по вас, мать Фрэнсис. Нам нужно будет поговорить.

— Конечно, поговорим. Закутайся потеплее, ладно?

Ева положила трубку, но монахиня продолжала сидеть в кресле. Да, верно, им нужно будет поговорить. Причем очень серьезно.

И тут телефон зазвонил снова.

— Можно мать Фрэнсис?

— Я слушаю.

Наступила пауза.

— Мать, вы были очень щедры, когда сказали мне... Сказали, что если я захочу... Знаете, все это время я вспоминала ваши слова. Вам не покажется странным, если я действительно навешу вас?..

Голос женщины звучал нерешительно.

Лицо матери Фрэнсис озарила широкая улыбка.

— Миссис Хегарти, как я рада вас слышать! Буду ждать вас в ближайший уик-энд. Сообщите, на каком автобусе вы приедете, и я приду на остановку. Она находится всего в двух минутах от ворот монастыря. Приезжайте непременно, вы доставите всем нам большое удовольствие.

Мать Фрэнсис прикинула, где поселить миссис Хегарти. Сначала она подумала о комнате Евы, но потом вспомнила про малую гостиную, которую они всегда считали спальней для гостей. Там не хватало только штор. Он возьмет ткань у Пегги и попросит сестру Имельду вместе со старшеклассницами сшить шторы на уроке домоводства. У Десси Бернса можно будет взять ночник, а у аптекаря Кеннеди — кусок хорошего мыла.

— Сегодня Ева поедет домой, — сказала Бенни, как обычно, встретившись утром с Нэн

в кафетерии.

— Знаю. Она сама сказала это мне вчера вечером.

— Что?

— Ну, Ева предпочитает, чтобы ее навещали по вечерам. Ты давно уехала, а я пригласила с собой пару парней, чтобы поднять ей настроение.

Бенни вздрогнула. Она знала, что Ева нашла с Нэн общий язык, но приводить в больничную палату молодых людей... Это уж слишком.

— Каких парней? — неловко спросила она.

— Эйдана Линча и еще одного из их компании. Билла Данна. Ты его знаешь?

— Нет.

— Он очень симпатичный. С экономического. Держу пари, ты его видела. Он всегда торчит с приятелями у дверей аудитории, которая называется Историческая Библиотека.

— Еве понравилось, что они пришли?

— Да, она была довольна. А ты сомневалась?

— Просто иногда Ева выпускает иголки... Понимаешь, она так защищается.

— Я этого не заметила.

Она была права. В присутствии Нэн Ева переставала дичиться. У Нэн был особый дар. В ее присутствии все казалось простым и легким.

Тут к их столику подошли сразу четыре студента.

— Девочки, не хотите сходить на Графтон-стрит и ради разнообразия выпить приличного кофе? — сказал самый речистый из них, худенький юноша в свитере с узором островов Аран.

Нэн тепло улыбнулась им.

— Большое спасибо, но в двенадцать у нас лекция. В следующий раз, ладно?

— Бросьте, это поточная лекция. Никто вас не хватится. — Молодой человек, очарованный ее улыбкой, решил удвоить усилия.

— Нет, честно... — Внезапно Нэн осеклась так, словно ответила не подумав. — Конечно, я говорю только за себя. Бенни, может быть, ты хочешь пойти с мальчиками?

Бенни покраснела. Она знала, что дело вовсе не в ней. Их привлекала Нэн. Но мальчики действительно были симпатичные. Их лица приобрели слегка огорченное выражение.

— Может быть, посидите с нами? — с широкой улыбкой предложила она.

Именно этого и хотелось молодым людям. Они тут же притащили стулья и скамейки и познакомились. Даже назвали свои школьные клички. Не знали ли они такого-то и такую-то? С какого они факультета? Где живут? В такой компании все оказалось намного проще, чем думала Бенни. Она совершенно забыла, что слишком большая и разговаривает с мальчиками. Жадно спрашивала их о студенческих клубах. Интересовалась, какие из них лучше и где можно потанцевать.

Нэн не пыталась поддерживать разговор, но искренне радовалась услышанному. Когда она поворачивалась к кому-то из юношей и улыбалась, тот готов был лезть вон из кожи.

Мальчики сказали, что им очень нравится в Дискуссионном клубе, который проходит по субботам. А после окончания можно будет сходить в кафе «Помощник поверенного» неподалеку от Дворца юстиции. Они смотрели то на Нэн, то на Бенни.

Бенни сказала, что, к сожалению, вынуждена проводить уик-энды в своем маленьком городке. Услышав свой унылый голос, она жизнерадостно добавила, что так будет только в первом семестре, а потом все изменится. Она огляделась по сторонам и поняла, что

мальчики обрадовались. Конечно, им была нужна только Нэн, но Нэн флиртовать с ними не собиралась.

Да, Нэн охотно пошла бы с ними, если бы могла. Но она там никого не знает.

— Ты знаешь нас, — сказал худой парнишка в грубом белом свитере.

— Да, конечно. — Улыбка Нэн чуть не разбила ему сердце.

Бенни знала, что вечер будет замечательный. Не сомневалась в этом. А она сама в это время будет в Ноклене. Но девушка продолжала улыбаться. В конце концов, одним страхом стало меньше. Она боялась, что не сумеет правильно разговаривать с мальчиками. Дома ей попрактиковаться было негде. Но все оказалось довольно просто. Разговаривать с ними было не труднее, чем с обычными людьми. Она чуть не забыла, что во всем следует искать положительную сторону. Нельзя все время думать о том, как ужасно возвращаться домой, когда все остальные собираются повеселиться.

Марио, приехавший в Дублин за мороженым, остановился у больницы. Фонси легко взбежал по лестнице, чтобы проводить больную к ее личной карете.

— Только осторожнее. Пожалуйста, осторожнее. — Монахиня смерила Фонси недоверчивым взглядом.

— В ритме медленного джайва. — Фонси выпрямился и щелкнул пальцами. Но сестра не улыбнулась.

— Вы действительно из монастыря?

— Не торопитесь с выводами, — предостерег ее Фонси. — Если мой внешний вид не соответствует вашим представлениям о монахе, это еще не значит...

— Ох, Фонси, замолчи, иначе Марио в фургоне хватит удар.

Ева не выходила на улицу целую неделю. Увидев угол, на котором произошла катастрофа, она вздрогнула. Марио и Фонси посадили ее в фургончик и повезли в Ноклен. Всю дорогу дядя с племянником отчаянно спорили.

В некоторых спорах принимала участие и она. Например, стоит ли переименовать рыбный магазин в кафе, вкрутить лампочки поярче и врубить на полную катушку какой-нибудь «Мой солнечный остров», чтобы музыка привлекала покупателей.

— Так ты привлечешь не покупателей, а полицию, — сказал Марио.

Но были и другие споры, в которых Ева права голоса не имела. Например, кто был более чокнутым — брат Марио, женившийся на ирландке, матери Фонси, или мать Фонси, вышедшая замуж за брата Марио. Поняв, что ответа на этот вечный вопрос они не найдут никогда, Ева закрыла глаза и задремала.

Ева сидела в кровати и пила бульон.

— Его сварила сестра Имельда. Хочешь попробовать?

Бенни послушно пригубила чашку.

— Патси слышала, что сестра Имельда пришла к Флуду, сказала, что ей нужна телячья нога, и показала на свою лодыжку, чтобы было понятнее. А мистер Флуд ответил: «Сестра, я знаю, что такое нога. Прости меня Господь, я знаю не слишком много, но что такое нога, мне известно».

— Патси все еще встречается с этим немым Мосси?

— Да. Мама боится, что она выйдет за него замуж.

— Неужели он такой плохой?

— Нет, просто мы не хотим, чтобы Патси вообще выходила замуж, потому что тогда она уйдет от нас.

— Бедная Патси... — вздохнула Ева. — Знаешь, я чувствую себя как блудный сын. Мне никогда не хватало времени подумать над этой евангельской притчей, но несчастный случай меня вразумил. Все меня жалеют, все забыли, что я грубила этой ужасной матери Клер и лгала ей... Кстати, произошла необыкновенная вещь. Тот мальчик, который погиб, Фрэнк Хегарти... В тот день мать Фрэнсис познакомилась с его матерью. Я плохо помню, как это вышло, но они говорили друг с другом. Эта женщина приедет и проживет здесь несколько дней. Здесь, в Ноклене.

— Она остановится в гостинице Хили?

— Нет, в монастыре. Ты можешь в это поверить? Они переделали в спальню одну из гостиных.

— Рассказывай дальше.

— Она приедет сегодня на автобусе. Я не знаю, как с ней держаться.

— Понимаю, — кивнула Бенни. — Можно брякнуть что-нибудь невпопад. А вдруг она не хочет говорить о случившемся? Но говорить о чем-то другом тоже неловко.

— Нэн знала бы, что сказать, — неожиданно промолвила Ева.

У Бенни сжалось сердце. Конечно, мысль была недостойная. Нэн очень добра к ней, знакомит со всеми и во всем разбирается. Но не слишком ли она уверена в себе? Вряд ли Нэн знает, как вести себя в любой ситуации.

Бенни страдала от ревности. Она сидела и молчала, боясь, что голос ее выдаст.

Но Ева ничего не замечала. Она продолжала думать о том, что сказала и сделала бы Нэн на ее месте.

— Наверное, дело в том, что она смелее нас. Нэн всегда говорит так, словно знает, что она делает, хотя на самом деле может не знать ничего. В этом весь секрет.

— Наверное, — буркнула Бенни, надеясь, что голос ее не выдал.

— Нэн умеет заставлять людей делать все, что ей хочется, — сказала Ева. — Представь себе, она добилась того, что нам разрешили курить в больничной палате!

— Но ты же не курила! — испугалась Бенни.

Ева хихикнула.

— Попробовала за компанию. А остальные смолили вовсю. Это было дело принципа.

— И что эта миссис Хегарти будет здесь делать? — спросила Бенни.

— Не знаю. Гулять. Боюсь, здесь ей будет одиноко.

— Дома ей тоже было бы одиноко, — ответила Бенни.

— Ты не разговаривала с Шоном?

— Нет. В прошлый уик-энд он надулся как сыч. Когда увидел меня в церкви, то отвернулся. К несчастью, надолго его не хватило. Вчера вечером он подошел и начал звать меня в кино. Мне очень стыдно, но я сослалась на тебя. Мол, я не знаю, что буду делать, пока не поговорю с тобой.

— Конечно, это ему не понравилось.

— Ну, Шон сказал, что ты наверняка захочешь пойти к Марио и щелкать там пальцами вместе с Фонси... Он говорил очень неодобрительно.

Ева прыснула со смеху.

— Интересно, что ему сказал Фонси. Знаешь, он ужасно смешной. Уверен, что может стать здесь большой шишкой.

— В Нокглене это нетрудно.

— Я сказала ему то же самое. Но он ответил, что я его не поняла. Если он станет большой шишкой, то сделает так, чтобы о Нокглене узнала вся страна.

— Вряд ли ему это удастся, — мрачно ответила Бенни.

— О боже, ты говоришь как помесь отца Руни с миссис Хили. — Ева неодобрительно покачала головой.

— Может, я и есть их помесь. Может, моим родителям подсунули не того ребенка.

— Их ребенком наверняка был бы мальчик, — возразила Ева, после чего обе расхохотались.

Кит Хегарти сказала, что никогда не видела такой чудесной комнаты. Именно этого она и хотела. Маленькую комнату с низким потолком, без теней в углах, которые заставляли ее всю ночь бодрствовать. Она знала, что будет спать здесь крепче, чем дома. Кроме того, ей хочется заняться каким-нибудь полезным делом, сказала она. Она мало что умеет, но привыкла вести домашнее хозяйство.

Мать Фрэнсис ее успокоила. Не сейчас. Может быть, позже. Сейчас ей нужно отдохнуть. Она показала миссис Хегарти часовню. Там было темно и тихо. Перед алтарем стояли на коленях две монахини. Мать Фрэнсис объяснила, что утренняя месса уже закончилась, но скоро начнется дневная. Если она захочет прийти и послушать, как поют монахини, сестры будут рады.

— Я не уверена...

— Я тоже, — решительно сказала мать Фрэнсис. — Конечно, это может вас опечалить. Но может оказаться и тем, что вам необходимо. Посидеть в церкви рядом с незнакомыми людьми и оплакать сына. Там есть витражи. Я покажу их вам. Правда, они не в очень хорошем состоянии. У нас нет ни денег, ни людей, чтобы ухаживать за ними. Ах, если бы видели их тогда, когда был жив отец Евы...

Она рассказала Кит историю, которую знали только жители Нокглена. Историю о монастырском работнике и мятежной дочери здешнего помещика, о мезальянсе, беременности, венчании, рождении Евы и двух смертях.

На глазах Кит Хегарти проступили слезы.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросила она.

— Наверное, это неуклюжая попытка убедить вас в том, что с другими людьми тоже случаются ужасные вещи, — ответила мать Фрэнсис.

— Ты никуда не собираешься сегодня вечером? — спросила Аннабел Хоган, когда после ужина Бенни осталась с ними и села в кресло. «Собираешься» означало «с Шоном Уолшем». Бенни притворилось, что не поняла этого.

— Нет. Еве нужно отдохнуть. Правда, она уже встает и сегодня вечером ужинает с монахинями и миссис Хегарти, — деланно простодушно ответила она.

— А что, разве в кино ничего не идет? — так же невинно спросила мать.

— Конечно, идет. Что-то страшно интересное. Про преодоление звукового барьера.

— Тебя это не прельщает? — спросил отец.

— Папа, я не люблю ходить в кино одна. Вот если бы мы пошли туда все вместе... — Хоганы никогда не устраивали совместных культпоходов.

Бенни знала, что родители были бы рады, если бы она время от времени куда-нибудь

ходила с Шоном. Почему-то они считали, что Шон ей пара. А Шон считал, что имеет полное право встречаться с дочерью работодателя и показываться с нею на людях. Намерения у него были серьезные, а потому все было чинно, благородно и безопасно.

Должно быть, родители были уверены, что если Шон будет доволен, то не бросит магазин и не переберется в большой город. Думать так было с их стороны логично, но глупо и близоруко.

— Ты знаешь, что мы в кино не ходим, — сказала мать. — Мы подумали, что ты могла бы сходить туда с Шоном.

— С Шоном? С Шоном Уолшем? — спросила Бенни так, словно в городе было полно Шонов, умиравших от желания сводить ее в кино.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду Шона Уолша, — резко ответила Аннабел.

— Мне не нравится все время куда-то ходить с ним.

— Ты ходишь с ним далеко не все время.

— Да, но теперь, когда Евы здесь нет, это может превратиться в опасную привычку.

— Не вижу в этом ничего опасного.

— Мама, ты меня понимаешь.

— Он что, не звал тебя? Мне он сказал, что собирается пригласить тебя в кино. — Эдди Хоган был сбит с толку.

— Я отказала Шону, потому что не хочу, чтобы они весь Нокглен считал, будто мы жених с невестой.

До сих пор в Лисбеге об этом прямо не говорили.

Родители Бенни устали друг на друга.

— Ну, если вы время от времени будете вместе ходить в кино, вряд ли кто-нибудь скажет, что вы жених с невестой, — наконец сказала Аннабел Хоган.

Лицо Бенни просветлело.

— Вот и я о том же. Мы можем ходить с Шоном в кино время от времени, но не каждую неделю. Именно так я ему и сказала.

На самом деле она сказала Шону «возможно, когда-нибудь, но не в ближайшем будущем». После чего холодные маленькие глазки Шона посмотрели на Бенни так, что она вздрогнула. Но объяснять это родителям не имело смысла. С них было достаточно и сказанного.

В субботу вечером Джек Фоли и Эйдан Линч решили сходить на диспут. Он проходил в большой аудитории под названием «Физический Театр» и был шумным и разношерстным, хотя руководство Дискуссионного клуба и приглашенные ораторы облачились в вечерние костюмы.

Когда они остановились у дверей, Эйдан сразу заметил светловолосую голову Нэн Махон посреди моря мужских суконных курток. Девушка смеялась, закинув голову, ее глаза мерцали. Она надела черную юбку и белую блузку с оборками, к верхней пуговице была прикреплена роза. Нэн была здесь центром притяжения.

— Глянь-ка на красотку Нэн! — Эйдан негромко присвистнул. — Я приглашал ее на диспут, но она сказала, что предпочитает прийти сама по себе.

— Она действительно пришла сама по себе, — сказал Джек, приглядевшись к окружению Нэн.

— Я думал, что нравлюсь ей, — с насмешливым отчаянием промолвил Эйдан.

— Ничего ты не думал. Ты думал, что ей нравится Билл Данн. А я думал, что сам нравлюсь ей, — сказал Джек.

— С тебя и так достаточно, — пробормотал Эйдан. — Нет, я думал, что Нэн обратила на меня особое внимание. Мы вместе ходили в больницу к ее подруге.

— Ты у нас большой любитель посещать больницы! — засмеялся Джек. — Посмотри на Нэн. Ей нравятся все. — Он с досадой рассматривал девушку, окруженную толпой поклонников. — Кстати, как выглядит эта ее подруга? — спросил он, пытаясь отвлечься от мыслей о Нэн.

— Нормально, — без энтузиазма ответил Эйдан. — На мой вкус, слишком худенькая и обидчивая, но ничего... Впрочем, я и сам не Адонис, — тут же спохватился он.

— Адонис, Адонис, — успокоил его Джек Фоли. — Слушай, мне надоело смотреть на то, как нашу девушку окружает целая толпа. Может, опрокинем по кружечке?

— Ты прав, — ответил Эйдан.

Перед тем как выйти в коридор, Джек долго смотрел на Нэн. Если девушка и заметила, как они пришли и ушли, то не подала виду. Джек мог поклясться, что она посмотрела прямо на них. Впрочем, у дверей собралась такая толпа, что заметить кого-то в ней было мудрено.

То, что мать Фрэнсис пригласила в гости мать Фрэнка Хегарти, вызвало у Евы досаду. Это означало, что их разговор придется отложить, а Еве не терпелось узнать, что мать Фрэнсис думает о ее намерении посетить Уэстуордов. Она хотела немногого: чтобы Уэстуорды оплатили ее учебу в университете. На жилье Ева зарабатывает сама, ухаживая за детьми. Это вполне возможно. Не у каждого студента университета есть богатые родители, способные платить за все. Некоторым приходится самим отрабатывать диплом. Мысль о том, чтобы работать днем, а учиться вечером, Ева отвергла. На вечернем отделении была совсем другая атмосфера. Тамошние студенты были более взрослыми и более серыми. Они прибегали на лекции и убегали снова. А Еве Мэлоун требовался не столько диплом, сколько студенческая жизнь. Жизнь, которую она могла бы вести, если бы обстоятельства сложились по-другому.

Ева надеялась, что эта миссис Хегарти задержится в Ноклене ненадолго; действовать нужно было быстро. Ева не хотела оставаться в монастыре под предлогом болезни и подтверждать мнение матери Клер о том, что она является бременем. Если она хочет, чтобы ее включили в список студентов, то на это остаются считанные дни. Если ей предстоит неприятный разговор с Саймоном Уэстуордом, то чем скорее он останется позади, тем лучше. Но сначала нужно было привлечь к себе внимание матери Фрэнсис.

После ужина она осталась на уютной кухне, где хлопотала сестра Имельда. Монахиня принесла ей стакан теплого молока с щепоткой перца; это средство считалось панацеей от всех болезней. Кухонные полотенца были выстираны и разложены на плите для просушки. Запах был по-домашнему знакомый, но Ева не чувствовала спокойствия, которое обычно ощущала на кухне.

Двигаясь с обычной неторопливостью, вошла мать Фрэнсис и села напротив.

— Если это пойло кажется тебе отвратительным, не пей. Мы выльем его и сполоснем стакан.

Ева улыбнулась. Как всегда, они были вдвоем против всех.

— Ладно... Если бы у меня был выбор, вряд ли я выбрала бы молоко с перцем.

— Ева, у тебя есть выбор. И не один.

— Это значит, что я могу пойти в Уэстлендс?

— Если тебе так подсказывает сердце... то да.

— А что я скажу?

— Ева, мы не можем написать сценарий заранее.

— Я понимаю, но мы могли бы попытаться придумать, с какой стороны к ним подойти. — Наступила пауза. — Наверное, вы уже говорили с ними обо мне? — Эту тему Ева затронула впервые в жизни.

— Это было давно. Тогда тебе было двенадцать лет. Я решила, что мы должны спросить, не согласятся ли они отправить тебя в закрытую школу в Дублине.

— И ответа не последовало?

— Тогда все было по-другому. Я пришла к ним, одетая в черное, с четками и распятием... Наверное, это им не понравилось.

— А как было в последний раз? Вы не просили их оплатить мою учебу в университете?

Мать Фрэнсис опустила глаза.

— Нет. Личной встречи не было.

— Вы написали им?

Вместо ответа монахиня протянула ей письмо Саймона Уэстуорда. Ева прочитала его и помрачнела.

— Это конец, да?

— И да и нет. Ты можешь сказать, что ситуация изменилась, и обратиться к ним сама.

— Но они скажут, что я обращаюсь к ним только для того, чтобы просить денег.

— И будут правы.

Ева вздрогнула и подняла глаза.

— Мать, это нечестно! Вы знаете, что я чувствовала все эти годы. Я бы унизила себя, если бы пришла к ним с протянутой рукой. Вы делали для меня все, а они — ничего. Для монастыря это было бы позором. — Реплика монахини заставила ее ощетиниться.

Но мать Фрэнсис и бровью не повела.

— Знаю. Обычно я пытаюсь посмотреть на происходящее с их точки зрения. Иначе все бесполезно.

— Я не собираюсь извиняться. Не собираюсь делать вид, что...

— Верно. Но если ты займешь такую позицию, то идти туда бесполезно.

— А какую еще я могу занять позицию?

— Ева, есть разные позиции, но ни одна из них тебе не поможет, если...

— Если что?

— Если она не будет искренней. Ты не должна морщиться и демонстрировать любовь, которой вовсе не испытываешь. Не должна идти туда, если твое сердце полно ненависти.

— А чем было бы полно ваше сердце на моем месте?

— Я уже сказала. Это ты собираешься туда. Не я.

— Помогите мне.

— До сих пор мне не удавалось тебе помочь. Попробуй сделать это сама.

— Значит, я вам безразлична? — Ева вздернула подбородок, как делала всегда, когда чувствовала себя обиженной.

— Ну, если ты веришь, что это возможно... — начала мать Фрэнсис.

— Нет. Просто куда ни кинь, всюду клин. Даже если я каким-то чудом внесу плату за обучение, мне придется искать жилье и работу.

— Не все сразу, — сказала мать-настоятельница.

Ева подняла взгляд. Такое выражение лица было у монахини лишь тогда, когда она готовила ей сюрприз.

— У вас есть идея? — с жаром спросила девушка.

— Моя последняя идея была не слишком удачной, не правда ли? Ложись спать, Ева. Для разговора с Уэстуордами потребуются все твои силы. Придешь сюда завтра утром. Сестры пойдут в церковь в одиннадцать.

* * *

Подъездная аллея была ухабистой. Кое-где сквозь плиты пробивалась трава. Возможно, когда-то за аллеей ухаживали, но... Может быть, это делал ее отец? Мать Фрэнсис рассказывала о Джеке Мэлоуне неохотно и лишь под нажимом. Он был хорошим, добрым человеком и очень любил свою дочь. Вот и все. Ева понимала, что ничего другого ребенку сказать было нельзя.

Сведений о ее матери было еще меньше. В молодости она была очень красивой. Мать Фрэнсис называла ее изящной. Но что еще она могла сказать о садовнике и мятежной дочери здешнего помещика? Ева решила не заикливаться на своей родословной. Она давно поняла, что романтизировать эту историю не имеет смысла.

Девушка расправила плечи и пошла к дому. Издали он казался намного более ухоженным. Краска на оранжерее облупилась. Сад выглядел запущенным. Крокетные молотки и ворота были свалены в кучу, словно кто-то играл здесь много месяцев назад, но не позаботился убрать снаряжение. В вестибюле стояли резиновые сапоги и сломанные клюшки для гольфа, которые никто не удосужился выкинуть. В большом бронзовом ящике пылились слегка покоробившиеся теннисные ракетки.

Через стеклянную дверь Ева видела столик, заваленный каталогами, брошюрами и бурыми конвертами. Это разительно отличалось от безукоризненного порядка, царившего в монастыре. На их столике под изображением Богоматери — Царицы Мира никогда не было ни клочка бумаги. Если он появлялся, его тут же убирали в нужное место. Странно жить в доме, где на почту не обращают ни малейшего внимания...

Она нажала на кнопку звонка, заранее зная, что выйдет кто-то из троих. Скорее всего, это будет Би, сестра сапожника Пакси Мура, служащая в Уэстлендсе горничной. Если в воскресенье у Би выходной, то дверь откроет экономка миссис Уолш, живущая здесь с незапамятных лет. Она родом не из Ноклена и не общается с городскими, хотя сама католичка и посещает раннюю мессу. Когда эта крупная женщина садится на велосипед, зрелище получается довольно зловещее. Или к двери подойдет сам Саймон Уэстуорд. Его отец передвигается в инвалидном кресле и, говорят, слабеет с каждым днем, так что рассчитывать на встречу с ним не приходится.

Ева всю жизнь играла в одну игру, напомиравшую нежелание наступать на трещинки в дорожке. Мать Фрэнсис назвала бы это суеверием, но Ева поступала так всегда. «Если первой птицей, которая сядет на подоконник, будет певчий дрозд, то я сдам экзамен. Если это будет черный дрозд, то провалюсь. Если мне придется ждать у дверей дублинского монастыря дольше двадцати пяти секунд, я его возненавижу». Почему-то это всегда случалось у дверей.

Стоя у незнакомых дверей дома, в котором когда-то жила ее мать, Ева Мэлоун твердо сказала себе: если выйдет Би, это будет добрым знаком; значит, деньги она получит. Если выйдет сам Саймон Уэстуорд, это будет плохой знак. А если миссис Уолш, то может получиться что угодно. Когда Ева услышала быстрый топот, у нее загорелись глаза.

Вдали показалась школьница, девочка лет десяти-одиннадцати. Она открыла дверь и с любопытством посмотрела на Еву. На девочке была коротенькое платье типа туники, которые всегда носили ученицы протестантских школ. Форма школ при католических монастырях была более длинной и скромной. Ее волосы были заплетены в две косички, торчавшие над ушами как ручки, за которые так и хотелось взяться. Девочка была не толстая, но плотная и коренастая. У нее были веснушчатый нос и глаза того же голубого цвета, что и форма.

— Привет, — сказала она Еве. — Вы кто?

— А ты кто? — спросила Ева. Если все в Большом Доме такого же роста, то бояться ей некого.

— Я Хитер, — ответила малышка.

— А я — Ева.

Наступила пауза. Хитер пыталась сообразить, что сказать дальше.

— Кого вы хотели видеть? — после недолгого раздумья спросила она.

Ева посмотрела на нее с уважением. Ребенок пытался решить, к кому она пришла — к хозяину или к прислуге. Вопрос был сформулирован совершенно правильно.

— Я хотела видеть Саймона Уэстуорда.

— Конечно. Входите.

Ева шла за девочкой по коридору, на стенах которого висели потемневшие от времени картины — возможно, охотничьи сцены. Хитер? Хитер? Ни о какой Хитер Ева до сих пор не слышала, но она не слишком интересовалась этим семейством. Если ноклгенцы говорили о Уэстуордах, то Ева в этих разговорах не участвовала. Когда о них упоминали монахини, Ева отворачивалась и уходила. Однажды Ева наткнулась на статью о них, опубликованную в одном светском журнале, и начала лихорадочно листать страницы, надеясь узнать об этой семье еще что-нибудь. Бенни всегда говорила, что если бы сама была из Уэстуордов, то знала бы о своей родне всё. Может быть, даже завела бы тетрадь с вырезками. Но то Бенни... Сейчас она была бы у Уэстуордов на побегушках и благодарила их за все. В отличие от Евы, которая все это время хранила гордое безразличие.

— Вы — одна из подружек Саймона? — тоном заговорщицы спросила девочка.

— Нет, — без всякого выражения ответила Ева.

Они вошли в гостиную. На низком кофейном столике лежали воскресные газеты и стоял серебряный поднос с бутылкой хереса и стаканами. У окна сидел в кресле майор Чарльз Уэстуорд. Плечи старика были сгорблены; даже с такого расстояния было видно, что он не сознает, где находится. Плед, лежавший на его коленях, свисал на пол.

Этот человек приходился Еве дедом. Большинство людей обнимало своих дедов, называло их дедушками и сидело у них на коленях. Дедушки давали им монетки в два шиллинга, хранили их фотографии, сделанные во время первого причастия и конфирмации, гордились внуками и представляли их другим людям. Но этот человек не желал видеть Еву. Если бы он был в своем уме, то велел бы выгнать ее из дома так же, как выгнал ее мать.

Когда-то Ева мечтала, чтобы он увидел ее во время прогулки на лошади или в автомобиле и спросил, кто этот красивый ребенок. У них имелось фамильное сходство. Но

это было давно. Теперь она не испытывала к этому человеку ни жалости, ни ненависти, ни любопытства и не мечтала, чтобы все сложилось по-другому.

Хитер смотрела на нее с интересом.

— Я пойду искать Саймона, а вы посидите здесь, хорошо?

Лицо девочки было открытым. Дуться на нее было невозможно.

— Спасибо. Большое спасибо, — проворчала Ева.

Хитер улыбнулась.

— Вы не похожи на его обычных подружек.

— Нет?

— Нет, вы похожи на нормального человека.

— Вот и хорошо. — Ева волей-неволей улыбнулась.

Но это только подогрело любопытство малышки.

— Вы не насчет кобылы?

— Нет. Я не отличаю кобылы от жеребца.

Хитер добродушно рассмеялась и пошла к двери. Неожиданно для самой себя Ева решила удовлетворить детское любопытство.

— Я — не одна из его подружек, — сказала она вслед девочке. — Я — одна из его кузин.

Похоже, Хитер обрадовалась.

— О, тогда вы и моя кузина тоже. Я — сестра Саймона.

Еву заставил промолчать комок в горле. Чего-чего, а этого от визита в Уэстлендс она не ждала. Она не верила, что кто-то из Уэстуордов будет рад ее видеть.

Мать Фрэнсис сказала Кит Хегарти, что торопиться с возвращением в Дублин не обязательно. Она может прожить в монастыре сколько захочет. Может быть, неделю.

— Не уезжайте слишком быстро. Иначе мир и покой, который вы обретете в этом месте, скоро исчезнет.

— Я вас понимаю. Вы думаете, что весь Дублин такой же, как О'Коннелл-стрит. Но мы живем в графстве Дублин, на берегу моря. Там полно свежего воздуха.

Мать Фрэнсис знала, что мир и покой Нокглена не имеют никакого отношения к свежему воздуху. Его преимущество заключалось в том, что он был далеко от дома, в который Фрэнк Хегарти больше не вернется.

— И все же останьтесь у нас и подышите нашим воздухом.

— Я здесь лишняя. — Кит чувствовала, что Еве не терпится овладеть вниманием матери Фрэнсис.

— Совсем наоборот. Еве необходимо поговорить с другими людьми, прежде чем она придумает какой-то план. Нам с ней нет смысла ходить по кругу. Мне это очень не по душе, но я понимаю, что она должна принять решение самостоятельно.

— Из вас вышла бы чудесная мать, — сказала Кит.

— Не знаю. Как говорится, чужую беду руками разведу...

— Не чужую. Вам удастся то, о чем другие могут только мечтать. Вы не пилите.

— Вы тоже не похожи на пилу, — улыбнулась мать Фрэнсис.

— Вам не хотелось выйти замуж и иметь детей? — спросила Кит.

— Я любила одного непутевого сына фермера, но не могла выйти за него замуж.

— Почему?

— Потому что у меня не было участка земли, который мог бы стать моим приданым. Во всяком случае, тогда я так думала. Если бы он действительно любил меня, то женился бы на мне без всякого приданого.

— И что с ним случилось?

— Он женился на девушке, ноги которой были красивее, чем ноги Банти Браун. И приданое у нее тоже было. Они родили четверых за пять лет. А потом, как говорят, он нашел себе другую.

— А что сделала его жена?

— Прослыла душой на все графство. Банти Браун так не поступила бы. Она выгнала его, открыла пансионат и стала самостоятельной женщиной.

Кит Хегарти засмеялась.

— Хотите сказать, что вы и есть та самая Банти Браун?

— Больше нет. И уже очень давно.

— Он сделал глупость, что не женился на вас.

— Я говорила то же самое. Говорила три года. Сначала меня не хотели принимать в монастырь. Они думали, что я просто хочу сбежать. Спрятаться от мира.

— Вы не жалели о том, что не дождались другого сына фермера?

— Нет. Ничуть, — глядя куда-то вдаль, ответила мать Фрэнсис.

— В каком-то смысле вы получили то, чего хотели, — сказала Кит. — Вашими детьми стали школьницы.

— Вы правы. Каждый год приходят новые дети, каждый год появляются новые лица... — Взгляд матери Фрэнсис оставался печальным.

— У Евы все получится.

— Конечно, получится. Наверное, сейчас она разговаривает с ним.

— С кем?

— Со своим кузеном Саймоном Уэстуордом. Просит его внести плату за обучение. Надеюсь, она не выйдет из себя и не пошлет его куда подальше!

Хитер вышла сразу же, как только в комнату вошел ее брат. Сначала он подошел к креслу, поднял плед, встал на колени и накрыл им ноги старика. Потом встал и подошел к камину. Саймон был маленьким, смуглым и кареглазым, на его красивое тонкое лицо падали пряди русых волос. Он отбрасывал их так часто, что это вошло у него в привычку. На нем были бриджи для верховой езды и твидовый жакет с кожаными манжетами и локтями.

— Чем могу служить? — Его тон был вежливым, но холодным.

— Вы знаете, кто я? — так же холодно спросила Ева.

Он замешкался с ответом.

— Кажется, нет.

Ее глаза вспыхнули.

— Кажется? Либо да, либо нет. Третьего не дано.

— Я думаю, что знаю. Я спросил миссис Уолш. Она сказала, что вы дочь моей тети Сары. Это верно?

— Но обо мне вы, конечно, знаете?

— Конечно. Я не узнал вас, когда вы шли по аллее, и спросил миссис Уолш.

— И что еще вам сказала миссис Уолш?

— Не думаю, что это имеет значение. Можно спросить, в чем заключается ваше дело?

Он настолько владел положением, что Еве хотелось плакать. Если бы он стеснялся, испытывал чувство вины за то, как отнеслась к ней его семья, и раздумывал, пытаясь найти нужные слова... Но Саймон Уэстуорд прекрасно знал, как следует себя вести в подобных ситуациях.

Она молчала и смотрела на кузена, бессознательно копируя его позу: руки за спиной, глаза не мигают, губы плотно сжаты. Ева сознательно не стала надевать свой выходной костюм, чтобы Саймон не подумал, будто она сделала это специально или пришла к нему после мессы. На ней были клетчатая юбка и серый кардиган. Голубая косынка, повязанная на шее, должна была придавать Еве веселый и уверенный вид.

Она не сводила с него глаз.

— Не хотите стаканчик хереса? — спросил он, и Ева поняла, что первый раунд остался за ней.

— Спасибо.

— Сухой или сладкий?

— Я не знаю разницы. Никогда не пробовала ни того ни другого, — гордо ответила она. Никто не смеет смеяться над плохими манерами Евы Мэлоун! Она заметила, что Саймон поднял брови от удивления, граничившего с восхищением.

— Тогда попробуйте сладкий. Я сделаю то же самое.

Он налил два стакана.

— Не хотите присесть?

— Нет, спасибо. Наш разговор не займет много времени.

— Ладно, — лаконично ответил он и стал ждать продолжения.

— Я хочу поступить в университет, — начала она.

— В Дублине?

— Да. Но мне кое-что мешает.

— Да?

— А именно то, что я не могу себе этого позволить.

— И сколько теперь стоит обучение в Тринити-колледже?

— Я говорю не о Тринити-колледже, и вы прекрасно это знаете. Речь идет о Дублинском католическом университете.

— Мне очень жаль, но я действительно этого не знал.

— В Тринити много лет не принимали католиков, а когда этот запрет был снят, архиепископ заявил, что католикам там учиться грешно. Так что речь может идти только о ДКУ.

Он протянул руки ладонями вперед, словно обороняясь, и сказал:

— Мир, мир!

Ева продолжила:

— Раз уж вы спросили, плата составляет шестьдесят пять фунтов в год за три года обучения на бакалавра искусств. После этого я бы хотела учиться еще год и защитить диплом по библиотечному делу. Итого еще шестьдесят пять фунтов. Кроме того, придется покупать книги. Мне нужно сто фунтов в год.

— И?..

— И я надеюсь, что вы мне их дадите.

— Взаймы?

— Нет. Без возврата. Потому что вернуть их я не смогу. Если бы я просила у вас займы,

это было бы ложью.

— Но как вы будете там жить? Вам нужно будет платить за квартиру и все остальное.

— Я отвечу. Это не Тринити. Никаких квартир там нет. Я буду работать в какой-нибудь семье за жилье и питание. Это мне по силам. Я не могу внести только плату за обучение.

— И вы думаете, что ее внесем мы?

— Я буду очень рада, если вы это сделаете. — Никаких благодарностей, решительно сказала себе Ева. Она поклялась, что не воспользуется словом «спасибо». Как бы ни предупреждала ее мать Фрэнсис. «Рада», но не больше.

Саймон задумался.

— Сотня фунтов в год... — повторил он.

— За четыре года, — напомнила Ева. — Я не смогу приступить к занятиям, если не буду знать, что мне не придется просить эти деньги каждый год.

— Вы и сейчас их не просите, — сказал Саймон.

— Верно, не прошу. — У Евы застучало в висках. Она понятия не имела, что их разговор сложится таким образом.

Его улыбка была искренней.

— Я тоже никого ни о чем не прошу. Должно быть, это наша фамильная черта.

Ева ощутила приступ лютого гнева. Он не просто отказывал, но смел потешаться над ней!

Она знала, что ей могут отказать, но думала, что это сделают холодно и высокомерно, решительно закроют за ней дверь и больше не велят впускать. Ева была готова к этому. Она не будет ни плакать, ни умолять, ни обвинять. По городу ходило множество сплетен. Ева знала, что ее отец много лет назад проклял эту семью, и не хотела, чтобы история повторилась.

Она училась сохранять спокойствие.

— Что вы об этом думаете? — ровно спросила она. Ее тон не был ни вызывающим, ни просительным.

— Это звучит разумно, — ответил Саймон.

— Что?

— То, чего вы просите. Я не вижу причин для отказа. — Его улыбка была чарующей.

Ева чувствовала, что если она ответит на эту улыбку, то подвергнет себя какой-то опасности.

— Почему сейчас? — спросила она. — Почему не раньше?

— Потому что раньше вы ко мне не обращались, — просто ответил он.

— Лично не обращалась, — подтвердила Ева.

— Да. Когда к тебе обращается не человек, а религиозный орден, который ни разу не использовал другой подход, это совсем другое дело.

— А какой подход он мог использовать?

— Не знаю. Трудно сказать. Не стану утверждать, что мне понравилось бы, если бы меня пригласили на чай и начали рассыпаться в фальшивых любезностях. Но с их стороны было слишком дерзко требовать денег на ваше содержание так, словно у вас нет своего голоса.

Ева поняла, что Саймон прав. Но она тоже была права. Она не должна была просить у него или кого-нибудь из Уэстуордов то, что принадлежало ей по праву. А мать Фрэнсис они отказали дважды, причем с позором.

Но сейчас речь шла не об этом. Требовалось сохранять спокойствие, а не ворошить прошлое.

— Я понимаю, — сказала она.

Однако Саймон уже потерял интерес к этому предмету и был готов перейти к другому.

— Когда начинаются занятия? Или они уже начались?

— Неделю назад. Но время еще есть.

— Почему вы не подали документы вовремя?

— Я попробовала жить по-другому. Но не получилось.

Похоже, Саймон уже привык к ее коротким ответам. Во всяком случае, они его удовлетворяли.

— Ну, надеюсь, вы пропустили не так много. Когда я езжу в Дублин, то вижу одно и то же: студенты обоих университетов пьют кофе и спорят о том, как изменить мир.

— Однажды они это сделают.

— Конечно, — учтиво ответил он.

Ева молчала. Попросить дать ей деньги немедленно было нельзя. Если бы Саймон это сделал, слово «спасибо» само сорвалось бы с ее губ. Поэтому она задумчиво потягивала херес.

Их взгляды встретились.

— Я схожу за чековой книжкой, — сказал Саймон и вышел в коридор. Ева слышала, как он рылся в бумагах и документах, валявшихся на столе.

Старик молча сидел у окна и смотрел на запущенный сад. На лужайку, на которой играла с двумя большими собаками Хитер, бывшая лет на двадцать моложе своего брата. Для Евы эта территория была чужой.

Пока не вернулся Саймон, она стояла в позе посетителя.

— Простите, я не хочу вас обидеть, но я толком не знаю вашей фамилии. Мэлони? Или О'Мэлоун? Как правильно?

— Ева Мэлоун, — без всякого выражения сказала она.

— Спасибо. Мне не хотелось спрашивать миссис Уолш. Разговаривать с вами намного приятнее. — Он улыбнулся.

Ева не ответила на улыбку. Просто слегка кивнула. Саймон медленно и тщательно выписал чек, потом сложил его пополам и протянул ей.

Обычная вежливость требовала поблагодарить его. Но слово «спасибо» застряло у нее в горле. Что она сказала раньше, какое слово ей понравилось? «Рада».

Ева воспользовалась им снова.

— Я рада, что вы смогли сделать это, — сказала она.

— Я тоже рад, — ответил он.

Они не называли друг друга по имени и понимали, что больше сказать нечего. Ева положила чек в карман кардигана и протянула руку.

— До свидания, — сказала она.

Саймон Уэстуорд одновременно сказал то же самое.

Ева весело помахала девочке, огорченной ее уходом, и пошла по дорожке, гордо расправив плечи, так как знала, что за ней наблюдают из дома, в котором когда-то жила ее мать. Из кухни, из сада, где играли собаки, из гостиной и из инвалидного кресла.

И не прибавила шагу, пока не вышла за ограду.

Мать Фрэнсис и Кит Хегарти обедали у окна трапезной. На столе лежал третий прибор, предназначенный для Евы.

— Мы не ждали тебя так рано, — сказала мать Фрэнсис, с тревогой разглядывая лицо Евы.

Ева дважды кивнула. Лицо монахини просияло.

— Я пойду. У меня куча дел. Ева, твоя еда на кухне. Сходи за ней и посиди с миссис Хегарти, будь хорошей девочкой.

Кит заколебалась.

— Может быть, мне уйти и дать вам поговорить?

— Нет, нет, вы еще не закончили. К тому же мы с Евой у себя дома. У нас впереди еще годы, а вы скоро уезжаете.

Ева принесла себе тарелку бекона и картошки со сливочным соусом, поставила ее на стол и только тут увидела грустное и усталое лицо наблюдавшей за ней женщины.

— Сестра Имельда всегда пытается меня откормить, но при моем образе жизни это бесполезно. Как говорится, не в коня корм.

Миссис Хегарти кивнула.

— По-моему, вы такая же, — сказала Ева. У нее кружилась голова от облегчения. Пока не кончится этот ленч, она будет говорить о всяких пустяках. Потом побежит на улицу, сообщит новость Бенни, а когда эта грустная женщина уйдет, бросится к матери Фрэнсис и все ей расскажет.

— Да, я такая же, — сказала Кит Хегарти. — Я никогда не отдыхаю и почти не сплю. Слишком много думаю обо всем.

— У вас было о чем подумать, — с сочувствием сказала Ева.

— Не всегда. Фрэнк говорил, что я не могу усидеть на месте и что мои глаза не знают покоя.

— Обо мне говорят то же самое, — с удивлением сказала Ева.

Две женщины, боровшиеся друг с другом за время и внимание матери Фрэнсис, посмотрели друг на друга с любопытством. Им не показалось странным, что монахиня не вернулась. Они не обратили внимания на то, что сестра Имельда не пришла за пустыми тарелками.

Серые облака, бежавшие по небу над верхушками монастырских деревьев, стали темными тучами, короткий зимний день перешел в вечер, а они все говорили и говорили.

Их рассказы легли на свои места, как кусочки головоломки. Еве Мэлоун требовалось жилье и место, где она могла бы заработать себе на жизнь. Кит Хегарти требовался человек, который помог бы ей содержать пансион. Теперь, когда Фрэнк, ради которого Кит тащила на себе такую тяжесть, умер, у нее не было ни сил, ни желания трудиться в доме с утра до вечера. Обе видели решение, но боялись заговорить о нем.

Первой заговорила Ева. В монастыре, который был ее домом, она позволила себе опуститься до просьбы. Ева, которая никого не просила об услуге, которая не смогла сказать человеку спасибо за четыреста фунтов, лежавшие в кармане ее кардигана, сумела спросить Кит Хегарти, сможет ли она приехать и пожить с ней.

А Кит Хегарти перегнулась через стол и взяла в ладони ее руки.

— Как-нибудь проживем, — пообещала она.

— Еще как проживем! — заверила ее Ева.

Потом они пошли к матери Фрэнсис и все рассказали ей. Монахиня очень удивилась и

сказала, что тут не обошлось без прямого вмешательства Господа.

Глава седьмая

Брайан Махон пил уже несколько дней. Это не было запоем, он не устраивал ссор и драк, как бывало иногда, но пил крепко. Эмили знала, что дело добром не кончится. На этот раз предлогом станет спальня Нэн.

Нэн решила, что теперь она будет по вечерам заниматься у себя. Сказала, что готовить домашние задания внизу, где гремит радио и все время ходят родные, невозможно. Нейси поставил ей простой письменный стол, а Пол сделал розетку для электрокамина. Именно там она и собиралась заниматься. Эмили вздыхала. Она знала, что как только Брайан очухается, то непременно поднимет шум. Почему с ним не посоветовались? Кто будет платить за электричество? Да что Нэн о себе возомнила?

Ответить на последний вопрос было легко. Нэн считала, что она слишком хороша для Брайана Махона и Мейпл-Гарденс. Мать заверяла ее в этом годами. Расчесывая золотые волосы дочери, Эмили говорила, что ее ждет совсем другая, лучшая жизнь. Нэн никогда в этом не сомневалась. Она ни в грош не ставила уклад дома, в котором верховодил пьяный отец.

Нэн Махон не боялась отца, так как с подачи матери знала, что ее будущее зависит не от него. И не сомневалась, что залогом этого будущего является ее красота.

Эмили мечтала найти способ отвести Брайана в сторону и поговорить с ним так, чтобы он ее выслушал. Выслушал и понял. Она могла бы сказать ему, что жизнь коротка, а потому не стоит ругать Нэн. Пусть дочь делает в спальне все, что ей хочется. Нужно быть с ней поласковее. После этого она сама спустится к родным и посидит с ними.

Но в последнее время Брайан не слушал Эмили. Впрочем, он никогда ее не слушал. Она вздохнула, открывая только что доставленную посылку с фарфором из Беллика и аккуратно опуская упаковку в ведро под прилавком. Расставила на полке кувшинчики и тарелки, чтобы они привлекали к себе взгляд, и начала каллиграфическим почерком заполнять ярлычки с ценой. Эмили Махон вздохнула снова. Руководить магазином в отеле было легко, а руководить домашним хозяйством — трудно. Люди не понимали, как часто ей хотелось лечь спать в углу своего маленького магазина, среди красивых ковриков для автомобилей и подушек с кельтскими узорами. Это было бы куда проще, чем возвращаться на Мейпл-Гарденс.

Конечно, она оказалась права. Когда Эмили Махон вошла в свой дом, ссора уже началась.

— Ты знаешь, что здесь происходит? — прорычал Брайан.

Эмили решила попробовать спустить пары.

— Хорошо же здесь встречают трудящегося человека, — сказала она, переводя взгляд с красного и сердитого лица мужа на холодное и равнодушное лицо Нэн.

— Ради бога, замолчи! Трудящегося человека? Все знают, что у тебя не было никакой причины идти на работу. Кроме того, что тебе требовались деньги на всякие финтифлюшки. Если бы ты сидела дома и занималась своим делом, ничего этого не случилось бы!

— А что такого случилось? — устало спросила Эмили.

— Наконец-то соизволила поинтересоваться! Ты понятия не имеешь о том, что творится в собственном доме.

— Почему ты кричишь на Эм? — спросила Нэн. — Человек только вошел, даже пальто

не снял и не поставил сумки.

Лицо отца помрачнело.

— Девчонка! Не смей называть мать по имени!

— Я и не называю, — скучающим тоном ответила Нэн. — «Эм» — это буква. Сокращение от слов «мама», «мать» или «матер».

— Ты немедленно снимешь у себя проводку и спустишься вниз. Туда, где тепло. Будешь заниматься там, где занимаются все нормальные люди.

— Прошу прощения, — ответила Нэн. — Прошу прощения, что высказываю свое мнение, но заниматься там, где люди все время кричат и ругаются, нельзя.

— Замолчи, дерзкая девчонка! Если скажешь еще слово, так взгрею, что своих не узнаешь!

— Папа, не бей ее... — поднявшись с места, сказал Нейси.

— Прочь с дороги!

Нэн не пошевелилась. Ни на дюйм не сдвинулась с места, на котором стояла, молодая, уверенная, в чистой белозеленой блузке и темно-зеленой юбке. Она держала под мышкой учебники и напоминала фотографию идеальной студентки.

— Ради чего я горбачусь на тебя? Ради того, чтобы выслушивать такие речи на глазах у всей семьи? Ради того, чтобы ты превратилась в наглуую цыганку?

— Папа, я ничего плохого не сказала. Только то, что хочу заниматься наверху, где меня ничто не будет отвлекать. Когда я в конце концов получу диплом, ты же сам станешь мной гордиться.

В ее словах не было ничего обидного, но вынести высокомерный тон дочери Брайан Махон не смог.

— Раз так, убирайся с глаз моих долой! Чтобы сегодня вечером духу твоего внизу не было!

Нэн только улыбнулась.

— Эм, если захочешь, чтобы я тебе помогла, позовешь, — сказала она и легко взбежала по лестнице.

Три студента, жившие у миссис Хегарти, обрадовались, когда услышали о приезде Евы. Им было не по себе в доме, где у хозяйки трагически погиб сын. Теперь можно было хотя бы попытаться вернуться к прежней жизни.

Когда Ева прибыла, молодые люди обрадовались еще больше. Маленькая, проворная и симпатичная, она с самого начала взялась за дело.

— Теперь я буду подавать вам завтрак. Миссис Хегарти кормит вас как на убой. Каждый день вы будете есть яичницу с беконом и сосиски, а по пятницам — яйца всмятку. Но три раза в неделю мои лекции начинаются в девять утра, поэтому в эти дни вы будете помогать мне убирать со стола и мыть посуду. Зато в остальные дни я буду трудиться на вас как черная рабыня. Наливать вам чай и мазать маслом тосты.

Ребята охотно согласились на это условие и делали даже больше, чем она просила. Лоботрясы, не знавшие, где у них дома стоит пылесос, по четвергам приносили его наверх, а уже потом бежали на электричку. Тщательно вытирали ноги о резиновый коврик у дверей. Говорили, что по горло сыты нахлобучкой, которую им устроила Ева, когда они случайно запачкали вычищенный ею ковер. Мыли за собой ванну гораздо лучше, чем делали до появления Евы. Кит Хегарти с глаз на глаз говорила Еве, что если бы она знала, как

присутствие девушки действует на молодых людей, то взяла бы на постоянной студентку еще несколько лет назад.

— Действительно, почему вы этого не сделали? Ведь с девушками легче.

— Ага, как же... Они вечно моют голову, требуют, чтобы крышка унитаза была постоянно опущена, сушат чулки на стульях, влюбляются в самых никчемных парней... — Кит не выдержала и засмеялась.

— Вы не бойтесь, что то же самое случится со мной? — спросила Ева. Они сошлись так, что могли непринужденно говорить обо всем на свете.

— Ничуть. Ты никогда не влюбишься в никчемного парня. Ты у нас кислотоупорная.

— Я думала, что нравлюсь вам. — Ева разговаривала и одновременно пекла содовый хлеб. Этому искусству она научилась у сестры Имельды еще в шесть лет. О рецептах она не имела понятия и все делала на глазок.

— Ты мне действительно нравишься. Потому что я сама никогда не влюблялась в никчемных парней. Джозеф Хегарти подавал большие надежды. Просто со временем эти надежды перестали иметь ко мне отношение, — горько закончила она.

— Вы не пытались найти его? Чтобы сообщить о Фрэнке?

— Джозеф не хотел знать, когда Фрэнк научился плавать, когда у него выпал первый зуб, когда он сдал первый экзамен. Какой смысл теперь сообщать ему о смерти сына?

Ева понимала ее резоны, но считала, что время и место для упреков неподходящее.

— А что было бы, если бы Джо вернулся? Если бы однажды он вошел в эту дверь?

— Забавно... Я никогда не называла его Джо, только Джозеф. Наверное, это что-то говорит о наших отношениях. Что было бы, если бы он вернулся? Для меня он ничем не отличался бы от человека, пришедшего снимать показания счетчика. Я перестала смотреть на дверь много лет назад.

— Вы любили его? Или только думали, что любили?

— Любила. Нет смысла отрицать это только потому, что любовь нельзя вернуть и надолго ее не хватило.

— Вы говорите об этом так спокойно...

— Знала бы ты меня лет этак... Дай подумать. Если бы ты знала меня, когда тебе было год-два, то не сказала бы, что я говорю об этом спокойно!

— Я никогда никого не любила, — неожиданно сказала Ева.

— Потому что боялась.

— Нет. Монахини относятся к любви куда либеральнее, чем думают. Они не пугали меня мужчинами.

— Я не о монахинях. Ты сама боялась дать себе волю...

— Наверное, вы правы. Я очень вспыльчивая и обидчивая. Я ненавижу этих проклятых Уэстуордов. Мне ужасно не хотелось просить у них деньги. Не могу сказать, чего мне стоил тот воскресный день, когда я пошла в Уэстлендс. А если бы кто-нибудь сказал плохое слово о матери Фрэнсис или сестре Имельде, я бы его убила!

— Ради бога, положи нож. Ты меня пугаешь.

— Ох... — Ева засмеялась, поняв, что размахивает ножом, которым она делала насечки на хлебе. — Я и не заметила. Но этот нож никому не причинил бы вреда. Он тупой. Им даже масло не разрежешь. Давайте попросим одного из наших будущих инженеров взять его в лабораторию и заточить как следует.

— В один прекрасный день ты кого-то полюбишь, — сказала Кит Хегарти.

— Не могу представить себе такого человека, — задумчиво ответила Ева. — Во-первых, вынести мой характер может только святой. Во-вторых, я не вижу примеров счастливой любви.

— У тебя есть какие-нибудь планы на воскресенье? — спросил старшего сына доктор Фоли.

— А если да, что мне за это будет? — засмеялся Джек.

— Ничего. Если ты занят, я не буду тебя отрывать.

— Но тогда я могу пропустить что-то важное.

— Такова жизнь. Приходится рисковать.

— Говори, папа.

— Значит, ты свободен?

— Говори, не тяни за душу.

— Помнишь моего приятеля Джо Кеннеди, провинциального аптекаря? Он зовет меня в гости. Похоже, неважно себя чувствует. Мы давно не видались. Джо хочет, чтобы я осмотрел его.

— Где он живет?

— В Нокглене.

— Господи, какая даль... Там что, врачей нет?

— Есть. Но друг ему нужен больше, чем врач.

— И ты хочешь, чтобы я поехал с тобой?

— Джек, я хочу, чтобы ты отвез меня. После случившегося у меня не хватает духу сесть за руль.

— По-другому и быть не может.

— Может. Но долгая поездка по мокрой и скользкой дороге меня пугает. Я был бы тебе очень благодарен.

— Ладно, — сказал Джек. — А чем я займусь, пока ты будешь с ним разговаривать?

— В том-то и проблема. Не думаю, что там есть чем заняться. Может быть, ты съездишь в ближайший город или посидишь в машине и прочитаешь воскресные газеты.

И тут Джека осенило.

— Там живет одна моя знакомая девушка. Я могу пригласить ее прокатиться.

— Узнаю свою кровь. Всего два месяца в университете, а уже девушка в каждом городе.

— Я не в том смысле. Просто славная девчонка с соседнего факультета, и все, — объяснил Джек. — Где у нас телефонная книга? Вряд ли в этом Нокглене много Хоганов.

Когда Бенни сказала, что ей звонил Джек Фоли, это произвело на Нэн сильное впечатление.

— Послушай, половина студенток университета отдала бы все на свете за то, чтобы он приехал к ним в гости. Что ты наденешь?

— Не думаю, что он приедет в гости в полном смысле этого слова. Вряд ли из-за этого стоит наряжаться. Ничего особенного я надевать не стану. — Бенни даже покраснела.

— Когда ты откроешь дверь, это должно стать для него приятным сюрпризом, — сказала Нэн.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— И все же я думаю, что приодеться стоит. Надень ту красивую розовую блузку и

черную юбку. Когда к тебе в гости приезжает такой парень, как Джек Фоли, это настоящий праздник. Если бы он приехал ко мне на Мейпл-Гарденс, я бы разоделась в пух и прах. Я дам тебе розовую и черную ленты, и ты сможешь заплести их в волосы. Это будет великолепно. Тем более что волосы у тебя роскошные.

— Великолепно? В дождливое воскресенье? Нэн, в Нокглене не может быть ничего великолепного. Это будет выглядеть смешно.

Нэн смерила ее задумчивым взглядом.

— Тогда возьми толстый бурый пакет, в которых продают сахар, надень его на голову и прорежь дырки для глаз. Может быть, сойдет.

Аннабел Хоган и Патси решили испечь ячменные лепешки, шоколадный торт и пирог с яблоками. И приготовить две тарелки бутербродов с рублеными яйцами и сардинами.

— По-моему, это уже чересчур, — возразила Бенни.

— Ничего не чересчур! Надо же чем-то угостить твоего друга. — Мать Бенни возмутил намек на то, что им предстоит не самое обычное воскресное чаепитие.

Родители собирались каждый день топить в гостиной камин, чтобы как следует нагреть ее, а после чая убрать со стола, удалиться в комнату для завтраков и оставить молодых людей наедине.

— Не нужно ничего делать специально, — тщечно просила Бенни. — Он зайдет ко мне только для того, чтобы убить время. — Но они не желали этого слышать. Вежливый молодой человек позвонил за несколько дней и попросил разрешения приехать в гости. Разве это значит убить время? В Нокглене есть чем заняться и без того.

Сама Бенни так не считала. Рассматривать витрины магазинов? Тьфу! Кинотеатр днем не работает. В гостинице Хили через полчаса со скуки подохнешь. У Марио такому человеку, как Джек Фоли, делать нечего, как бы Фонси ни старался развлечь его. Так что убить время можно было только у Хоганов. И все же было приятно, что Джек ее не забыл. Бенни опробовала розовую и черную ленты. Получилось неплохо. Бенни сделала это еще в пятницу вечером, чтобы домашние не подумали, что она собирается специально наряжаться для такого случая.

Когда Шон пригласил Бенни в кино, она отказалась. В воскресенье к ней приедут из Дублина, так что нужно привести дом в порядок.

— Из Дублина! — фыркнул Шон. — Можно поинтересоваться, как зовут твою подругу?

— Это не подруга, а друг, — упрямо сказала Бенни.

— Тогда прошу прощения, — ответил Шон.

— Теперь ты понимаешь, почему я не могу пойти с тобой в кино?

— Естественно, — надменно ответил Шон.

По какой-то причине, не ясной ей самой, Бенни добавила:

— Это просто друг, ничего больше.

Улыбка Шона была холодной и насмешливой.

— Бенни, я не сомневаюсь, что это правда. Ничего другого я от тебя не ожидал. Но хорошо, что ты сказала об этом прямо.

Он кивнул как самодовольный павлин. Словно проявлял щедрость и позволял ей до поры до времени иметь собственных друзей. И гладил по головке за признание в том, что это всего лишь дружба.

— Надеюсь, это будет очень приятный визит. Для всех вас, — сказал Шон Уолш и отдал

поклон, который считал элегантным и изящным. Он видел в кино, как это делали Эррол Флинн и Монтомери Клифт, и запомнил на всякий случай.

Лучшего гостя, чем Джек Фоли, в доме Хоганов еще не видели. Он пробовал все, чем его угощали, и все хвалил. Выпил три чашки чая. Восхитился чайником, спросил, не бирмингемское ли это серебро тридцатых годов, и оказался прав. Когда Хоганы удивились его знаниям, Джек ответил, что в этом нет ничего особенного: такой же чайник есть у его родителей. По-братски обнял Бенни за плечи, когда они рассказывали об университете. Сказал, что очень рад учиться вместе с девушками, хотя на первых порах после школы с раздельным обучением чувствовал себя неловко. Мать и отец Бенни понимающе кивали, соглашаясь с ним. Рассказал о своих родителях, братьях и малыше Ангусе, которому то и дело разбивают в школе очки.

Сказал, что ему очень нравятся диспуты по субботам; это не только поучительно, но и забавно. Бенни не была на них? Нет, не была. Дело в том, что ей приходится каждый вечер возвращаться в Ноклен, объяснила она. Очень жаль. Он считает эти диспуты неотъемлемой частью университетской жизни. Возможно, Бенни могла бы остаться на ночь у своей подруги Нэн, которую он иногда видит в Дискуссионном клубе. Все дружно кивнули. Возможно. Как-нибудь в субботу.

Джек не слишком распространялся, почему его отец захотел встретиться с мистером Кеннеди. Наверное, это как-то связано с регби, с новыми лекарствами, появившимися на рынке, или со встречей однокурсников. У отца никогда ничего не поймешь, он человек скрытный.

Бенни смотрела на него с восхищением. Джек Фоли врал не моргнув глазом.

Единственным человеком, способным так же непринужденно врать, была Нэн. Во многих отношениях они были два сапога пара.

— Спасибо, все было чудесно. Бенни, ты не могла бы показать мне город? — спросил Джек.

— Мы собирались уйти и дать вам... э-э... поговорить, — начала мать Бенни.

— Знаете, я так много съел... Думаю, мне требуется прогулка.

— Тогда я переобуюсь. — За неимением вечерних туфель Бенни надела лодочки.

— Надень сапоги, Бенни! — крикнул ей вслед Джек. — В наказание за этот чудесный чай нам придется пройти несколько километров!

Они вышли на улицу. Бенни надела зимнее пальто, из-под которого был виден воротник розовой блузки, и резиновые сапоги. Она чувствовала, что раскраснелась от холодного ветра, но это не имело значения. Вокруг шеи Джека был обмотан красно-зеленый шарф юридического факультета.

Кое-кто тоже вышел погулять на зимнем солнышке; скоро должен был начаться закат.

— Куда пойдем? — спросил Джек у калитки Хоганов.

— Прогуляемся до того конца города, а потом ходим в Уэстлендс. Это компенсирует вред, нанесенным нам яблочным пирогом.

— Бедный мистер Кеннеди смертельно болен. Он хотел поговорить об этом с моим отцом. Похоже, то, что он светоч местного здравоохранения, не принесло ему особой радости.

— Очень жаль. Он ведь еще не старый, — сказала Бенни. — А вон там живет еще один

светоч местного здравоохранения, как ты выражаешься. — Она махнула рукой в сторону дома доктора Джонсона, где дети играли с собакой, бросая палку.

— Я не сказал об этом твоим родителям... — начал Джек.

— Я тоже не скажу, не бойся, — заверила его Бенни.

Они знали, как быстро распространяются слухи в городках, состоящих из одной улицы.

Бенни показывала ему местные достопримечательности и делала краткие комментарии.

Когда они проходили мимо сапожной мастерской Пакси Мура, Би, стоявшая в дверях, сказала Бенни, что в магазин Пегги Пайн привезли красивые новые юбки.

— Как раз для тебя, Бенни! — крикнула она и бесхитростно добавила: — Слону впору, и еще распустить можно!

— Прекрасно! — рассмеялся Джек.

— Она не хотела меня обидеть, — сказала Бенни.

Когда они проходили мимо магазина Марио, Фонси и его дядя послали Бенни воздушные поцелуи. В витрине хозяйственного магазина Десси Бернса красовалась пила со смешной надписью «Полезный подарок». Мимо аптеки Кеннеди они прошли быстро, ни слова не сказав о ее хозяйине, который в данную минуту разговаривал с отцом Джека. Потом Бенни перевела его через дорогу и показала магазин «Готовое платье Хогана».

Джек вежливо похвалил магазин и сказал, что тот выглядит очень таинственно. Снаружи никогда не узнаешь, что находится внутри. Бенни задумалась, хорошо ли это, и в конце концов решила, что хорошо. Деревенские жители — люди особые. Они считают, что чужие должны знать об их бизнесе как можно меньше.

Она попросила Джека посмотреть в витрину и полюбоваться на отражение миссис Хили, стоявшей в дверях своей гостиницы и бдительно следившей за ними. Джек узнал, что миссис Хили носит корсеты, которые делают настоящие чудеса. По слухам, миссис Хили была особой пышной и дородной, но доказательств этого не имелось ни у кого, кроме покойного мистера Хили. Она покупала новые и все более дорогие модели каждый раз, когда ездила в Дублин. Поговаривали, что однажды она отправилась за корсетами в сам Лондон, но это вряд ли.

Когда миссис Хили вернулась в свою гостиницу, Бенни почувствовала, что пора уходить. Она показала Джеку чистые белые столы в мясной лавке и объяснила, что сын мясника Тедди Флуд не хотел там работать, но что ему оставалось? Сын должен продолжать дело отца. Тем более что мистер Флуд в последнее время ведет себя странно.

Джек сказал, что это и без слов ясно. Зачем изображать на стене такое количество весело пасущихся коров, свиней и овец? Чтобы людям было стыдно покупать и есть их трупы? Но Бенни сказала, что это тут совершенно ни при чем. Бедные животные смотрели со стен всегда. Проблема состоит в том, что теперь ему постоянно что-то чудится в ветвях дерева. То ли святая, то ли монахиня. Во время разделывания туши или отрубания куска мяса мистер Флуд внезапно останавливается, выходит на крыльцо и советуется с высшими силами. Для семьи это является источником тревоги, а для покупателей — поводом для хихиканья.

Дойдя до церкви, они остановились и немного поговорили об отцах-миссионерах, которые вскоре должны были туда приехать. Бенни сказала, что в течение двух недель по всему городу будут стоять деревянные киоски, торгующие молитвенниками, четками, реликвиями и брошюрами Общества истинных католиков. Интересно, в Дублине бывает то же самое? Джек только развел руками. Он этого не знал. Конечно, он ходил к миссионеру,

но, как и все остальные, они с Эйданом хотели попасть на лекцию о сексе. Обычно народ набивался в церковь именно на нее, но миссионеры становились все более и более ушлыми. Они каждый вечер намекали, что длинная проповедь о сексе будет прочитана завтра, и каждый вечер собирали толпы слушателей, боявшихся пропустить самое интересное.

Бенни сказала, что мужчины гораздо честнее женщин. Девушки хотят того же, но не признаются в этом.

Она показала Джеку площадь, на которой останавливался автобус. Майки как раз разворачивался.

— Как дела, Бенни? — крикнул он.

— Отлично! — широко улыбнувшись, ответила девушка.

Они постояли у ворот монастыря Святой Марии, и Бенни показала ему все самое интересное. Широкие длинные газоны, поле для травяного хоккея, оранжерею, извилистую тропинку между огородными грядками, на вершине холма пересекающуюся с дорогой к каменоломне, над которой стоял коттедж Евы.

Джека поразило, что она не только знает здесь всё и всех, но и может рассказать о каждом целую историю.

Это Бенни понравилось. Что ж, по крайней мере, он не скучал.

Оба не заметили Шона Уолша, сидевшего в кондитерской Берди Мак и наблюдавшего за ними. По воскресеньям Берди часто поила посетителей чаем с тостами, и Шон Уолш регулярно приходил туда. Он не сводил холодных глаз с Бенни и дерзкого щенка, с которым она пошла гулять в первый же день и нарочно остановилась у ворот монастыря, на виду у всего города. Это ему ничуть не нравилось.

Они стояли у высоких ворот, откуда открывался прекрасный вид на Уэстлендс. Бенни показывала Джеку семейное кладбище, на котором хоронили всех Уэстуордов, и маленький военный мемориал, на котором каждый ноябрь появлялись венки из маков, потому что многие Уэстуорды погибли во время войн.

— Правда, странно, что все они участвовали в этих войнах на стороне Великобритании, а жили здесь? — спросила она.

— Ну, такова их протестантская культура, традиции и все остальное... — ответил Джек.

— Я знаю, но другие говорили о родине, отчизне, короле, королеве и стране, а они — только о Ноклене.

— Не критикуй Ноклен^[7]! — рассмеялся Джек.

— Если бы тебя услышал Фонси из бара, торгующего чипсами, то тут же сделал бы из этого издевательскую песню.

— Фонси? А как полностью?

— Альфонсус.

— О господи...

— Знаю. Ты счастливчик, Джек Фоли. У тебя нормальное имя.

— А как твое полное имя? Бенедикта, что ли?

— Увы, немного попроще. Всего-навсего Мэри-Бернадетта.

— Бенни^[8] — хорошее имя. Оно тебе подходит.

Когда они пошли обратно, уже стемнело. В монастыре зажгли свет. Бенни рассказала Джеку, что у Евы там была симпатичная спальня с окном, из которого она видела весь город.

— Ну вот, я доставила тебя в целости и сохранности, — сказала она, доведя Джека до дверей аптеки Кеннеди.

— Ты войдешь со мной?

— Нет. Он может расстроиться.

— Спасибо, Бенни. Я очень рад, что приехал.

— А я рада, что ты рад.

— Ты когда-нибудь проведешь ночь в Дублине? — неожиданно для самого себя спросил Джек.

— Вряд ли. Ты забыл, что я Золушка и должна уходить с бала до полуночи? Но днем мы увидимся.

— Может быть, сходим вместе на ленч?

— Это было бы замечательно, — сказала она и пошла по темной улице.

Они ехали в машине и молчали.

— Бедный Джо, — наконец сказал отец.

— У него рак?

— Причем запущенный. Судя по внешнему виду, ему осталось жить не больше двух месяцев.

— Что ты ему сказал?

— Он хотел, чтобы я не говорил, а слушал.

— Ему что, здесь поговорить не с кем?

— Нет. По его словам, здешний врач — человек грубый и жестокий, а жена думает, что все в руках Маленького Цветка^[9], инфанта Пражского или какого-нибудь другого небесного заступника, так что и говорить не о чем... Ладно, хватит об этом. Как ты провел время со своей подружкой? Джо сказал, что она славная девочка. Назвал ее «наш тяжеловозик».

— Жаль, что он не сумел придумать определение получше.

— Повтори еще раз, — сказала Нэн, глядя на нее во все глаза. — Он назначил тебе свидание? Сказал: «Я хотел бы, чтобы ты куда-нибудь ходила со мной вечером»? А ты ему отказала?

— Ну, во-первых, я ему не отказала, а во-вторых, он никуда меня не приглашал.

Нэн посмотрела на Еву, ища у нее поддержки. Они ожидали прихода лектора и сели в стороне от остальных, чтобы обсудить случившееся.

— Так приглашал или не приглашал? — спросила Ева.

— Ну, приглашал. Но как подругу. Небрежно. Это нельзя считать свиданием.

— Конечно, нельзя, если ты сказала «нет», — насмешливо бросила Ева.

— Не говорите так. — Бенни смотрела то на Нэн, то на Еву. — Клянусь, если он действительно куда-нибудь пригласит меня, я пойду. Ну что, вы довольны?

— А где ты будешь ночевать? — спросила Ева.

— Нэн, мне можно будет остаться у тебя?

— О да, конечно, — после секундной паузы ответила та.

Бенни посмотрела на Еву.

— Но если это сложно, я могу переночевать и в Дунлаогхейре. Правда, Ева?

— Легко. — Ева ответила быстро, но, конечно, родители ни за что не позволили бы Бенни остановиться в пансионе для молодых людей, у незнакомой женщины, даже с учетом того, что Ева там практически работала. Бенни настроилась на философский лад. Какая разница, если этого все равно не случится? Зачем строить несбыточные планы?

К доске объявлений Дамской Читальни был приклеен двумя пересекающимися полосками липкой ленты сложенный лист бумаги с надписью «Бенни Хоган, факультет искусств, первый курс». Бенни осторожно раскрыла его. Наверное, это от бледнолицего студента-монаха, который пропустил лекцию по истории, а она обещала дать ему конспект. Бенни всегда брала с собой лист копирки. Теперь можно будет отдать ему копию. Она не знала его имени. Юноша был болезненный, черная ряса делала его еще бледнее. Когда Бенни поняла, что это письмо от Джека Фоли, ее охватило странное чувство. Оно было похоже на внезапный толчок, который ощущаешь, когда прикасаешься к чему-то слишком горячему или слишком холодному.

Дорогая Бенни!

Я помню, что сейчас по вечерам тебе освободиться трудно. Если так, то что ты думаешь насчет ленча в «Дельфине»? Я никогда там не был, но слышал об этом месте много хорошего. Четверг подойдет? Кажется, ты говорила, что днем в четверг у вас лекций нет. Возможно, мы увидимся еще до того, но если ты не можешь или не хочешь, оставь записку в швейцарской, ладно? Надеюсь, что такой записки не будет и что в четверг, в час пятнадцать мы встретимся в «Дельфине».

Еще раз спасибо за чудесный прием в Ноклене.

С любовью, Джек.

— С любовью, Джек. С любовью, Джек, — снова и снова твердила она. Бенни закрыла глаза и повторила эти слова еще раз. Это возможно, правда? Возможно, что она действительно нравится ему. Он не был обязан куда-то ее приглашать или помнить, что в четверг у нее окно приходится как раз на время ленча. Если бы он хотел быть манерным, как называл таких юношей ее отец, то прислал бы ей открытку. Джек Фоли не стал приглашать ее на ленч в ресторан шикарного отеля, куда ходят сильные мира сего. Наверное, он сделал это, потому что ему хотелось быть с ней. Потому что она ему нравилась.

Она не могла в это поверить.

Услышав в коридоре заразительный смех Нэн, Бенни быстро сунула записку в наплечную сумку. Конечно, это было нехорошо по отношению к отчаянно болевшим за нее Нэн и Еве, но Бенни не хотела, чтобы ей советовали, что надеть и что сказать. Она не вынесла бы, если бы подруги подумали, что Джек Фоли и в самом деле испытывает к ней нежные чувства. Хотя отчаянно надеялась, что это правда.

Глава восьмая

Бенни решила, что к четвергу должна стать стройной как тростинка. У нее будут впалые щеки и лебединая шея. Конечно, это означало, что ей придется ничего не есть. Но как это сделать в доме, где Патси каждое утро ставит на стол овсянку, молочник со сливками и серебряную сахарницу? За овсянкой следуют хлеб и джем, а с обеих сторон сидят родители, следящие за тем, чтобы она позавтракала как следует.

Бенни поняла, что человек, живущий в Лисбеге, Нокглен, может потерять хотя бы унцию веса только с помощью изобретательности. Поэтому для начала она сделала вид, что не ест овсянку. На самом деле она ее обожала, особенно со сливками и сахарным песком. Потом начала откладывать выход из дома до последнего и кричать: «Сколько времени? Я возьму с собой хлеб с маслом!» После чего незаметно подбрасывала хлеб в курятник доктора Джонсона или в урну, стоящую у дверей Кэрроллов или Ши.

А потом наступал ленч. Глотать слюнки в кафе, где в одном углу пахло сосисками и чипсами, а в другом миндальными булочками, было выше человеческих сил.

Она говорила Еве и Нэн, что должна позаниматься, и решительно оставалась в библиотеке.

От духоты и голода во второй половине дня у нее начинала болеть голова. Еще одним искушением были кондитерские; Бенни знала, что пакетика «Роллос» хватило бы, чтобы доплестись до Набережной и сесть на автобус. А в Нокглене ей предстояло отбиться от чашки бульона.

— Я поела в городе, — уныло говорила она.

— Зачем это делать, когда дома тебя ждет такая вкусная еда? — удивлялась мать.

Иногда Бенни отказывалась от еды под предлогом того, что она слишком устала. Родителям это тоже не нравилось. Может быть, поговорить о ней с доктором Джонсоном? С какой стати нормальной здоровой девушке так уставать? Бенни знала, что говорить им правду бесполезно. Если родители узнают, что дочь хочет сбросить вес, то скажут, что она и так хороша. Будут волноваться и без конца обсуждать эту тему. Каждая трапеза превратится в настоящее сражение. Как будто ей ничего не стоит отказаться от сладкого пирога и ограничиться одним пирожком с картошкой, хотя она наслаждением съела бы полдюжины... Бенни знала, что красота требует жертв, но сомневалась, что другие испытывают при этом такие же мучения.

Может быть, легче последовать примеру миссис Хили и купить корсет? Вроде того, рекламу которого она недавно видела: «Корсет “Нью Бэк”... растягивается, когда вы сгибаетесь, нагибаетесь или поворачиваетесь... легко восстанавливает положение и не задирается, когда вы сидите». Он стоил девятнадцать шиллингов одиннадцать пенсов, почти целый фунт, и сулил все, о чем можно было мечтать. Конечно, кроме впалых щек и лебединой шеи.

Бенни тяжело вздыхала. Ах, как чудесно было бы пойти на ленч в какой-нибудь шикарный дублинский ресторан, если бы она была такой же маленькой и худенькой, как Ева. А еще лучше — такой же красивой, как Нэн. Если бы она выглядела так, что никто не мог бы отвести от нее взгляда, а Джек Фоли гордился бы тем, что пригласил ее.

Поскольку Бенни упорно отказывалась составлять им компанию, Нэн и Ева часто

ходили на ленч в одно из кафе близ университета. Ева иронически следила за молодыми людьми, которые пытались к ним присоединиться.

«Нэн устраивает целое представление, — думала она. — Очаровывает всех подряд, не тратя на это никаких усилий. Никто лучше нее не сыграет эту роль. Но роль ли это? Она совершенно естественна и разговаривает со всеми тепло и любезно. Словно королева. Как будто знает, что все будут ею восхищаться, и привыкла к этому».

Ева всегда принимала участие в беседах. Однажды она сказала Кит Хегарти, что это самый лучший и самый простой способ познакомиться со всей мужской половиной университета.

— Конечно, они считают меня бледной тенью Нэн, — проницательно заметила она. — Луной, которая не имеет собственного света, а отражает солнце.

— Ерунда, — возразила Кит. — Не занимайся самоуничижением.

— Я просто реалистка, — ответила Ева. — Ничего не имею против. В каждом поколении есть только одна Нэн.

— Так что, она университетская королева красоты?

— Пожалуй. Хотя Нэн держится естественно. В отличие от этой ужасной Розмари, которая вечно ведет себя так, словно находится на вечеринке. Раскрашенная кукла с ресницами в десять дюймов. Постоянно моргает, чтобы все обратили на них внимание. Не понимаю, как у нее не кружится голова. Я бы на ее месте давно ослепла, — злобно заявила Ева.

— А разве Нэн не такая же? — Кит Хегарти пыталась разобраться, кого в университете считают эталоном красоты.

— Нет. Она одинаково относится и к симпатичным, и к уродам. Может часами разговаривать с прыщавыми юнцами, которые двух слов связать не могут. Красавчики сходят с ума от злости.

— А она интересуется кем-нибудь, кроме себя самой? — спросила Кит, считавшая, что Ева слишком увлеклась ослепительной Нэн и забыла о своей старой подруге Бенни Хоган.

— Кажется, нет, — с удивлением ответила Ева. — Нэн могла бы завоевать кого угодно, даже Джека Фоли, но они ей не нужны. Складывается впечатление, что она ждет человека, о котором мы и понятия не имеем.

— Марсианина?

— Я бы не удивилась.

— Кстати, как поживает Бенни? — деланно небрежно спросила Кит.

— Странно, что вы спросили об этом. Я всю неделю видела ее только на лекциях, да и то издалека.

Кит Хегарти знала, что задавать вопросы не следует, но ее душа тянулась к этой большой нескладной девушке с широкой улыбкой, девушке, которая много лет была ближайшей подругой Евы, а теперь, похоже, получила отставку. Когда на сцене появляется такая роскошная бабочка, как Нэн, простым мотылькам приходится потесниться.

— Ева, ты пойдешь в «Аннекс»? — спросил вездесущий Эйдан Линч. На нем была желто-коричневая суконная куртка, знававшая лучшие дни. Длинные кудри падали на глаза, прикрытые темными очками в роговой оправе. Эйдан не скрывал, что стекла там простые, но считал, что очки придают ему более интеллектуальный вид.

— Вряд ли.

— Может быть, мысль о моей компании по дороге туда и обратно и о том, что я угощу тебя кофе с «летучим кладбищем», заставит тебя передумать?

— «Летучее кладбище» я люблю, — сказала Ева, вспомнив о пирожном с темной фруктовой начинкой. — Сегодня я готовила завтрак для нескольких очень голодных мужчин и не успела поесть сама.

— Несколько очень голодных мужчин? — заинтересовался Эйдан. — Ты живешь в мужском гареме?

— Нет, в пансионе. И плачу за жильё тем, что помогаю по хозяйству. — Она не бравировала этим, но и не жалела себя. Шутник Эйдан впервые в жизни лишился дара речи. Однако не надолго.

— Тогда накормить тебя — это не удовольствие, а мой долг, — сказал он.

— Нэн там не будет. У нее лекция.

На его лице мелькнула досада.

— Я звал не Нэн, а тебя.

— С выздоровлением, мистер Линч! — улыбнулась Ева.

— Самое ужасное на свете — это когда тебя не понимают и неправильно истолковывают твои намерения. Ты согласна?

— Не знаю. Может быть. — Еве нравился этот высокий худощавый студент из ближайшего окружения Джека Фоли. Конечно, трепач и немного пижон, но в целом парнишка симпатичный.

Они двинулись по коридору к лестнице, которая вела в университетский кафетерий «Аннекс». Проходя мимо Дамской Читальни, Ева увидела в открытую дверь Бенни, которая сидела в одиночестве.

— Эйдан, подожди минутку. Может быть, Бенни составит нам компанию.

— Нет! Я приглашал только тебя! — взвился он.

— Боже всемогущий, «Аннекс» открыт для всех и каждого. Это ведь не романтический обед при свечах! — вспыхнула Ева.

— Я бы пригласил тебя на романтический обед, но сейчас утро.

— Не дури. Я сейчас.

Бенни витала в облаках. Ева тронула ее за плечо.

— Ох, привет, — сказала Бенни, подняв взгляд.

— Спасибо, что узнали. Позвольте представиться. Меня зовут Ева Мэлоун. Мы познакомились несколько лет назад в этом... как его... ах, да, в Ноклене!

— Не надо, Ева.

— В чем дело? Почему ты больше не хочешь со мной играть?

— Не могу сказать.

— Ты можешь сказать мне всё. — Ева опустила на корточки.

Стоявший в коридоре Эйдан Линч громко откашлялся.

— Иди, тебя ждут.

— Говори.

— Я на диете, — прошептала Бенни.

Ева закинула голову и рассмеялась. Все присутствовавшие в комнате уставились на них. Бенни покраснела.

— Смотри, что ты наделала! — злобно прошипела она.

Ева посмотрела ей в глаза.

— Дуреха, я смеюсь от облегчения. Только и всего? По-моему, это бессмысленно. По мне ты и так хороша. Но если хочешь худеть, валяй, только не бегай от всех. Я думала, что чем-то тебя обидела.

— Конечно, нет.

— Раз так, вставай и пойдём пить кофе со мной и Эйданом.

— Нет, я не выношу запаха еды, — жалобно сказала Бенни. — И продержусь только в том случае, если буду обходить харчевни стороной.

— Может быть, тогда после ленча погуляем в парке? Там еды нет, — предложила Ева.

— Мы можем встретить человека, который кормит уток. Тогда я вырву у него кусок хлеба, убегу и набью себе рот, — слабо улыбнулась Бенни.

— Так-то лучше. Ладно, встретимся в вестибюле в час.

— Не рассказывай никому.

— Ох, Бенни, кому ты это говоришь?

— Что тебе там понадобилось? — спросил Эйдан, обрадовавшись, что Ева вернулась одна.

— Я сказала Бенни, куда иду, и предупредила, что, если не вернусь к назначенному сроку, она должна позвонить в полицию, — ответила Ева.

— Тебе все шуточки.

— Ну, ты тоже не из тех, кто принимает жизнь слишком всерьёз! — с жаром ответила она.

— Я сразу понял, что мы подойдем друг другу. Как только увидел тебя в постели. Ева молча подняла глаза к небу, не желая поощрять его. Но Эйдан не унимался.

— Приятно будет рассказать об этом нашим внукам...

— О чем именно?

Эйдан заговорил детским голосом:

— «Дедушка, расскажи, как ты познакомился с бабушкой». А я отвечу: «Хо-хо-хо, малыш, меня представили ей, когда она лежала в постели. В пятидесятых годах времени даром не теряли. На ходу подметки резали. Веселые были годы, хо-хо-хо!»

— Балбес! — засмеялась Ева.

— Знаю. Я же сказал, что мы два сапога пара. — Эйдан взял ее за руку, и они заняли очередь в кафетерий.

Бенни вынула из сумочки маленькое зеркало, положила его в том «Тюдоровской Англии» и тщательно изучила свое отражение. Пять дней без стоящей еды, а лицо по-прежнему круглое, подбородок тугой, а на лебединую шею нет и намека. Этак недолго и веру в Бога потерять.

— Кто-нибудь в университете по тебе сохнет? — спросил Ангус у Джека Фоли.

— Не замечал, — рассеянно ответил Джек.

— Если бы сохли, ты бы это заметил. Тогда они начинают тяжело дышать, — объяснил Ангус.

Джек оторвался от конспекта.

— Серьезно?

— Так я слышал.

— И от кого ты это слышал?

— Ну, главным образом, от Ронана. Он очень смешно передразнивает людей в машинах. Показывает, как они сопят и пыхтят. Говорит, что так делают страстные девушки.

— И где он это видел? — тревожно спросил Джек.

Ангус невинно пожал плечами.

— Не знаю. Ты же знаешь Ронана.

Джек действительно хорошо знал своего брата Ронана и подозревал, что кто-то был поблизости, когда вчера вечером он прощался с Ширли. Ширли сильно отличалась от большинства студенток университета. Она год прожила в Америке и накопила большой опыт. В субботу вечером они были в кафе «Помощник поверенного» у Дворца правосудия, и она предложила Джеку подбросить его до дома. У Ширли была собственная машина и собственные представления о том, что можно, а чего нельзя. Она припарковалась рядом с его домом, у уличного фонаря.

Когда Джек пробормотал, что можно было бы найти место потемнее, Ширли сказала:

— Мне нравится видеть парня, которого я целую.

Получалось, что брат тоже видел его и знал, к чему приводят поцелуи.

Джек Фоли решил, что с Ширли он больше связываться не станет. В следующий раз это будет Розмари или даже холодная как лед Нэн Махон. Все, спасибо, эксцентричными дамами он сыт по горло.

Во время прогулки в парке Святого Стивена Бенни съела яблоко, и ей слегка полегчало. Ева не сказала о диете ни слова. Бенни понимала, что можно не просить ее ничего не рассказывать Нэн. Нет, Нэн не стала бы ей мешать. Наоборот, помогла бы. Просто Нэн не требовалось садиться на диету. Она была совершенством и обитала в другом мире.

Вместо этого они говорили об Эйдане Линче, который хотел вечером приехать в Дунлаогхейр и повести Еву в кино. Он понял, что Еве придется принять душ после ужина, и сказал, что приедет на поезде.

— Ева, я по тебе очень скучала, — внезапно сказала Бенни.

— Я тоже. Может быть, как-нибудь переночуешь у меня?

— Не могу.

Ева ее понимала. Вечера длинные, ночи темные... Поэтому они решили дождаться момента, когда у Бенни будет настоящее свидание. Было бы расточительством использовать ночевку в городе только для того, чтобы остаться вдвоем, как в прежние дни.

— Мне бы хотелось, чтобы ты приехала в Ноклен, — сказала Бенни. — Нет, я не заставляю. Просто думаю, что мать Фрэнсис тоже хотела бы этого.

— Как-нибудь выберусь, — пообещала Ева. — Просто у меня есть обязанности. По уик-эндам у Кит больше всего работы. В субботу я выпиваю чай так быстро, что у тебя бы голова закружилась. Твержу ребятам, что они должны успеть на поезд шесть тридцать, иначе пропустят самое интересное. Они понятия не имеют, что я имею в виду, но это заставляет их пошевеливаться. Иначе они копались бы весь вечер.

Бенни хихикнула.

— Ты у нас тиран.

— Ерунда. Просто в монастыре Святой Марии меня воспитывал настоящий армейский генерал, вот и все. Мать Фрэнсис всегда настоит на своем. А по воскресеньям я завела одно правило. Они съедают обильный ленч, а на вечер им оставляют под полотенцем по тарелке салата, так что накрывать на стол не надо.

— Я уверена, что Кит довольна тобой, — сказала Бенни.

— Да, мы с ней заодно.

— Она когда-нибудь говорит о сыне?

— Редко. Но по ночам плачет о нем. Я знаю.

— По-моему, в этом нет ничего необычного. Некоторые родители так любят своих детей, что живут только для них.

— Например, твои собственные. В этом есть свои минусы. И все же приятно знать, что о тебе заботятся.

— Твои родители тоже заботились бы о тебе, если бы были живы.

— И если бы были в своем уме, — саркастически добавила Ева.

* * *

Перед лекцией по истории Бенни села рядом с Розмари. Раньше она этого не делала. Ей хотелось рассмотреть косметику Розмари и научиться ее накладывать.

Они ждали лектора и болтали от нечего делать.

— Ноклен? — сказала Розмари. — Я слышу о нем уже второй раз за день. Где это?

Бенни объяснила и мрачно добавила, что этот городок расположен слишком далеко и одновременно слишком близко от Дублина, чтобы человек мог позволить себе жить в столице.

— А кто тебе говорил о нем?

Розмари поджала губы, пытаясь вспомнить. Она часто мазала ресницы вазелином, якобы способствовавшим их росту, и не стеснялась делать это при Бенни, которую не считала соперницей, а потому не боялась делиться с ней секретами красоты.

Бенни следила за ней с любопытством. И тут Розмари осенило.

— Вспомнила! Это был Джек Фоли. Он говорил, что его приятель влюбился в какую-то девушку из Ноклена. Случайно не в тебя?

— Не думаю. — У Бенни сжалось сердце. Значит, у Розмари такие близкие отношения с Джеком, что он рассказывает ей о Ноклене?

— Его приятеля зовут Эйдан Линч. Ты его знаешь. Парень глуповатый, но веселый. Для других сойдет.

У Бенни вспыхнули щеки. Так вот о чем говорят такие люди, как Джек, Розмари и Нэн? Выходит, у красивых свои правила игры?

— И что, Джек одобряет чувство Эйдана? — Бенни хотелось говорить о Джеке, хотя это причиняло ей боль.

— О да. Джек говорил, что это замечательное место. Он там был.

— Верно. — Бенни помнила все подробности дня, который провел с ней Джек. Могла бы под присягой пересказать их разговоры слово в слово.

— Он не похож на остальных, — призналась Розмари. — Знаешь, Джек не только звезда регби. Он еще красивый и очень умный. Был в школе лучшим учеником по шести предметам.

Значит, Розмари сумела выпытать у Джека, как он учился в школе. Бенни думала, что это знала только она одна.

— Ты куда-нибудь ходишь с ним? — спросила Бенни.

— Еще нет, но такие планы у меня есть, — ответила Розмари.

Во время лекции об Ирландии времен Тюдоров^[10] Бенни то и дело косилась на свою соседку. Чудовищная несправедливость. Розмари таскает в сумочке плитку «Кит-Кэта», а у нее нет ни прыщей, ни двойного подбородка.

Интересно, когда она успевает говорить с Джеком? Наверное, по вечерам. Точнее, в начале вечера, когда бедная Бенни Хоган трясется, как колода, в ноклгенском автобусе.

Бенни жалела, что съела яблоко. Может быть, ее организму требуется сильный удар. Полное голодание после восемнадцати лет слишком обильной еды. А вдруг яблоко этому помешает?

Она смотрела на соседку и от души надеялась, что планы Розмари не сбудутся.

— Нэн, как идет учеба? — Билл Данн очень гордился своим умением находить общий язык с женщинами. Он считал, что Эйдан Линч получил свою репутацию сердцееда незаслуженно. В школе — дело другое, там все шутили. Но в университет поступали только умные девушки. Или те, кто считал себя умными. Студенткам университета не заморочишь голову школьными шуточками. Нужно притворяться, что ты принимаешь их занятия всерьез.

Нэн Махон ослепительно улыбнулась ему.

— Думаю, как у всех, — сказала она. — Если тебе нравится предмет или тема лекции, это интересно. Если нет, тогда учеба превращается в ад и остается им до конца.

Сами слова значения не имели, но Биллу Данну нравился тон. Он был теплым, если не сказать больше.

— Может быть, как-нибудь пообедаем вместе? — спросил он.

Билл долго думал об этом. Такую девушку, как Нэн, можно было пригласить на танцы, в пивную, на вечеринку или в кино. Он решил перепрыгнуть сразу несколько ступенек.

— Спасибо, Билл. — Улыбка Нэн продолжала оставаться теплой. — Я редко куда-то выхожу. К сожалению, я непроходимая тупица и вынуждена всю неделю заниматься. Чтобы не ударить лицом в грязь.

Билл был удивлен и разочарован. Он думал, что от обеда Нэн не откажется.

— Раз так, давай пообедаем в уик-энд. Когда ты не будешь так занята.

— По субботам я обычно хожу на диспут, а потом в одно из кафе у Дворца правосудия. Это вошло у нас в привычку. — Она огорченно улыбнулась.

Билл Данн упрасивать не собирался. Он знал, что это бесполезно.

— Раз так, встретимся в одном из этих мест, — надменно сказал он, не желая выдавать свою досаду.

Спальня Нэн стала ее крепостью. Там стояли электрический чайник и две кружки. Она пила чай с лимоном, так что молока и сахара не требовалось.

Иногда к Нэн приходила мать и сидела вместе с ней.

— Тут так спокойно, — говорила Эмили.

— Именно этого я и хотела.

— Он все еще обижается, — умоляющим тоном говорила мать.

— Эм, ему не на что обижаться. Я всегда безукоризненно вежлива. Это он использует непечатные выражения и теряет контроль над собой.

— Ах, если бы ты могла его понять...

— Я его понимаю. Понимаю, что в нем два разных человека. Но я не хочу зависеть от его настроения. Не хочу сидеть там и гадать, в каком состоянии он придет домой.

Наступала пауза.

— И тебе не советую, — в конце концов говорила Нэн.

— Тебе легко говорить. Ты молодая и красивая. У тебя вся жизнь впереди.

— Эм, тебе всего сорок два. У тебя тоже вся жизнь впереди.

— Только не в качестве беглой жены.

— Ты все равно никуда не убежишь, — говорила Нэн.

— Я хочу, чтобы это сделала ты.

— Сделаю, Эм.

— Но ты ни с кем не встречаешься. Не ходишь на свидания.

— Я жду.

— Чего?

— Принца. Рыцаря на белом коне. Ангела. В общем, того, кто должен прийти.

Эмили с тревогой смотрела на дочь.

— Ты знаешь, о чем я говорю. О том, что намного выше Мейпл-Гарденс. Среди твоих друзей, всех этих мальчиков с юридического и инженерного, наверняка есть такие, отцы которых занимают высокое положение.

— Пока что мне встречаются только мальчики с Мейпл-Гарденс. Разве что сады у них побольше и гардеробные попросторнее.

— Что ты имеешь в виду?

— Эм, я не для того цеплялась за свою мечту, чтобы в конце концов очутиться на Мейпл-Гарденс с симпатичным мальчиком, который позже станет таким же пьяницей, как мой отец.

— Тише. Не говори так.

— Ты спросила, я ответила.

— Да, знаю. Но на что ты надеешься?

— На то, о чем ты говорила. На то, чего хочу я сама.

Нэн, сидевшая за письменным столом с кружкой в руке, выглядела гордой и уверенной в себе. Светлые волосы дочери были зачесаны назад, лицо оставалось безмятежным, как будто тема беседы ничуть ее не волновала.

— Да, ты на это способна. — Вера, которую Эмили хранила в своей душе, воскресла вновь.

— Поэтому нет смысла встречаться с людьми, с которыми мне не хотелось бы жить. Это только пустая трата времени.

Эмили вздрогнула.

— Среди них есть очень много хороших людей.

— Да, возможно, но это не то, чего мы хотели.

Взгляд Эмили упал на письменный стол. Среди учебников и конспектов Нэн лежали светские журналы «Общественное и личное», «Сплетник», «Арфисты и королева». И даже книги по этикету, взятые в библиотеке. Похоже, Нэн Махон изучала далеко не только изящные искусства.

Миссис Хили смотрела сквозь толстые тюлевые шторы и видела, как из машины вышел Саймон Уэстуорд. С ним была упитанная младшая сестра. Наверное, он привез ее в гостиницу, чтобы угостить лимонадом. Миссис Хили давно восхищалась этим молодым человеком, которого про себя называла Эсквайром. И даже имела на него кое-какие виды.

Саймону было около тридцати — немногим меньше, чем ей самой.

Она занимала видное положение в городе. Была обеспеченной вдовой с безукоризненной репутацией. Конечно, они принадлежали к разным классам и разным конфессиям. Но миссис Хили была женщиной практичной. Она знала, что когда старые дворянские роды приходят в упадок (как, по слухам, произошло с Уэстуордами), то перестают быть снобами.

На прошлое Рождество Саймон Уэстуорд снял пивную Ши для банкета в честь начала охотничьего сезона и того, что в Англии называют «Днем подарков» [11]. Многие приехавшие издалека остановились в гостинице Хили, выпивали и говорили без стеснения, так как считали, что надменной и высокомерной хозяйке нет дела до их болтовни.

В принципе они были правы, но миссис Хили всегда интересовало то, что имело отношение к Уэстуордам. Она выросла в Англии, где Большой Дом всегда был не просто частью города, и не переставала удивляться тому, что в Ноклене, в отличие от ее родных мест, до Уэстлендса никому не было дела.

К ее глубокому разочарованию, Уэстуорды пошли в магазин мужской верхней одежды Хогана, находившийся напротив.

Что им там понадобилось? Конечно, Уэстуордам следовало покупать одежду в дублинских «Каллагане» или «Элвери». Но, возможно, там их кредит исчерпан. Возможно, им пришлось опуститься до местного магазина, где такой славный человек, как Эдди Хоган, никогда не потребует у человека показать наличные перед тем, как снять с полки рулон ткани и записать в книгу мерки покупателя.

Выглянув в маленькое окошко, наполовину прикрытое ставнями, Эдди Хоган увидел, что к магазину идут Саймон Уэстуорд с сестрой, и очень обрадовался. Жаль, что у него не было времени прибрать помещение.

— Догадайся, кто к нам идет... — прошептал он Шону.

— Сам вижу, — прошипел в ответ Шон Уолш.

— Очень темно, — пожаловалась Хитер, щуря глаза после яркого зимнего солнца.

— Тс-с... — Ее старший брат не хотел показаться невежливым.

— Это для нас большая честь, — сказал Эдди Хоган.

— Доброе утро, мистер... Хоган, если не ошибаюсь?

— Конечно, не ошибаешься, — сказала Хитер. — Так написано на вывеске.

Лицо Саймона выразило досаду, и Хитер тут же раскаялась.

— Извините, — пробормотала она, глядя в пол.

— Да, я, Эдуард Хоган, к вашим услугам. А это мой помощник, Шон Уолш.

— Как поживаете, мистер Уолш?

— Мистер Уэстуорд... — Шон слегка поклонился.

— Боюсь, прибыли я вам принесу немного. Хитер хочет купить подарок бабушке на день рождения. Чисто символический.

— О да. Могу я предложить вам льняные носовые платки? — Эдди Хоган начал доставать коробки с наборами и выдвинул ящик, в котором лежали отдельные платки.

— У него их столько, что девать некуда, — объяснила Хитер. — Да и сморкаться он не мастер.

— Тогда, может быть, шарф? — Эдди Хоган не знал, как им угодить.

— Понимаете, он не выходит на улицу. Он очень-очень старый.

— Да, это тяжелый случай. — Эдди почесал в затылке.

— Я подумал, что у вас можно будет найти какие-нибудь безделушки, — сказал Саймон, улыбаясь каждому по очереди. — На самом деле это неважно. Дедушка не в том состоянии, чтобы оценить что-нибудь по достоинству... но... вы меня понимаете. — Он кивком головы указал на Хитер, которая серьезно обходила магазин.

Теперь Эдди Хоган понял, в чем состоит проблема.

— Мисс Уэстуорд, рискну предположить, что если вы хотите доставить дедушке удовольствие и отметить день его рождения, то вам следует подумать не об одежде, а о сладостях.

— Да, — неуверенно ответила Хитер.

— Может быть, это не совсем по нашей части, но мы стараемся думать о благе для всех. На вашем месте я подарил бы ему коробочку мармелада. Берди Мак завернет ее в красивую бумагу, а вы сможете вложить туда поздравительную открытку.

Саймон посмотрел на него с любопытством.

— Да, пожалуй, это самое разумное. Как же мы сами не догадались? Спасибо. — Должно быть, он увидел на лице Эдди Хогана жестокое разочарование. — Прошу прощения за беспокойство, мистер Хоган, и за даром потраченное на нас время.

Эдди с тоской посмотрел на очень уверенного в себе смуглого молодого человека.

— Мистер Уэстуорд, я уже сказал, что это для нас большая честь, — неуклюже повторил он. — Может быть, теперь, после этого визита, вы придете к нам еще раз.

— О, несомненно. — Саймон открыл дверь, пропустил сестру и был таков.

— Это было очень умно с вашей стороны, мистер Хоган, — одобрительно сказал Шон Уолш. — Теперь он будет перед нами в долгу.

— Я всего лишь пытался придумать подарок, который маленькая девочка могла бы сделать своему дедушке, — ответил Эдди Хоган.

Наступил четверг. Бенни смотрела на себя в зеркало ванной. Смотрела долго и упорно. Возможно, у нее слегка похудели плечи. Только возможно, но даже если это и правда, то она похудела в совершенно бесполезном месте.

Накануне вечером она вымыла голову, и ее волосы были красивыми и блестящими. Юбка, про которую Пегги Пайн сказала, что она может мяться, действительно помялась и выглядела ужасно. Но она была красивого голубого цвета, в отличие от практичных темно-синих и коричневых, которые Бенни носила в школе. Тех самых цветов, которые не привлекают внимания. Блузка тоже выглядела мятой, не в пример блузкам из плотных тканей, которые она обычно надевала. Но она была намного более женственной. Если она будет сидеть за столом напротив такого роскошного молодого человека, как Джек Фоли, то он сможет смотреть только на ее блузку. Она просто обязана надеть что-то красивое, иначе будет выглядеть как гувернантка или старшекласница, поставленная следить за порядком в школе.

Пока Бенни одевалась, ее душа то воспаряла к небесам, то уходила в пятки. Когда Джек приезжал сюда, в Ноклен, он был непринужденным и естественным. Но университет — дело другое. Там о нем всегда говорили как о греческом боге. О нем знали даже бесполье девы Марии с ее курса, очкастые девицы с прямыми волосами, в потертых кардиганах, которые занимались истовее, чем монахини, и, казалось, не имели времени ни на парней, ни на светскую жизнь.

А она должна была сегодня пойти с ним в кафе. Ах, с каким наслаждением Бенни сказала бы об этом Розмари и посмотрела на ее лицо! И на лица всех остальных тоже. Пошла бы в магазин Кэрроллов, открыла дверь пинком и сказала этой отвратительной Майре Кэрролл, которая обзывала ее в школе, как обернулось дело. Майре, которую не приняли в педагогический, как она надеялась, и теперь она сидит как сыч в бакалее своих родителей, в то время как Бенни идет на ленч в «Дельфин» с Джеком Фоли.

Бенни тщательно сложила блузку и положила ее в большую наплечную сумку. Там же очутились маленький тюбик зубной пасты, зубная щетка и принадлежавшая матери пудра «Блю Грасс»; если пропажу заметят, можно будет сказать, что она взяла ее по ошибке. Часы показывали семь тридцать пять. Через шесть часов она будет сидеть напротив Джека. Господи, пожалуйста, не дай ей сказать какую-нибудь глупость или то, о чем она позже будет жалеть. А если она все же скажет глупость, не дай ей громко расхохотаться после этого.

Бенни ощутила укол вины за то, что не рассказала о предстоящем выходе в свет Еве. Она впервые что-то скрывала от подруги. Но, во-первых, у нее не было на это времени; во-вторых, она боялась, что Ева все расскажет Нэн; в конце концов, почему подруга должна об этом молчать? Тем более что Нэн могла дать Бенни займы красивую сумочку или пару сережек в тон юбке. Но Бенни не хотела что-то планировать и организовывать заранее. Она хотела быть самой по себе и самой собой. Хотя бы частично. Бенни криво улыбнулась своему отражению. Через шесть часов в «Дельфин» войдет не она, а худая красивая девушка, которая за последние десять дней не уделила учебникам ни одной минуты.

— Скажи, чем плоха моя овсянка? — спросила Патси, когда Бенни спустилась на кухню.

— Ничем. Честное слово.

— Просто если я когда-нибудь выйду замуж, то должна знать, что могу поставить на стол мужу и свекрови вполне съедобное блюдо.

— Свекрови?

— Ну, если бы я вышла за кого-то замуж, то у него была бы мать, верно? Вот только выходить мне не за кого.

— Патси, ты кого-то любишь?

— Еще чего? Нам с тобой это не светит. У меня нет за душой ни пенни, а ты вряд ли найдешь здорового бугая, который будет тебе под пару, — весело ответила Патси.

Утро кое-как удалось одолеть. Двенадцатичасовую лекцию Бенни пропустила. Ей не улыбалось сломя голову бежать через парк Святого Стивена, спускаться по Графтон-стрит и огибать здание Ирландского банка, чтобы успеть в «Дельфин» к часу пятнадцати. Нет, конечно, она могла бы успеть, но не хочет прибыть туда потной и запыхавшейся. Она пойдет туда небрежно и не торопясь. В последний момент переоденется в дамской комнате пивной или кафе, попудрит носик и почистит зубы. Будет выглядеть спокойной и невозмутимой.

Бенни шла по дублинским улицам и жалела людей, шедших навстречу. Они выглядели бледными и замотанными. Пригибали головы от ветра, вместо того чтобы идти ему навстречу с широко расправленными плечами. Им предстоял самый обычный скучный ленч. Либо они поедут на автобусе домой, где будут вопить дети и кричать радио, либо займут очередь в какую-нибудь городскую харчевню, вонючую и переполненную.

Бенни еще раз посмотрела в зеркало и осталась довольна собой. Конечно, на диету ей

следовало сесть намного раньше. Года три назад. Но расстраиваться из-за этого не имело смысла.

Когда Джек приезжал в Нокглен две недели назад, она была такой же большой и толстой. Но это не помешало Джеку пригласить ее в такое шикарное место. Она подняла глаза и недоверчиво посмотрела на вывеску «Дельфина». Джек не сказал, где именно будет ее ждать; она помнила его письмо наизусть. Наверное, он имел в виду холл.

В холле стояли трое мужчин, но ни один из них не напоминал Джека. Они выглядели намного старше. Это были богатые люди. Возможно, любители скачек.

И тут Бенни с ужасом поняла, что один из них — Саймон Уэстуорд.

— Ох, здравствуйте, — пробормотала она, забыв, что знает этого человека только по рассказам Евы.

— Здравствуйте, — вежливо ответил удивленный Саймон.

— Я — Бенни Хоган из Нокглена. — Она говорила непринужденно, ничуть не обиженная тем, что ее не узнали. Саймон тепло улыбнулся ей.

— Вчера я был в магазине вашего отца.

— Да, он мне рассказывал. Вы были с младшей сестрой.

— Да. Ваш отец — очень любезный человек. А его помощник?..

— О да, — без особого энтузиазма ответила Бенни.

— Он человек не того типа?

— Абсолютно не того. Только не говорите об этом моему отцу. Он считает его совершенством.

— В вашей семье нет мальчиков, которые могли бы помочь ему вести бизнес?

— Нет, только я.

— А вы живете в Дублине?

— Очень хотела бы. Но мне приходится каждый день ездить туда и обратно.

— Да, это утомительно. Вы водите машину?

Бенни решила, что Саймон живет в другом мире.

— Нет, я езжу на автобусе.

— Возможно, оно и к лучшему, если вы можете ходить на ленч в такое место. — Он обвел холл одобрительным взглядом.

— Я здесь впервые. Я уже сказала, что должна кое с кем встретиться. Как по-вашему, мне следует ждать в холле?

— Я думаю, в баре. — Саймон показал ей на дверь.

Бенни поблагодарила его и вошла. Бар был переполнен, но она сразу увидела Джека. Он сидел в углу и махал ей рукой.

— Вот она! — воскликнул он. — Теперь все в сборе!

Джек встал и улыбнулся ей. За столом сидели семеро. Это было не свиданием, а ленчем на восемь персон. Одной из которых была Розмари Райан.

Бенни плохо запомнила, что было, пока они не перешли в столовую. У нее кружилась голова — частью от шока, а частью от недоедания. Она лихорадочно осматривалась по сторонам, пытаясь увидеть, что пьют остальные. Перед некоторыми стояли стаканы с апельсиновым соком, но туда могли добавить джин. Молодые люди пили пиво.

— Я бы выпила этого, — слабо показала она на бокал с пивом.

— Старушка Бенни у нас свой парень, — сказал Билл Данн, который раньше ей всегда

нравился. Теперь она была готова взять тяжелую стеклянную пепельницу и бить Билла по голове, пока он не протянет ноги.

Все весело и оживленно болтали. Бенни изучала других девушек. Как обычно, Розмари выглядела так, словно только что вышла из самой шикарной парикмахерской в Дублине. Ее косметика была безукоризненной. Она широко улыбалась всем и каждому. Кармел была маленькой и хорошенькой. Она всюду ходила со своим бойфрендом Шоном, с которым встречалась лет с шестнадцати, если не с пятнадцати. В университете их называли Образцовыми Влюбленными. Шон смотрел на Кармел с обожанием и прислушивался к каждому ее слову так, словно это было небесное откровение. Кармел угрозы не представляла. Она не смотрела ни на кого, кроме Шона. Даже на Джека Фоли.

Высокий и худой Эйдан Линч, который водил Еву в кино, тоже был здесь. Бенни с облегчением перевела дух и поблагодарила небо за то, что никому не сказала про предстоящее свидание. Если бы эта новость распространилась по всему университету, она провалилась бы сквозь землю. Но, конечно, Эйдан скажет Еве, что Бенни была в «Дельфине», и Ева резонно спросит, почему подруга ей об этом ничего не сказала. Бенни стало очень не по себе.

Третьей девушкой была Шейла с юридического. «Поганка», — злобно подумала Бенни. Она была бледная, довольно блеклая, но маленькая. О боже, маленькая! И смотрела на Джека Фоли снизу вверх, а не глаза в глаза, как сама Бенни. Тут Бенни вспомнила слова Патси о том, что ей под пару только здоровенный бугай, и чуть не заплакала.

Никто из них раньше в «Дельфине» не был. Они сказали, что это придумал Джек... Согласно плану Фоли, к моменту получения дипломов они должны стать здесь известными и уважаемыми людьми. В «Дельфине» встречаются адвокаты и любители скачек. Вот и им тоже нужно превратиться в местных завсегдатаев.

Строчки меню плыли перед глазами Бенни. Ей предстояло съесть что-то настоящее впервые за десять дней. Девушка знала, что еда застрянет у нее в горле.

Когда все наконец расселись, она оказалась между Эйданом Линчем и бессловесным Шоном. Джек Фоли сидел между Розмари и Шейлой напротив. Он очень радовался успеху своей затее: устроить шикарный ленч, за который заплатят четверо молодых людей.

Другие тоже были довольны.

— Старик, надо признать, ты не ударил в грязь лицом. Пригласил самых красивых девушек, с которыми не стыдно показаться на людях, — напыщенно сказал Эйдан.

«Свинья бесстыжая», — подумала про себя Бенни, вспомнив, что всего несколько дней назад он клялся в верности Еве Мэлоун.

— Да, нам подавай только самое лучшее, — кивнул Джек и тепло улыбнулся каждой из присутствовавших.

Рука сама собой потянулась к маслу, но Бенни ее отдернула. К несчастью, ее жест заметил Билл Данн.

— Валяй, Бенни, не стесняйся. Замери червячка, — сказал он и подтолкнул к ней тарелку.

— Знали бы вы, как вкусно кормят в доме Бенни! — сказал Джек, стараясь польстить ей. — Я недавно был там, и у меня глаза разбежались. Ячменные лепешки, пироги, пирожные, и все это в обычный будний день!

— Вот что значит провинция. Там любят угощать. В отличие от столицы, где можно умереть с голоду, — сказал Эйдан.

Бенни посмотрела на них. Тонкая блузка с оборками и голубая юбка ей не помогли. Можно было не пудрить «Блю Грассом» подмышки и грудь. Она не относится к тому типу девушек, которыми восхищаются мужчины. Им нравится выступать в роли защитников таких малышей, как Розмари Райан, хорошенькая Кармел и эта бледная, но интересная Шейла с юридического. Бенни позвали сюда только для смеха. Чтобы говорить о ее больших ногах и хорошем аппетите.

Она храбро улыбнулась.

— Знаешь, Эйдан, приезжай к нам в Нокглен. Ты у нас живо растолстеешь. Как гусь, которого откармливают ради печенки.

— Бенни, пожалуйста! — Розмари взмахнула ресницами и сделала вид, будто вот-вот упадет в обморок.

Но Билл Данн уже подхватил тему:

— Ага! А потом в здешнем меню появится блюдо «Печенка Эйдана»!

Джек тоже поддержал шутку:

— Это специализация Нокглена. Откормочная в пятидесяти милях^[12] от Дублина.

— Тогда мне придется скраться в убежище. Они все хотят моей смерти. О боже, Бенни, на какую судьбу ты меня обрекла?

— Подумай о том, каким ты станешь деликатесом, — ответила Бенни. Ее щеки горели. Откормочная в пятидесяти милях от Дублина! Почему Джек сказал это? Может быть, просто хотел пошутить? Но ничто не ранит так, как неуместная шутка.

— Цена слишком велика, — почесал в затылке Эйдан, словно и впрямь обдумывал такую возможность.

— Как можно смеяться над бедными животными, которых потом съедят? — пропищала Розмари.

Бенни попыталась вспомнить, что заказала Розмари, но этого не потребовалось. Ее опередил Джек.

— Брось лицемерить, — сказал он. — Ты заказала телятину на ребрышках. Вряд ли телятам нравится становиться мясным блюдом, правда?

Он улыбнулся Бенни, сидевшей напротив. Рыцарь пришел на выручку к своей даме.

Розмари хотела надуться, но увидела, что никто не обращает на нее внимания, и тут же передумала.

Весь ленч Розмари и Шейла боролись за внимание Джека. Кармел интересовали лишь мысли ее Шона относительно того или иного блюда меню; они с бойфрендом отведали по кусочку из тарелок друг друга. Бенни развлекала Билла Данна и Эйдана Линча так, словно была нанятым массовиком-затейником. Она старалась до испарины на лбу и была вознаграждена тем, что оба смотрели ей в рот и хохотали без умолку. Джеку хотелось присоединиться к ним, но он был с обеих сторон зажат соперничавшими дамами.

Чем меньше Бенни пыталась завладеть вниманием Джека, тем больше он старался вовлечь ее в беседу. Было ясно, что она ему нравится, но только как душа общества. Бенни улыбалась так, что болело лицо, и думала, что для Джека Фоли главное — это веселая и шумная компания. Ему и за миллион лет не пришло бы в голову куда-то пригласить ее одну.

Мимо их стола прошел Саймон Уэстуорд.

— До встречи в Нокглене, — сказал он Бенни.

— Кто этот роскошный мужчина? — спросила Розмари. Похоже, она уступила инициативу Шейле, обсуждавшей с Джеком преподавателей с юридического, и решила

прибегнуть к способу, старому, как мир: заставить его ревновать.

— Один из тех, кого в Нокглене так и не сумели откормить, — ответила Бенни.

Все остальные засмеялись, но Джек к ним не присоединился.

— Не критикуй Нокглен, — мягко сказал он.

Джек уже говорил это. Правда, на этот раз казалось, что он хочет сказать нечто большее.

Мосси Руни работал на крыше коттеджа, стоявшего над каменоломней. Был сильный ветер, и с крыши сдуло одиннадцать кусков черепицы. Должно быть, сейчас они, вдребезги разбитые, лежали на дне каменоломни.

Мать Фрэнсис настойчиво попросила его прийти и починить крышу.

Сейчас она стояла внизу и с тревогой следила за его работой.

— Мосси, это не будет слишком дорого?

— Для вас нет, мать Фрэнсис, — как всегда, без всякого выражения ответил он.

— Но вы должны получить свою плату. — Мать Фрэнсис волновалась.

— Я не разорю ни вас, ни орден, — сказал Мосси.

Он ни разу не спросил, почему монастырь должен заботиться о домике, в котором никто не живет. Ничем не выдал своего удивления, что коттедж, который был свидетелем двух смертей, случившихся почти двадцать лет назад, хранят как гробницу для молоденькой девушки, которая учится в Дублинском университете и здесь даже не появляется.

Даже если бы Мосси был большим мыслителем (которым он не был), он не стал бы думать о таких вещах. Его голова была занята другим.

Он мог бы познакомить Патси со своей матерью. Но сначала нужно собрать всю информацию об этой девушке. Семь раз отмерь, один отрежь, иначе потом хлопот не оберешься...

— Саймон, ты приедешь ко мне в школу?

— Что? — Он изучал счета.

— Ты меня слышал. И спросил «что» только для того, чтобы выиграть время, — сказала Хитер.

— Не могу, Хитер. У меня здесь слишком много дел.

— Нет у тебя никаких дел, — проворчала она. — Ты всегда едешь в Дублин. И даже в Англию. Почему ты не можешь потратить день на меня? В школе ужасно. Ты и представления не имеешь, как ужасно. Это тюрьма.

— Ничего подобного. Школа как школа. Все школы скучны. Но улучшаются, когда ты становишься старше.

— В твоей школе тоже так было?

— Что? — Он засмеялся. — Да, было. Послушай, скоро начнутся каникулы. Полсеместра уже прошло, а Рождество настанет так быстро, что ты и глазом моргнуть не успеешь. — Саймон широко улыбнулся.

— Неужели у нас нет других родственников? Они разрешают приезжать только родственникам.

— Здесь нет. Сама знаешь.

У них имелись двоюродные братья и сестры в Англии и Северной Ирландии. Но Саймон, Хитер и их старый дедушка были последними из Уэстуордов, живших в большом

поместье Уэстлендс.

Об этом не говорили, но, похоже, Небеса услышали отчаянный крик безумного Джека Мэлоуна, просившего, чтобы кое-кто из членов этой семьи не дожил до старости. Уэстуордов осталось на свете совсем мало.

— Вчера я видел твою подругу Бенни. Наверное, она уже сказала тебе об этом? — спросил Эйдан Линч, сидя на кухне Кит Хегарти и терпеливо дожидаясь, когда Ева закончит мыть посуду.

— Если ты, Эйнштейн, возьмешь кухонное полотенце, мы освободимся быстрее, — ответила Ева.

— Так что, не сказала?

— Как ни странно, нет. Хочешь верь, хочешь не верь, но день прошел, а лесные тамтамы о твоих передвижениях не сообщали.

— Я был уверен, что скажет. В конце концов, она не каждый день бывает в «Дельфине».

— Бенни была в «Дельфине»?

— И я. Я тоже. Не забудь обо мне.

— Это нелегко, — признала Ева.

— Наверное, она не хотела меня выдавать.

Но Еву интересовали не столько похождения Эйдана, сколько то, что Бенни делала в «Дельфине».

— Она что-нибудь ела?

— Как лошадь. Мела все подряд, — ответил Эйдан.

* * *

— Я не знала, что ты знакома с Джеком Фоли, — на следующий день сказала Розмари Бенни.

— Не очень близко.

— Но достаточно, чтобы он приехал к вам в Нокглен пить чай.

— Он был в Нокглене проездом. Его отцу нужно было с кем-то увидеться.

Но Розмари это не удовлетворило.

— Значит, в вашем городе живут их старые друзья?

— Нет. Отличный был ленч, правда?

— Да. Правда, Эйдан Линч — настоящий балбес.

— Да нет, он ничего. Время от времени Эйдан водит в кино мою подругу, и она говорит, что с ним весело.

Розмари Райан это не убедило.

— От Шона и Кармел меня тошнит. Вечно они сюсюкают друг с другом.

— По-моему, они очень хорошо ладят. — Глаза Бенни смеялись. Она знала, что следующим объектом критики станет Шейла.

— Ты раньше знала эту Шейлу с юридического?

— Нет. — Лицо Бенни было невинным. — Кажется, она хорошо учится. Думаю, ее все любят.

Недовольная Розмари вернулась к своим конспектам. Бенни заметила, что она время от

времени грызет плитку «Фрут-энд-Нут». Сладкое позволяет успокоиться. Бенни это было слишком хорошо известно.

В пятницу вечером Брайан Махон пришел домой пьяный вдребезги. До Нэн доносились только отголоски. Она заперла дверь и включила радио, чтобы не слышать слов. Она знала, что ее мать не шлюха. Это знали Пол и Нейси. И сам отец, когда был трезв. Но когда он напивался, то орал во все горло, что она не просто шлюха, но фригидная шлюха; чем скорее люди это поймут, тем лучше. Кроме того, Нэн знала, что мать никогда не уйдет из дома и предпочтет выслушивать оскорбления, хотя они сыплются на нее все чаще.

— Это тебя, Ева, — сказал один из квартирантов Кит, сняв трубку в субботу утром.

— Отлично. — Ева надеялась, что это Бенни. Может быть, ей удастся приехать в Ноклен на автобусе, который отправляется во время ленча. Кит сказала, что в этот уик-энд помощь Евы ей не понадобится.

Но это была не Бенни, а Нэн.

— Можно пригласить тебя на прогулку?

— Да, это было бы неплохо. Мы можем встретиться у тебя и погулять в твоём районе. Я его плохо знаю.

— Нет! — резко ответила Нэн, но затем ее голос смягчился. — Твой район намного лучше. Можно сходить на мол. Я сама за тобой зайду.

— Ладно.

Ева почувствовала приступ досады. Она предпочла бы, чтобы Бенни встретила ее у автобуса.

Через пять минут позвонила Бенни. Но было уже слишком поздно.

— Ты не можешь позвонить Нэн и сказать ей, что едешь домой?

— Не могу. У меня нет номера ее телефона. А у тебя?

— Нет. — Бенни слишком надеялась на приезд Евы.

— Ты не сказала мне, что была в «Дельфине», — с вызовом произнесла Ева.

— Именно об этом я и собиралась тебе рассказать.

— Ты действительно хотела вырезать у Эйдана печенку?

— Ну, должна же я была что-то говорить.

— Почему?

— От меня этого ждали.

— Конечно, такого они не ждали, — сказала Ева. — Но, похоже, им понравилось. Говорят, ты снова стала есть?

— О да. Патси печет хлеб с черной смородиной. Не чувствуешь запах?

* * *

На Нэн были белая вязаная юбка и темно-зеленый жакет. Когда она вошла, мальчишки-квартиранты уставились на нее во все глаза.

Кит Хегарти тоже смотрела на нее с интересом. Потому что девушка действительно была ослепительно красива. Но главным образом потому что она прекрасно владела собой. Она говорила не повышая голоса, словно знала, что ее будут слушать в любом случае.

Нэн прошла в спальню Евы, и Кит услышала, как она ахнула от восхищения.

— С видом на море! О боже, Ева, какая ты счастливая!

Кит с привычной болью от потери услышала, как Ева объяснила:

— Эта комната принадлежала Фрэнку Хегарти. Я хотела оставить здесь какие-нибудь его вещи, но Кит не позволила.

— Что ты наденешь? — спросила Нэн.

— Зачем? Это же всего-навсего прогулка по молу, — возразила Ева.

— Какая разница, где гулять? Нужно всегда выглядеть нарядно.

Кит Хегарти услышала, как Ева тяжело вздохнула, закрыла дверь и стала надевать красный блейзер и красную клетчатую юбку, которые действительно шли ей и хорошо сочетались с ее темными глазами и волосами.

В глубине души Кит была согласна с Евой. Это действительно всего-навсего прогулка по молу. Но Нэн считала ее появлением на людях. Наверное, так она вела себя всегда.

Они неторопливо гуляли, окруженные толпой дублинцев, совершавших моцион после обильного ленча или решивших немного развлечь детей, тещ и свекровей.

— Посмотри-ка на этих девчушек, — внезапно сказала Нэн, показав на школьниц, гулявших под присмотром двух хорошо одетых учительниц.

— А что в них особенного? — спросила Ева.

— Одна из них машет тебе рукой.

Ева подняла взгляд. Действительно, какая-то малышка в синей форме подавала ей знаки.

— Ева, привет, Ева! — Она прикрывала рот рукой, чтобы не услышали учительницы.

— Кто это? — спросила Нэн.

— Понятия не имею, — с недоумением ответила Ева. У девочки в школьном берете были круглое лицо, нос картошкой и веснушки. Затем Ева увидела две косички в форме ручек кувшина, и тут ее осенило.

Это была Хитер Уэстуорд, младшая сестра Саймона.

— Ох, привет... — неловко сказала Ева, не испытывавшая никакой радости от этой встречи.

— Ты живешь здесь неподалеку? — прошептала девочка.

— А что? — осторожно спросила Ева.

— Может быть, ты как-нибудь придешь и забереешь меня из школы? Хотя бы ненадолго?

Ева захлопала глазами.

— Забрать? Куда? Зачем?

— Куда-нибудь. Я не буду причинять хлопот.

— А почему я?

— Нас отпускают из школы только с родственниками. Ты же моя кузина. Пожалуйста.

— Не могу. Это невозможно.

— Возможно. Если ты позвонишь в школу и скажешь, что ты моя кузина.

— А как же твой брат?

— Он никогда не приезжает. Слишком занят дома. Пытается свести концы с концами.

— А другие родственники?

— У меня их нет.

Группа, которая задержалась, чтобы посмотреть на почтовый пароход,

пришвартованный у пристани, пришла в движение. Учительницы погнали детей дальше.

— Пожалуйста! — взмолилась Хитер Уэстуорд.

Ева молча стояла и смотрела им вслед.

— Ну? — спросила ее Нэн.

— Думаю, придется, — ответила Ева.

— Не сомневаюсь.

— Она всего-навсего ребенок. Нельзя разочаровывать ребенка, — ошетибилась Ева.

— Тем более что это было бы глупо. Ты должна быть практичной.

— Практичной?

— Ну, если ты станешь подружкой Хитер, они будут просто обязаны пригласить тебя в Большой Дом. Не забывай, они окажутся у тебя в долгу. Тебе больше не придется ходить туда с протянутой рукой.

— Я вообще туда больше не пойду. Тем более с протянутой рукой.

— Еще как пойдешь, — решительно ответила Нэн Махон. — Мало того, возьмешь меня с собой.

Глава девятая

Приезд племянницы Клодах вызывал у Пегги Пайн смешанные чувства. Эта девушка носила очень короткие юбки, была слишком громогласной и уверенной в себе. Она два года проработала в дублинских магазинах верхней одежды, одно лето провела в Лондоне и считала себя высшим авторитетом в области моды и вкусов женской половины человечества.

По ее мнению, порядки в теткинском магазине следовало решительно изменить.

— Она могла бы стать тебе хорошей подругой, — как следует подумав, сказала Бенни Аннабел Хоган. — Но нужно подождать и присмотреться. Пегги говорит, что для Нокглена она может оказаться слишком легкомысленной. Судя по первому впечатлению, так оно и есть.

— Во всяком случае, Шон ее очень не одобряет, — заметил Эдди Хоган.

— Если так, то я уже на ее стороне, — весело ответила Бенни.

— Теперь, когда вы с Евой больше не видите, тебе нужна новая подруга, — сказала Аннабел.

У Бенни вспыхнули глаза.

— Мама, о чем ты говоришь? Разве я не вижу Еву три-четыре раза в неделю на лекциях?

— Это не то же самое, — ответила мать. — Ева больше не приезжает домой. В Дунлаогхейре, где она работает, у нее есть друзья. Не считая этой Нэн. Ты больше не говоришь «Ева». Всегда только «Ева и Нэн».

Бенни молчала.

— Но этого и следовало ожидать, — утешила ее мать. — При необходимости ты тоже сможешь обзавестись новыми знакомыми. Прямо здесь.

* * *

— Кого ты пригласил на танцы? — спросил Билл Данн Джека, когда они вышли в коридор после лекции. Через несколько недель должен был состояться университетский бал.

— Я знал, что ты думаешь не о конституционном праве, — ответил Джек.

— Конституция Ирландии уже написана. Зачем нам о ней думать?

— В том-то и беда, что уже написана. Сдавать придется... Насчет танцев я еще палец о палец не ударил. А ты?

— Я ждал, пока ты сделаешь выбор, чтобы подобрать крохи с барского стола.

— Брось. Ты говоришь так же, как Эйдан.

— За него я не волнуюсь. Он собирается пригласить Еву Мэлоун. Конечно, если наберется смелости. Эта девица способна откусить ему голову. Нет, меня интересуют твои намерения.

— Если бы я сам их знал...

— Тогда пригласи кого угодно, — взмолился Билл, — и развяжи нам руки!

Это и в самом деле была проблема. Кого пригласить? На частые телефонные звонки Ширли он отвечал туманно. На лекциях Шейла садилась рядом с ним и делала прозрачные намеки. На прошлой неделе Джеку позвонила роскошная Розмари Райан и сказала, что у нее есть лишний билет на выставку. Это означало, что она купила билеты сама, но не хотела,

чтобы Джек об этом знал.

А в «Аннексе», вестибюле и других местах, где они сталкивались, ему часто улыбалась Нэн Махон. Он бы с удовольствием пригласил ее. Нэн была красива и свободна.

Внезапно Джека осенило.

— Я знаю, как поступить! — с жаром воскликнул он и хлопнул Билла Данна по руке. — Мы пригласим их всех. Всех девушек, которые нам нравятся. Попросим их заплатить за себя, а выбор сделаем уже на месте.

— Ты с ума сошел! — ахнул Билл, потрясенный дерзостью плана. — Это невозможно. Девушки не согласятся. Они пойдут с парнями, которые за них заплатят.

— Сначала мы можем устроить небольшую вечеринку, — развивал мысль Джек.

— Где? Нельзя же пригласить девушек в вечерних платьях в «Дуайер» или «Хартиган».

— Нет. Мы пригласим их домой.

— К кому?

— Например, ко мне, — ответил Джек.

— Почему ты не можешь пригласить девушку на танцы, как всякий нормальный человек? — проворчал отец Джека.

— Я не знаю, кого пригласить, — просто и искренне ответил Джек.

— Это же не связь на всю жизнь; ты не нарушишь никаких обетов, если в первый семестр пригласишь на танцы не ту девушку.

— Я думал, вы оба будете рады воспользоваться такой возможностью... — Джек с надеждой смотрел то на отца, то на мать.

— Можно спросить, зачем нам ею пользоваться? — поинтересовалась Лилли Фоли.

— Понимаешь, ты всегда говорила, что хотела бы приглашать людей выпить...

— Да?

— И всегда ворчала, что не знаешь никого из моих друзей...

— Да?

— Вот я и подумал, что ты могла бы перед танцами устроить вечеринку с хересом и одним махом убить двух зайцев...

Улыбка Джека была сильным оружием. Через минуту они обо всем договорились.

* * *

Розмари Райан протянула Бенни мятную жевательную резинку. Бенни задумалась. Либо с ней хотели поделиться информацией, либо собирались что-то у нее выпытать. Оказалось, верно и то и другое.

— Джек Фоли пригласил меня на бал, — сказала Розмари.

— Это прекрасно. — У Бенни сжалось сердце.

— Да. Я уже говорила тебе, что таков был мой план.

— Помню.

— Кажется, собирается большая компания.

— Да, я слышала, что есть такой обычай, — ответила Бенни. В Дамской Читальне только об этом и говорили. Кое-что она сумела подслушать в раздевалке и кафе. Студенты ходили на такие балы группами человек по десять-двенадцать. Состав группы определяли молодые люди, а девушки были их гостями. Цена билета составляла примерно двадцать

один шиллинг, причем туда входила стоимость обеда. Каждый мог танцевать с каждым, но, как правило, общался главным образом со своей дамой или кавалером.

Бенни тщетно надеялась, что ее пригласит Эйдан Линч. Он мог бы сделать только в том случае, если бы ее не пригласил никто другой. Таковы были правила.

Розмари грызла карандаш так, словно это была жевательная резинка.

— Вообще-то странно... Собирается большая группа, и сначала мы все встречаемся в доме у Джека. Ты тоже там будешь?

— Насколько я знаю, нет, — жизнерадостно ответила Бенни.

— Тебя не пригласили?

— Еще нет. А тебя когда пригласили?

— Примерно час назад, — ворчливо призналась Розмари.

— Что ж, тогда у меня еще есть надежда. — Бенни удивило, что от деланной улыбки у нее еще не треснуло лицо.

После лекции она случайно столкнулась с Джеком Фоли в вестибюле.

— Ты-то мне и нужна. Не хочешь присоединиться к нашей группе? Это будет что-то вроде голландской вечеринки.

— Отлично, — сказала Бенни. — Сабо каждый приносит с собой^[13]?

— Нет, я имел в виду, что каждый сам будет платить за себя, — слегка смутился Джек.

— Это имеет смысл. Тогда мы все будем свободны как птицы, — сказала она.

Джек посмотрел на нее с удивлением.

— Как птицы?

— Точнее, как их разные виды. Воробьи, страусы-эму, но все одинаково свободны. — Боже, что за чушь она несет?

— Так ты согласна?

— Конечно.

— Перед балом у нас дома будет прием. Запиши адрес. Мои отец с матерью приглашают в гости своих ровесников. Как ты думаешь, твои родители придут?

— Нет. — И тут Бенни зачастила как пулемет: — То есть, я хотела сказать, большое спасибо, но они очень редко выбирают в Дублин.

— Может быть, им нужен для этого предлог? — вежливо спросил Джек, не догадывавшийся, до какой степени Бенни хотелось вырваться из-под их опеки.

— Очень любезно с твоей стороны, но вряд ли. А вот я приду с удовольствием.

— Вот и отлично, — обрадовался он. — Никто не умеет поднимать людям настроение так, как это делаешь ты. Тем более в такую мерзкую погоду.

— Рада стараться, — ответила Бенни. — За чем-чем, а за словом в карман мы не лазим.

Ветер шевелил его волосы, шею охватывал высокий воротник рубашки, выдававшийся из темно-синего свитера, поверх которого был надет темно-синий пиджак. Джек был таким красивым, что Бенни хотелось протянуть руку и погладить его.

Казалось, улыбка Фоли была предназначена только ей одной.

— Я ужасно рад, что ты там будешь, — повторил он.

— Перестань хмуриться. Тебя же не на казнь ведут. Это всего лишь ребенок, — сказала Кит Еве.

— Черт бы побрал эту шикарную протестантскую школу, — буркнула Ева.

— Ничего подобного. Уверяю тебя, протестантские школы ничем не шикарнее

католических.

— Они там помешаны на хороших манерах.

— Нет у нее никаких хороших манер. Иначе она не стала бы умолять прийти такую ворчливую старую каргу, как ты.

Ева улыбнулась.

— Вы правы. Дело не в этом. Просто нам нечего сказать друг другу.

— Тогда возьми с собой кого-нибудь еще. Так будет легче.

— Господи, кто решится пойти со мной на такое дело?

— Может быть, Эйдан Линч?

— Что вы, он испугается до смерти.

— Тогда Нэн.

— Только не Нэн!

Кит рывком подняла глаза.

Тон собеседницы означал, что тема закрыта. Мать Фрэнсис заранее предупредила Кит, что у Евы есть уголки души, куда нет входа никому.

Ева забыла о разговоре. Она думала о словах Нэн, предлагавшей использовать ребенка, чтобы получить постоянный доступ в Уэстлендс.

Это не было шуткой. Нэн говорила без тени юмора. Она сказала, что если получит возможность познакомиться с Уэстуордами, то сама приедет в Ноклен и переночует у Бенни.

— Зачем тебе понадобились старый маразматик, девочка и этот надменный малый, который носит бриджи для верховой езды и говорит с ужасным английским акцентом?

— Они станут началом, — совершенно серьезно ответила Нэн.

Ева вздрогнула при мысли о том, что люди могут быть такими холодными и целеустремленными.

И так изящно признавать свое поражение. Когда Ева сказала, что ни за что не станет знакомить Нэн с Уэстуордами, подруга только пожала плечами.

— Что ж, это сделает кто-нибудь другой, — с легкой улыбкой ответила она.

Когда Ева приехала в школу, Хитер уже была в пальто и берете. Еву приняла директриса, женщина с такой короткой стрижкой, что ее затылок казался выбритым. «Неужели она считает, что это красиво? — подумала Ева. — Боже, как старомодно!словно из фильма двадцатых-тридцатых годов».

— Мисс Мэлоун, с вашей стороны было очень любезно приехать так быстро. По-моему, Хитер начала собираться, как только проснулась.

— Мы договорились, что я приеду к двум часам, — ответила Ева, осматривая приемную. Странно, что на ее стенах не было изображений святых. Ни статуй, ни лампад в виде Святого Сердца. Словно это и не школа вовсе.

— Ужин у нас в шесть, так что Хитер должна вернуться не позднее семнадцати сорока пяти.

— Конечно. — У Евы сжалось сердце. Чем она будет развлекать девочку почти четыре часа?

— Как вы догадываетесь, мы позвонили мистеру Саймону Уэстуорду, но его не было дома. Мы поговорили с экономкой миссис Уолш, и она подтвердила, что вы действительно их кузина.

— Я только хотела убедиться, что они согласны. Я давно не поддерживала связи с этой семьей.

— Понимаю, — ответила директриса. Эта невзрачная девица по фамилии Мэлоун не могла приходиться Уэстуордам никем, кроме дальней родственницы. Но экономка сказала, что все в порядке.

— Хитер, желаю тебе приятно провести время. Но не слишком утомляй мисс Мэлоун.

— Да, мисс Мартин. Нет, мисс Мартин, — ответила Хитер.

Они вместе вышли на бульвар.

Обе еще молчали, но это молчание не казалось враждебным.

Наконец Ева сказала:

— Я не знаю, чем бы ты хотела заняться. Что ты обычно делаешь, когда куда-то выходишь?

— Я еще никогда никуда не выходила, — просто ответила Хитер.

— А что бы ты хотела сделать?

— Мне все равно. Честно. Что угодно. Только бы уйти. Только бы вырваться из этой давилки!

Она оглянулась на школу, как бежавший из тюрьмы.

— Неужели там так ужасно?

— Там одиноко.

— И где бы ты хотела очутиться?

— Дома. Дома, в Ноклене.

— А там разве не одиноко?

— Нет, там хорошо. Там есть мой пони Малькольм, собака Клара, миссис Уолш, Би и, конечно, дедушка.

Обо всех них Хитер говорила с жаром. Это большое пустое здание было ее домом. А школа, наполненная разговорчивыми детьми, ее ровесниками, — тюрьмой.

— Хочешь мороженое в стакане? — внезапно спросила Ева.

— С удовольствием. В конце дня, если все будет нормально. Мы будем ждать его как... как награды. Самого лучшего за день.

Ева широко улыбнулась.

— Верно. Оно и будет наградой. А до того мы прогуляемся к морю, чтобы возбудить аппетит.

— Мы подойдем к самой воде и почувствуем брызги?

— Да. Это самое приятное.

Когда они добрались до «Римского кафе», у обеих ныли ноги.

— А во время школьных прогулок нас к воде не подпускают, — сказала Хитер.

— Раз так, придется немного привести тебя в порядок, чтобы они не догадались.

— Ты будешь «Славу Никербокера»^[14]? — спросила Хитер.

— Нет, пожалуй, я просто выпью кофе.

— Потому что «Слава Никербокера» слишком дорогая?

Ева взяла меню.

— Не дешевая, но это же награда, так что все в порядке.

— Ты будешь пить только кофе, потому что мороженое дорого стоит? — встревожилась Хитер.

— Нет, честно. Я хочу выкурить сигарету. Она подходит к кофе лучше, чем мороженое.

Они сели за столик. Хитер рассказывала о том, что у них в школе играют в лакросс ^[15] и хоккей.

— А во что играла ты? — спросила она Еву.

— Ни в то ни в другое. Мы играли в кэмоджи.

— А что это такое?

— И ты еще спрашиваешь! Это гэльский вариант игры, которая называется женский травяной хоккей.

Хитер отнеслась к новости с интересом.

— Почему мы с Саймоном не знали тебя раньше? — спросила она.

— Я уверена, что ты спросила об этом Саймона, когда я впервые пришла к вам.

— Спросила, — честно ответила Хитер. — А он сказал, что это долгая история.

— Он прав.

— Но это не тайна, не преступление или что-нибудь такое?

— Нет, — задумчиво ответила Ева. — Нет. Ни то ни другое. Мою мать звали Сара Уэстуорд. Я думаю, она была своевольная, немного странная или чудаковатая. Как бы там ни было, но она полюбила человека по имени Джек Мэлоун. Он был садовником в монастыре, и они друг в друге души не чаяли.

— А что в этом странного?

— То, что она из Уэстуордов, а он — простой садовник. Но они все равно поженились, и родилась я. Когда я родилась, моя мать умерла. Отец забрал меня из коттеджа, в котором жил, и отнес в монастырь. Монахини побежали в коттедж, но было уже слишком поздно. Они вызвали доктора Джонсона, и начался страшный переполох.

— И что случилось потом?

— Ну, видимо, произошла какая-то ссора. На похоронах было много крика.

— А кто кричал?

— Думаю, мой отец.

— Что он кричал?

— Да так, всякую ерунду... О том, что некоторые из Уэстуордов не доживут до старости... потому что они плохо обошлись с Сарой.

— А где были похороны?

— В протестантской церкви. Вашей церкви. Ее похоронили в вашем семейном склепе. Под фамилией Уэстуорд. Не Мэлоун.

— А что случилось с коттеджем?

— Стоит на месте. Думаю, он мой, хотя я никогда им не пользовалась.

— Понимаю... Я бы тоже им не пользовалась... Значит, Сара — моя тетя? — после паузы спросила Хитер.

— Да... Твой отец был ее старшим братом. Кажется, у твоего дедушки было пятеро детей.

— И все они умерли, — деловито сказала Хитер. — Похоже, слова твоего отца на похоронах сбылись.

— Что случилось с твоими родителями?

— Они погибли в Индии. В автомобильной катастрофе. Я их не помню. Саймон, конечно, помнит, потому что он намного старше.

— Сколько ему?

— Думаю, около тридцати. Как ты думаешь, Саймон знает про то, что произошло на

похоронах твоей матери? Он должен был там быть.

— Возможно. В ту пору ему было одиннадцать.

— Держу пари, что был. — Хитер выскребала из стакана остатки мороженого.

— Я бы не... — начала Ева.

Хитер подняла глаза, и их взгляды встретились.

— Я не стану пересказывать ему весь наш разговор, — сказала Хитер и тут же переключилась на тему, которая интересовала ее намного больше. — Слушай, это правда, что монахини надевают саваны и ночью спят в гробах, как вампиры?

Эдди и Аннабел Хоганы обрадовались, что их дочь пригласили на танцы.

— Как по-твоему, это хорошо, что они идут туда все вместе? — ища поддержки, спросила Аннабел. — Что-то не похоже, чтобы у нее был свой кавалер, ухажер или как там это теперь называется...

— В мое время парни, приглашавшие девушек на танцы, забирали их из дома, — угрюмо проворчал Эдди.

— Да, да, но кто поедет в Нокглен, чтобы забрать Бенни и привезти ее обратно? Не говори так и не ищи проблему там, где ее нет.

— Значит, ты не против, чтобы она осталась на ночь в каком-то дунлаогхейрском пансионе? — Эдди с тревогой посмотрел на жену.

— Это не какой-то пансион. Ты все неправильно понимаешь. Помнишь женщину, которая жила у матери Фрэнсис в монастыре Святой Марии? Ту, у которой погиб сын? Так вот, Бенни остановится у нее. Ей поставят раскладушку в комнате Евы.

— Ну, если тебя это не пугает, тогда ладно. — Муж потрепал ее по руке.

Шеп сидел между ними у камина и смотрел то на хозяина, то на хозяйку, словно радовался этому прикосновению.

Бенни была в кино с Шоном Уолшем.

— Конечно, меня не пугает, что она пойдет на танцы, а потом останется ночевать у Евы. Я хочу, чтобы она хорошо провела время и навсегда запомнила этот вечер.

— Тогда что тебя пугает?

— Я не знаю, что случится с ней после.

— Ты же сказала, что она поедет в этот пансион, который на самом деле вовсе не пансион, — растерялся Эдди.

— Не после танцев. А после... всего этого.

— Никто не знает своего будущего.

— Может быть, мы ошиблись, отправив ее в университет. Может быть, ей следовало окончить бухгалтерские курсы и пойти работать в твой магазин. Бросить все эти мечты о дипломе... — Аннабел начала жевать губу.

— Разве мы не говорили об этом с самого ее рождения?

— Говорили.

Какое-то время Эдди и Аннабел сидели молча. За стенами Лисбега завывал ветер, и даже Шеп придвинулся ближе к камину. Супруги говорили, что в такой вечер лучше всего сидеть в тепле, а не блуждать по Нокглену. Сеанс скоро закончится. Бенни и Шон после кино зайдут к Марио и выпьют по чашечке кофе. Патси сидит у миссис Руни, которая решает, годится ли она в жены Мосси. Племянница Пегги Пайн Клодах сидит и разбирает с теткой счета. Люди ошибаются, когда утверждают, что молодежь не работает. Некоторые

молодые люди только этим и занимаются. Взять хоть Клодах, Фонси или Шона Уолша. В ближайшие десять лет они изменят Нокглен до неузнаваемости.

— Надеюсь, они превратят его в место, где нам будет приятно жить, — без особой уверенности сказал Эдди.

— Да, но через десять лет нам останется не так уж много коптить небо. Мы должны думать о Бенни.

Оба кивнули. Они почти всегда думали о Бенни и ее будущем. Вся их сознательная жизнь прошла в местности радиусом тридцать миль^[16] от Нокглена. Находившиеся сравнительно неподалеку огромные города типа Дублина их не привлекали.

Родители просто не могли себе представить, что жизнь их дочери может быть не связана с Нокгленом и его главной улицей, на которой находился магазин Хогана. И хотя они не смели говорить об этом даже друг с другом, но мечтали, чтобы Бенни связала свою жизнь с Шоном Уолшем.

Бенни смотрела на Шона Уолша, сидевшего напротив. В очень ярком свете его лицо казалось таким же худым и бледным, но под глазами залегли темные круги.

— Что, в магазине много работы? — спросила она.

— Нет. Точнее, физической работы мало. И дело не во времени. Просто трудно понять, что лучше.

Впервые в жизни Бенни разговаривала с Шоном непринужденно. И произошло это благодаря Нэн. Нэн, которая могла найти выход из любой ситуации.

Нэн сказала, что Бенни должна быть с ним очень любезной. Ссориться с Шоном не имеет смысла. Нужно как-то дать ему понять, что она не собирается выходить за него замуж, но высоко ценит как служащего своего отца. Тогда Шон не сможет действовать ей на нервы, а родители будут счастливы.

— Я не смогу это сделать, — ответила ей Бенни. — Ты же меня знаешь. Если я буду любезной и равнодушной, дело кончится тем, что отец Росс прочитает с амвона объявление о предстоящем венчании.

Но Нэн сказала, что это очень легко.

— Проси его рассказывать о себе все, притворяйся заинтересованной, но не слишком. А ему рассказывай о себе поменьше и ни на один вопрос не отвечай прямо. Вот и весь секрет.

До сих пор это срабатывало как часы. Шон сидел у Марио, пытался перекричать новую пластинку Гая Митчелла и говорил, что в последнее время швейная промышленность изменилась до неузнаваемости, что мужчины ездят в Дублин и покупают готовые костюмы прямо с вешалки, что нокгленский автобус останавливается на Набережной совсем рядом с универмагом Макберни; складывается впечатление, что Макберни открыл филиал рядом с мясной лавкой Флуда.

Говорил, что иногда бывает трудно убедить мистера Хогана в необходимости перемен. Впрочем, возможно, это не его дело.

Бенни слушала его с сочувствием, но вполуха. Ее мысли были заняты предстоящим балом и тем, что она наденет. Она снова села на диету, пила горький черный кофе вместо кофе с молоком и сахаром, который чашками лакали все остальные посетители кафе. Двигала по тарелке бисквиты, выкладывала из них башенки, основание которых составляли желтые, середину — шоколадные, а вершину — зеленые. Хотя руки так и чесались схватить бисквит и сунуть его в рот.

Ни в одном из дублинских магазинов не было платьев ее размера. Точнее, были, но не в тех магазинах, которые она посещала. Только в тех, которые обслуживали богатых старух. Там были платья, вышитые черным бисером, или сероголубые с застежкой спереди. Подходящие для шестидесятилетних дам, собравшихся на официальный прием. Но не для Бенни, которой предстоял ее первый бал.

Правда, время еще оставалось. Во-первых, имелись портнихи; во-вторых, можно было обратиться за помощью к подругам. Возможно, как всегда, решение найдет Нэн. Бенни спросила Нэн, можно ли будет остаться у нее после танцев.

Нэн не сказала ни да ни нет. Она спросила, почему Бенни не хочет переночевать у Евы.

— Не знаю. В конце концов, она там работает.

— Чувшь. Это ее дом. Вы старые подруги. Это доставит удовольствие вам обеим.

Возможно, именно это и имела в виду Нэн, когда говорила, что отвечать на вопросы прямо не следует. Во всяком случае, Бенни не почувствовала себя обиженной. Вот бы научиться разговаривать с людьми так, как это делает Нэн!

Шон все еще талдычил о необходимости устраивать распродажи. И об опасности таких распродаж. По мнению мистера Хогана, покупатели могут подумать, что он хочет таким способом избавиться от второсортного товара. И что скажут люди, которые несколько недель назад купили тот же самый товар за полную стоимость, а теперь увидят, что цены на него снизили?

Шон понимал его мотивы, но в то же время гадал, каким образом можно заставить местных жителей покупать носки и обувь у Хогана, а не ездить за ними на дублинскую О'Коннелл-стрит и вечером тайком пробираться мимо дверей магазина, боясь, что Эдди увидит фирменный пакет с надписью «Клери».

Бенни смотрела на него и гадала, кто выйдет за Шона замуж и будет слушать его разглагольствования до конца жизни. Оставалось надеяться, что этот новый способ быть вежливой, но равнодушной оправдает себя.

— Как насчет следующей недели? — спросил Шон, когда они свернули за угол и пошли к Лисбегу.

— А что будут показывать? — любезно спросила Бенни.

— «Отель «Ямайка»! — торжественно воскликнул Шон, успевший посмотреть афишу.

Прежняя Бенни отшутилась бы и сказала, что Ямайка находится слишком далеко. Но новая Бенни только улыбнулась.

— С Чарльзом Лафтоном и Морин О'Харой?

— Да, — слегка нетерпеливо ответил Шон. — Ты еще не видела этот фильм. Он у нас не шел.

Никаких прямых ответов!

— Мне нравилась книга. Но я предпочитала «Ребекку». Ты читал «Ребекку»?

— Нет. Я мало читаю. Лампочка наверху тусклая.

— Тебе нужна настольная лампа! — с чувством сказала Бенни. — У нас есть такая. Она стоит в комнате для гостей, которой мы никогда не пользуемся. Ладно, я скажу отцу.

Бенни так радовалась своей идее и так решительно пожала на прощание его руку, что Шон не смог потребовать ответить, пойдет ли она с ним в кино на будущей неделе. Так же, как не смог прижаться к ее губам своими холодными тонкими губами.

Мать Фрэнсис обходила маленький коттедж. Ее очень обрадовало сообщение Кит

Хегарти о встрече Евы и Хитер. Может быть, в конце концов открылся путь к примирению. Согласие заплатить за обучение не улучшило отношение Евы к людям, которые так плохо обошлись с ее матерью, с ее отцом и с ней самой.

Наоборот, только подстегнуло решимость ни в чем не уступать им.

Если бы матери Фрэнсис удалось уговорить Еву переночевать в коттедже и почувствовать, что этот дом принадлежит ей... Если бы Ева Мэлоун проснулась утром и посмотрела в окно на каменоломню, она ощутила бы общность с Нокленом и перестала быть перекасти-полем, в которое превратилась. Мать Фрэнсис надеялась уговорить Еву провести в коттедже Рождество. Но сделать это нужно было очень тактично.

Бесполезно делать вид, что ей нужна комната, которую Ева занимала в монастыре. Ничего хуже не придумаешь. Девочка решит, что ее выгоняют из единственного дома, который она знала. Конечно, можно сказать, что пожилые сестры были бы рады куда-нибудь сходить, но, поскольку они не могут покидать пределы монастыря, можно устроить для них чаепитие в коттедже. Однако Ева тут же поймет, что к чему.

Когда мать Фрэнсис и Пегги Пайн были молодыми, Пегги часто говорила: «В конце все выяснится».

Чаще всего так и случалось. Но коттедж пустовал уже давно, а ничто так и не выяснялось.

Мать Фрэнсис всегда тщательно запирала дверь и клала ключ под третий камень невысокого забора, отходившего от железной калитки. Мосси предлагал запирать и калитку, но большой амбарный замок выглядел таким уродливым и отталкивающим, что монахиня решила обойтись без него.

Мало кто приходил сюда без дела. Из монастыря к коттеджу можно было пройти только по тропинке, петлявшей между колючими кустами. А если кому-то хотелось полюбоваться видом с высокого каменистого обрыва, он пользовался торной дорогой, плавно поднимавшейся на холм с площади, на которой каждый день останавливался автобус.

Свернув за угол, мать Фрэнсис с удивлением увидела человека, находившегося всего в нескольких футах от нее.

Это был Саймон Уэстуорд. Он стоял к ней спиной и смотрел на каменоломню, затянутую туманом. Мать Фрэнсис скрипнула калиткой, чтобы он услышал ее и не испугался.

— Ох... э-э... добрый день, — сказал он.

— Добрый день, мистер Уэстуорд.

В распорядке дня монастыря было время, которое называлось Великим Молчанием. Поэтому монахини не ощущали неловкости, если в беседе наступали паузы. Мать Фрэнсис спокойно ждала, когда заговорит этот маленький смуглый человек.

— Мерзкая погода, — сказал он.

— В ноябре всегда так. — Казалось, настоятельница находилась на приеме в саду, а не стояла под дождем рядом с человеком, с которым уже не раз скрещивала копья.

— Миссис Уолш сказала, что вы часто приходите сюда, — промолвил Саймон. — Я жаловался ей, что в монастыре чувствовал бы себя неуютно и хочу найти способ столкнуться с вами как бы случайно.

— Мистер Уэстуорд, в монастыре вас встретили бы радушно. Вы всегда будете для нас желанным гостем.

— Понимаю. Да, понимаю.

— Ну что ж, вот мы и встретились.

Было бы разумнее зайти в коттедж, но мать Фрэнсис ни за что не согласилась бы позволить Саймону переступить порог дома Евы. Это было бы неслыханным предательством. Он смотрел на дом и чего-то ждал. Мать Фрэнсис молчала.

— Я хотел поговорить с вами о Еве, — наконец сказал он.

— Да.

— Понимаете, она была настолько добра, что пришла в школу к моей сестре. Возможно, Хитер сама попросила ее прийти. Честно говоря, я в этом не сомневаюсь. Но Ева устроила ей чудесный выходной и собирается сделать это опять...

— Да. — Взгляд матери Фрэнсис стал холодным, у нее засосало под ложечкой. Неужели он хочет, чтобы Ева держалась от Уэстуордов как можно дальше? Если да, ее сердце станет таким же каменным, как сердце Евы.

— Я подумал, не могли бы вы передать ей...

Монахиня продолжала смотреть ему в глаза.

— Не могли бы вы передать Еве, что я ей благодарен? Искренне благодарен.

— А почему бы вам не сказать это самому? — с облегчением вздохнув, быстро ответила мать Фрэнсис.

— Конечно, я сделал бы это. Но не знаю, где она живет.

— Сейчас я дам вам ее адрес. — Она стала рыться в карманах длинной черной сутаны.

— Позвольте мне. Фермеры всегда используют для записей обратную сторону конвертов.

Она улыбнулась.

— Нет, позвольте мне. У монахинь всегда при себе блокноты и карандаши с серебряными кончиками.

Наконец мать Фрэнсис выудила из карманов то и другое и дрожащей рукой записала то, что, по ее представлению, могло стать наброском плана будущего обмена оливковыми ветвями.

В магазин Хогана пришла Клодах Пайн.

— Как поживаете, мистер Хоган? Не дадите займы пару стоек для шляп?

— Конечно, конечно. — Эдди Хоган ушел на склад и начал рыться там, разыскивая стойки.

— Кажется, у нас нет секции дамских шляпок, — надменно сказал ей Шон Уолш.

— Последите за своим тоном, Шон. Вы еще не знаете, с кем имеете дело, — громко рассмеялась Клодах.

Шон смотрел на девушку без всякого удовольствия. Да, хорошенькая, но слишком развязная. Длинные ноги открыты на всеобщее обозрение, юбочка коротенькая донельзя. Сегодня на ней были желто-зеленое платье, черный жакет, розовый шейный платок и продолговатые болтающиеся серьги точного того же цвета, что и платье. Светлые волосы (явно крашеные) скрепляли два черных гребня.

— Нет, не знаю.

— Так узнаете.

Они остались в зале одни. Старый Майк был в ателье, а мистер Хоган ушел в заднюю комнату.

— Как-нибудь обойдусь.

— И напрасно. — Клодах сделала вид, что неправильно поняла его. — Мы можем быть либо соперниками, либо друзьями. Дружить было бы умнее.

— Клодах, у вас друзья на каждом шагу. — Он презрительно фыркнул.

— Вы ошибаетесь. Большинство здешних жителей мне вовсе не друзья. Но с тетей мы дружим. В настоящий момент я переделываю ее витрину. Все этикетки с надписью «Модный покрой» уже сожжены. Посмотрим, что вы скажете, когда увидите ее во всей красе.

— В понедельник? — все еще свысока спросил он.

— Нет, гений. Сегодня во второй половине, в короткий день. В тот единственный день, когда люди действительно смотрят на витрины. А завтра мы опустим шторы.

— Я должен вас поздравить.

— Да, должны. Мне приходится труднее, чем вам. Я не собираюсь выходить замуж за свою тетю.

Шон тревожно оглянулся на склад. Эдди Хоган нашел стойки и теперь торжественно возвращался с ними.

— Я уверен, что вашу новую витрину ждет большой успех, — быстро сказал он.

— Они будут чудесно смотреться, — ответила Клодах, поцеловала удивленного Эдди Хогана в лоб и ушла, мелькнув ярким оперением райской птицы.

* * *

— Я не стану тратить на тряпки деньги, заработанные в поте лица! — сердито заявила Ева, когда Нэн заговорила о том, что они наденут.

Она ждала, что Нэн, как всегда, процитирует поговорку «По одежке встречают». Иными словами, все зависит от внешности; нужно уметь себя подать. Это была одна из любимых теорий ее подруги.

— Ты права, — неожиданно ответила Нэн. — Если тебе и следует что-то купить, то наверняка не вечернее платье.

— Да? — Ева была выбита из колеи. Она ждала спора.

— Что ты собираешься делать? — спросила Нэн.

— Кит сказала, что я могу порыться в ее вещах. Просто на всякий случай. Она выше меня — впрочем, как почти все. В крайнем случае можно подшить подол.

— Или взять мою красную шерстяную юбку.

— Я не думаю, что... — сразу оцетинилась Ева.

— Послушай, в университете ее никто не видел. Красное тебе идет. С ней можно надеть красивую блузку. Может быть, у Кит Хегарти что-то найдется. Почему бы и нет?

— Можешь обвинить меня в неблагодарности, но я не хочу надевать твои обноски, — сплеча рубанула Ева.

— Значит, обноски Кит Хегарти носить можно, а мои нет? — молниеносно парировала Нэн.

— Она предлагает мне свои вещи, потому что... потому что знает, что я не постесняюсь их взять.

— А я? Выходит, у меня другие мотивы?

— Честно говоря, не знаю. — Ева вертела в руках кофейную ложечку.

Нэн не стала ее упрашивать. И пожимать плечами тоже не стала. Просто сказала:

— Я принесла юбку с собой. Она красивая и пойдет тебе.

— Почему ты даешь ее мне взаймы? Что у тебя на уме? — Ева знала, что ведет себя как пятилетний ребенок, но это не помешало ей задать вопрос.

— Потому что мы идем на бал все вместе. Я хочу, чтобы мы выглядели сногшибательно. Хочу утереть нос таким людям, как эта дура Розмари и зануда Шейла. Теперь поняла?

— Раз так, я согласна, — с усмешкой ответила Ева.

— Мама, это будет очень неудобно, если я попрошу у вас денег на ткань для платья?

— Бенни, мы купим тебе платье. Это же твой первый бал. Для такого случая каждой девушке нужно новое платье из магазина.

— В магазинах нет моего размера.

— Не переживай. Я уверена, что он есть. Ты просто плохо смотрела.

— Я и не думаю переживать. Люди достигают моего размера только в старости. Теперь я это знаю. Раньше я думала, что люди рождаются большими и ширококостными. Но теперь вижу, что такими они становятся годам к шестидесяти восьми. Мама, следи за весом, иначе это может случиться и с тобой.

— Можно спросить, как ты пришла к такому неверному выводу?

— После того как обошла все дублинские магазины. Во время ленча. Лекций я не пропускала.

Аннабел с облегчением поняла, что дочь действительно несколько не переживает. А вдруг это только видимость? У нее не поймешь.

Выспрашивать было бесполезно, поэтому мать Бенни решила проявить практичность.

— И какая ткань тебе нужна?

— Не знаю. Что-нибудь богатое... Может быть, это глупо, но я видела в магазине одну крупную женщину, на которой было что-то вроде гобелена...

Бенни улыбалась широко, но не слишком уверенно.

— Гобелена? — с сомнением повторила мать.

— Может быть, и нет. Пожалуй, в таком платье меня примут за карету или кресло.

Аннабел хотелось обнять дочь, но она знала, что делать это нельзя ни в коем случае.

— Ты имеешь в виду парчу? — спросила она.

— Ее самую.

— У меня есть красивая парчовая юбка.

— Мама, я в нее не влезу...

— В нее можно вставить кусок черного бархата, а сверху надеть черную бархатную блузку и отделать ее парчой. Что скажешь?

— Мы же не станем резать твою хорошую юбку.

— Мне все равно ее носить некуда. А я хочу, чтобы ты стала королевой бала.

— Ты уверена?

— Конечно, уверена. Тем более что ничего лучшего в магазинах ты не купишь.

Бенни знала, что Аннабел права. Но при мысли о том, что мать будет выбирать фасон, у нее екнуло сердце.

Внезапно ей вспомнилось собственное десятилетие. День, когда она думала, что ей подарят нарядное платье, а получила практичный наряд темно-синего цвета. Боль, которую

она испытала сейчас, была не менее острой. Но выбора не оставалось.

— А кто будет шить?

— Мы слышали, что племянница Пегги хорошо владеет иголкой.

На душе у Бенни полегчало. Клодах Пайн была какой угодно, только не скучной и блеклой. Может, из этого что-нибудь и выйдет.

Дорогая Ева!

Примите мою короткую, но искреннюю благодарность за то, что навестили мою сестру в закрытой школе. Хитер с восторгом написала мне про вашу доброту. Я хотел выразить вам свою благодарность и сказать, что вы не должны считать себя в долгу перед нами за то, что наша семья помогла вам внести плату за обучение. Вряд ли следует добавлять, что если вы захотите навестить Уэстлендс во время рождественских каникул, мы всегда будем вам рады.

С глубокой благодарностью,

Саймон Уэстуорд.

Дорогой Саймон!

Я навещаю Хитер, потому что хочу видеть ее, а она хочет видеть меня. Это не имеет никакого отношения к моему долгу, как вы выразились. Во время рождественских каникул я буду жить в монастыре Святой Марии, Ноклен. Если вы захотите навестить его, вам всегда будут рады.

С глубокой признательностью,

Ева Мэлоун.

Дорогие мистер и миссис Хоган!

Наверное, Бенни говорила вам, что в следующую пятницу наша группа собирается на бал по случаю окончания семестра. Мои родители устраивают небольшую вечеринку с подачей хереса в нашем доме в Доннибруке, где мы все соберемся перед началом бала. Они попросили меня пригласить на вечеринку родителей моих друзей. Я понимаю, что вы живете далеко от Дублина, но все же надеюсь, что вы примете это приглашение.

Еще раз спасибо за чудесный день, который я провел у вас в доме, когда несколько недель назад посетил Ноклен.

С наилучшими пожеланиями,

Джек Фоли.

Дорогой Фонси!

Я вынуждена решительно попросить тебя перестать писать мне письма. Моя тетя думает, что на свете существует только одна мисс Пайн — она сама. Она вслух читала мне твои письма о том, какая я классная и как со мной клёво. Она начала спрашивать меня, что означает выражение «поймать кайф» и почему люди говорят: «Это был натурал».

Я очень уважаю свою тетю. Я приехала сюда, чтобы помочь ей перестроить магазин на новый лад и расширить бизнес. Я не хочу каждое утро слышать, как она читает мне: «Целую крепко, твоя репка».

Я очень рада видеть тебя и разговаривать с тобой, но нашу переписку нужно немедленно прекратить.

*С сердечной любовью,
Клодах.*

Дорогая мать Фрэнсис!

По ряду причин я собираюсь провести Рождество в монастыре Святой Марии, Ноклен. Надеюсь, это не слишком затруднит вашу общину. Позже я свяжусь с вами и сообщу все подробности.

*Ваша сестра во Христе,
мать Клер.*

Лилли Фоли была рада вечеринке. Джону это понравится. Понравится, что их большой дом наполнится огнями, цветами, шелестом вечерних платьев и прекрасными девушками.

Ее мужу понравится роль хозяина, принимающего множество красивых молодых людей. Это поможет ему острее почувствовать их возраст.

Лилли решила, что это правильно и что она должна выглядеть как можно лучше. Мужу ни в коем случае не следует позволять сидеть напротив и видеть, какая она дряблая и седая по сравнению с окружающими их красавицами.

О своем наряде она подумает позже; пока что нужно разработать общий план. Конечно, Джек не должен знать, насколько она рада этому предлогу. Пусть сын и муж знают, что только лучшая на свете жена и мать могла пойти навстречу их требованиям.

— Как ты думаешь, они будут есть сосиски с подливкой? — спросила Лилли Джека.

— Они съедят все, что дадут, — равнодушно ответил Джек.

— А кто будет подавать? Дорин понадобится помощь.

Джек обвел взглядом сидевших за столом.

— Ангус, — сказал он.

— Мне можно будет надеть на руку салфетку? — спросил Ангус.

— А заодно и на задницу, — откликнулся Ронан.

Мать нахмурилась.

— Джек, это же твои друзья. Мне хотелось бы, чтобы ты уделил этому больше внимания.

— И твои с папой тоже. Послушай, разве вы не рады? Купили новые шторы, о которых так долго говорили. И ворота покрасили.

— Ты что, собираешься рассказывать об этом всем?

— И не думаю. Я хочу сказать только одно: мне приятно, что соберутся все ваши друзья.

— И все твои тоже!

— Мои друзья пробудут здесь всего час-другой. А ваши останутся на весь вечер и покажут себя во всей красе. Слава богу, я этого не увижу.

— А что делать с предками, как вы их называете? С родителями твоих друзей?

— Я пригласил только родителей Эйдана Линча. Вы их уже знаете.

— О да. — Миссис Фоли возвела глаза к небесам.

— И родителей Бенни Хоган из Ноклена. Но они не приедут. Они написали тебе, забыла? Так что придут только такие люди, как дядя Кевин, соседи и ваша старая шайка. Вы нас и не заметите.

— Не понимаю, зачем ты нас втравил в эту историю, — проворчала мать.

— Я не мог решить, какую девушку пригласить, и поэтому пригласил их всех, —

абсолютно честно ответил Джек и широко улыбнулся.

* * *

Уик-энд, предшествовавший балу, Ева провела дома, в Нокглене.

— Я слишком долго откладывала это, — призналась Ева Бенни в пятницу вечером, когда они ехали в автобусе. — Но я просто не могла бросить все на Кит. Как по-твоему, мать Фрэнсис понимает это?

— Спроси ее сама, — ответила Бенни.

— Спрошу. Она сказала, что хочет попросить меня об одной услуге. Как ты думаешь, что это может быть?

— Попробуем догадаться. Помочь ей посадить марихуану в огороде?

— Я бы с удовольствием. Но лично я думаю, что она хочет попросить меня прочитать шестиклассникам курс лекций о сексе. Учтывая мой большой опыт по отбиванию атак Эйдана Линча.

— Или отвезти пожилых монахинь на экскурсию в Белфаст и сводить их в кино на эротический фильм.

— Или привести Шона Уолша в художественную мастерскую, задрапировать тряпкой его важнейшие части и преподать им урок жизни.

Они смеялись так, что водитель Майки попросил не отвлекать его.

— Вы напоминаете героев комиксов Матта и Джеффа. Знаете, о ком я говорю? — крикнул им он.

Они знали. Отличительной чертой Майки являлась тактичность: Матт был верзилой, а Джефф — коротышкой.

Разговор происходил на кухне.

— Я не могу ей отказать, — сказала мать Фрэнсис Еве.

— Можете, мать Фрэнсис. Еще как можете, разрази меня гром.

— Ева, что за выражения!

— Честное слово, вы можете всё. И всегда могли. Если у вас было такое желание. Всегда.

— Не знаю, с чего ты это взяла.

— С того, что жила здесь и наблюдала за вами. Вы можете сказать матери Клер, что община не хочет ее принять потому же, почему собственная дублинская община хочет избавиться от нее на Рождество.

— Так говорить немилосердно, а поступать тем более.

— Кто сказал, что мы должны всегда поступать милосердно?

— Кажется, мы здесь неправильно тебя воспитали. На самом деле милосердие является одной из частей жизни религиозной общины.

Обе рассмеялись.

— Мать, я не могу находиться с ней под одной крышей.

— Это вовсе не обязательно. Находиться с ней под одной крышей придется нам.

— Что вы хотите этим сказать?

— У тебя есть собственный дом. При желании ты можешь воспользоваться им.

— Еще одна ваша интрига!

— Если ты думаешь, что я с помощью интриг организовала приезд матери Клер только для того, чтобы отправить тебя в этот коттедж, значит, ты действительно ничего не понимаешь.

— Да, пожалуй, это уже чересчур, — согласилась Ева.

— Тогда действуй.

— Нет.

— Почему? Назови хоть одну причину.

— Мне не нужна их благотворительность. Я не буду жить в их проклятом уютном домике как старый конюх, который надорвал спину, ухаживая за хозяйскими лошадьми, и теперь готов из благодарности до конца жизни рвать на себе остатки волос.

— Это совсем не так.

— Так, мать Фрэнсис, именно так. Мою мать выгнали из Большого Дома, сочли недостойной переступить его порог и велели не возвращаться. Но не хотели, чтобы она умерла под забором, и отдали ей коттедж, в котором никто не хотел жить, потому что он стоял на отшибе, а самое страшное — находился рядом с католическим монастырем.

— Ева, этот домик нравился твоим родителям. Именно там они и хотели жить.

— Зато я не хочу.

— И даже посмотреть? Я положила на него столько трудов. Надеюсь, что ты будешь довольна.

Лицо матери Фрэнсис было усталым и обиженным.

— Простите.

— Я была уверена, что тебе будет приятно иметь убежище. Но, кажется, ошиблась.

— Ладно, мать, я посмотрю на него. Только для того, чтобы доставить вам удовольствие. Но не им.

— Тогда мы сходим туда завтра утром. Проснемся и пойдем вместе.

— А моя комната?..

— Останется за тобой до самой смерти.

* * *

— Что скажешь? — Бенни с тревогой смотрела на Клодах.

— Роскошная ткань. Жалко резать.

— Ты видела, как одеваются люди, которые идут на бал. Это годится?

— Когда мы выйдем отсюда, народ попадает.

Бенни с сомнением посмотрела на наряд самой Клодах, состоявший из просторной белой накидки поверх темно-розового джемпера и коротенькой розовой юбочки, едва прикрывавшей бедра. Это было бы чересчур даже для Дублина, не говоря о Ноклене.

— Сделаем вырез вот... вот досюда.

Бенни стояла в одной комбинации. Ева сидела на батарее, курила и делала замечания.

Клодах указала место на куске черного бархата. Декольте должно было получиться чрезвычайно смелое.

— Докуда? — вскрикнула Бенни. Клодах повторила жест. — Я так и думала. Да я вывалюсь из него!

— Ты наденешь белье, которое этому помешает.

— Ага! Лифчик из легированной стали!

— А еще мы приподнимем тебе зад. — Клодах ущипнула ее, и Бенни вскрикнула.

— Я сто лет так не смеялась, — сказала Ева.

— Скажи ей, Ева. Скажи ей, что за это платит моя мать. Она не позволит, чтобы я выглядела как вавилонская блудница.

— Речь идет о бале или о торжественном приеме по случаю твоей канонизации? — осведомилась Клодах.

— Клодах, ты сошла с ума. Я не могу. Даже если бы у меня хватило смелости.

— Ладно. Мы сделаем тебе скромную манишку.

— Что?

— Мы скроим эту вещь как нужно и наденем ее на тебя. Потом я подсуну под нее кусок льна или что-нибудь в этом роде, приделаю пару завязок, и мы скажем твоей матери, что именно так ты и будешь ее носить. А как только ты окажешься за околицей Ноклена, снимешь, и дело в шляпе!

Клодах суетилась, прикладывала к Бенни кусок ткани и подкалывала его.

— Бенни, расправь плечи, — приказывала она. — Выпяти грудь.

— Иисус, Мария и Иосиф, я выгляжу как нос корабля, — с тревогой сказала Бенни.

— Знаю. Это прекрасно.

— Парни обожают носы корабля, — сказала Ева. — И всегда говорят это.

— Замолчи, Ева Мэлоун. Я воткну в тебя ножницы.

— Не воткнешь. Это мой самый ценный инструмент. Ну, что скажешь? — Клодах была довольна собой.

Хотя вещь была готова только наполовину, девушки поняли замысел Клодах. Он был великолепен.

— Мудрая Женщина на моем месте не позволила бы матери присутствовать при примерке, — решила умная Бенни.

— Они слетятся на тебя как мухи на мед, — весело сказала Клодах, вынимая булавки.

— Это будет просто фантастика, — ответила Бенни, радостно улыбаясь своему отражению в зеркале.

Глава десятая

— Очень хорошо, что сегодня ты работаешь допоздна, — сказала Нэн матери. Они сидели за столом на кухне и пили вторую чашку кофе. Бал должен был проходить именно в том отеле, где работала Эмили. Нэн хотела представить матери своих подруг и продемонстрировать их наряды и украшения.

— Знаешь, это совсем не обязательно. Я всегда смогу выглянуть и посмотреть на тебя в танцевальном зале.

— Эм, ты знаешь, что мне нужно. Я хочу познакомить тебя с ними и их с тобой.

Обе молчали, но понимали, что Нэн никогда не приведет своих друзей на Мейпл-Гарденс.

— Только если это будет необходимо. Среди них могут оказаться люди, которых вряд ли следует приводить в магазин... ну, ты меня понимаешь.

Нэн положила ладонь на руку матери.

— Ей-богу, не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Ну, мы возлагали на тебя такие надежды... Мы с тобой надеялись, что ты выберешься отсюда. — Эмили обвела взглядом неказистый домик. — Ты же не захочешь привести приличных людей ко мне в магазин. — Она смущенно улыбнулась.

— Это чудесный магазин. И ты замечательно руководишь им. Я буду гордиться тем, что они тебя увидят, — сказала Нэн.

Она не сказала, что не имеет видов ни на Эйдана Линча, ни на Билла Данна, ни на Джека Фоли. Нет, увезти ее с Мейпл-Гарденс должен был человек, занимавший в обществе гораздо более высокое положение.

— Я хочу, чтобы сегодня вечером вы выпили с нами, — сказала Ева Кит.

— Нет, я не мастер на такие вещи. У меня язык к небу пристанет. Общественные мероприятия — не по моей части.

— Там будут родители Эйдана Линча. Вы сможете поговорить с ними об их сыне.

— О боже, Ева, оставь меня в покое. Ни за какие коврижки! Мы с Энн Хейз собираемся в кино. Это подходит нам куда больше, чем пить коктейли с докторами на Эйлсбери-роуд.

— Это не Эйлсбери-роуд, — начала оправдываться Ева.

— Ну, недалеко от нее. — Выражение лица Кит смягчилось. — Но за приглашение спасибо. Ты уже приготовила постель для Бенни?

— Да. Мы не будем шуметь и будить вас.

— Меня разбудить легко. Я сплю очень чутко. Можете прийти и рассказать мне про бал. Наряд у тебя роскошный. Я никогда не видела ничего подобного.

Они примерили его накануне вечером, позаимствовав вечернюю сумочку у миссис Хейз, жившей по соседству. Достали из гардероба Кит белую кружевную блузку и гладили ее до тех пор, пока та не стала выглядеть как новая. После этого Кит вынула свой подарок-сюрприз: красные серьги точно того же цвета, что и юбка.

— Нет, нет... Вы не должны дарить мне такие вещи, — заикаясь, выдавила Ева.

Что-то в лице Кит заставило Еву вспомнить, что если бы обстоятельства сложились по-другому, Фрэнк Хегарти сегодня вечером тоже мог бы надеть нарядный костюм и пойти на бал.

— Большое вам спасибо, — сказала она.

— Ты просто красавица. Выглядишь как цветок.

— Скорее как птица, — серьезно ответила Ева. — Как чокнутый черный дрозд, который склоняет голову набок, прежде чем клюнуть что-то.

Кит прыснула со смеху.

— Я не шучу. Честное слово, — сказала она. — Ты действительно очень хорошенькая. Конечно, малость со сдвигом, но если повезет, этого никто не заметит.

Наряд Бенни был уложен в коробку и завернут в бумагу. Дома им восхищались. Возник всего лишь один опасный момент, когда Патси захихикала и сказала:

— Дай бог, чтобы никто не стащил с Бенни ее скромную манишку.

Хоганы с тревогой посмотрели друг на друга.

— Как это может быть?

Бенни испепелила Патси взглядом, и смущенная служанка вернулась к плите.

— Я бы с удовольствием посмотрела сегодня на нарядных девушек, — сказала мать Бенни. — На тебя, на Еву и всех твоих подруг.

— Ты могла бы поехать на вечеринку к доктору Фоли. Вас приглашали.

Бенни чувствовала себя лицемеркой. Если бы родители поехали туда, она бы их возненавидела.

— Да, это было очень любезно с их стороны, — сказал Эдди Хоган. — Нам следовало нанести мальчику ответный визит.

Бенни поморщилась. Боже, какими старомодными и провинциальными они были по сравнению с дублинцами... Но тут же ощутила чувство вины. С какой стати они должны быть такими же, как люди, которые привыкли посещать вечеринки с коктейлями?

— Вы вернетесь на утреннем автобусе? — с надеждой спросила мать.

— Скорее всего, позже. Нам нужно будет прийти в себя, выпить с девочками кофе или съесть ленч и обменяться впечатлениями о бале.

— Но ты позвонишь? — спросил отец.

— Конечно, позвоню. — Бенни не терпелось уйти. — Завтра утром.

— Надеюсь, твоя поездка в Дублин пройдет удачно, — сказал Эдди с таким сомнением, словно речь шла об обратной стороне Луны.

— Папа, я езжу туда каждый день!

— Но не каждый вечер.

— Ты же знаешь, что у миссис Хегарти я буду в безопасности. — О господи, отпустите душу на покаяние...

— Желаю тебе хорошо провести каждую минуту этого вечера, — сказала мать.

— Мама, мне пора на автобус. Я не хочу торопиться. У меня ведь с собой коробка.

На крыльце Лисбега собрались все его обитатели: мать, отец, Патси и Шеп. Если бы Шеп знал, куда едет Бенни, он поднял бы лапу и помахал ей. Наверняка помахал бы.

— Удачного бала, Бенни! — крикнул ей доктор Джонсон.

Клодах, успевшая заново переделать витрину магазина Пегги Пайн (о которой теперь говорил весь город), красноречивыми жестами напомнила, что Бенни должна снять скромную манишку и обнажить как можно большую часть груди.

Фонси с любопытством следил за ней с другой стороны улицы.

— Яркая птичка, правда? — спросил он.

— Лучшее украшение Нокглена, — завершила его Бенни.

— Желаю удачи! — помахал он ей вслед.

У магазина Хогана стоял Шон Уолш и чистил дверную ручку.

— Похоже, мероприятие предстоит нешуточное, — многозначительно улыбнувшись, сказал он.

Бенни вспомнила совет Нэн. Вежливость еще никому не вредила.

Она ответила на его улыбку и сказала:

— Да, Шон.

— Я пытался убедить твоего отца, чтобы он позволил мне отвезти их на тот прием.

— Это не прием. Просто небольшой а-ля фуршет в доме доктора Фоли.

— Один черт. Он показал мне письменное приглашение. Я сказал, что мне не составит труда отвезти их.

— Они отказались. — Бенни знала, что ее голос прозвучал слишком сдавленно.

— Да, но что ему стоило снять трубку и сказать, что они передумали? Я сказал им, что время от времени они просто обязаны появляться на людях.

— Серьезно?

— Да. И добавил, что лучшего предлога для этого, чем первый бал Бенни, не найти.

— Как жаль, что они не смогли бы взять тебя с собой.

— Еще не вечер, — сказал Шон Уолш и вернулся в магазин.

Конечно, он сказал это ей назло. Шон должен был знать, что она умерла бы, если бы ее родители пошли на бал. У Бенни закружилась голова, и она была вынуждена опереться о стену кондитерской Берди Мак.

Берди постучала в стекло и беззвучно пошевелила губами.

«О боже, только этого мне и не хватало, — подумала Бенни. — Сейчас она всучит мне сломанную шоколадку или что-нибудь не менее калорийное».

— Привет, мисс Мак, — дрожащим голосом сказала она. Бенни, не сходи с ума. Родители уже попрощались с тобой. Они не собирались ехать в Дублин. Иначе стали бы готовиться к этому за неделю.

Берди подошла к двери.

— Бенни, мне только что звонила твоя мать. Она хочет, чтобы я сделала ей перманент на дому. А я забыла спросить, есть ли у вас фен.

Берди Мак с тревогой посмотрела на Бенни.

— Детка, с тобой все в порядке? Ты так побледнела...

— Вы сказали, перманент на дому?

— Да. Это мне нетрудно. Я могу зайти сейчас, накрутить ее на бигуди, а потом прийти позже и снять их. Мне нужно знать, есть ли у вас сушилка для волос.

— Есть, — тоном робота ответила Бенни.

Она добралась до площади машинально и вздрогнула, услышав сигнал автобуса.

— Бенни, ты садишься или нет? Тебе что, нужно особое приглашение?

— Извини, Майки. Что, уже пора? Я и не заметила.

— О нет, что ты. У нас впереди еще весь день и вся ночь. Поспешешь — людей насмешишь. Знаешь девиз нашей автобусной компании? «Никогда не торопи пассажира».

Бенни села и невидящим взглядом уставилась в окно.

Они не могли решить поехать в Дублин. Только не сегодня вечером. Только не к Фоли.

Розмари на лекции по истории не было.

— Она пошла в парикмахерскую, — сказала Дейрдра, пронырливая девица, которая знала все на свете. — Сегодня вечером ей предстоит шикарный прием. Перед балом они все идут на коктейль к Джеку Фоли. Только представь себе, к нему домой!

— Знаю, — рассеянно ответила Бенни. — Я тоже туда иду.

— Что?

— Я тоже туда иду. — Изумление, написанное на лице Дейдрды, ей отнюдь не польстило.

— Вот это да... — пролепетала собеседница.

— Никто никого не приглашает. Каждый платит за себя. — Бенни захотелось утереть Розмари нос.

— Да, но тебя включили в эту группу... Просто невероятно. — Дейрдра смерила Бенни взглядом.

— С нетерпением жду этого. — Бенни знала, что выражение лица у нее мрачное и унылое.

Больше всего на свете она боялась, что ее родители приедут к Фоли, начнут что-то бормотать, оправдываться и упадут в обморок, увидев ее декольте. Возможно, прикажут ей выйти из комнаты и прикрыть грудь. От этого Бенни бросало то в жар, то в холод.

— Приятно знать, что Нэн Махон так заботится о тебе, — наконец промолвила Дейрдра.

— Заботится?

— Ну, всюду приглашает тебя с собой. Такая подруга дорогого стоит.

У Дейдрды были хитрые пороссячьи глазки.

Какое-то время Бенни смотрела на нее с отвращением.

— Да. Я специально выбираю себе таких подруг, — отрезала она.

Она слишком поздно вспомнила предостережение матери Фрэнсис: остерегаться сарказмов.

— А что? Неплохой способ, — мудро кивнула Дейрдра.

День казался бесконечным. Они встретились с Евой и поехали в Дунлаогхейр на пятичасовом поезде. Тем же поездом возвращались домой многие служащие. На некоторых станциях в вагон входили школьники в форме. Ева и Бенни толкали друг друга локтями, довольные тем, что у них начинается новая жизнь. Большой мерцающий круг, началом которого станет бал.

Кит приготовила им сэндвичи.

— Я слишком взволнована. У меня кусок в горло не лезет, — заявила Ева.

— А я на диете. Не годится падать на последнем препятствии, — объяснила Бенни.

Но Кит была неумолима. Она не хочет, чтобы девушки упали в обморок во время танцев. Еда может стать жиром только в том случае, если успеет перевариться, а времени для этого у нее не будет. Так что наряд на Бенни не лопнет. Кит сказала, что ванная объявлена для ее жильцов запретной зоной. Впрочем, это не имеет значения. Большинство молодых людей не считает нужным торчать там целыми часами.

Кофе и сэндвичи стояли на подносе в комнате Евы. Кит понимала, что девушкам нужно посмеяться и подбодрить друг друга.

Она сказала, что сегодняшняя трапеза — ее обязанность. Ева не должна думать о

готовке и подаче на стол.

Она застегивали друг другу крючки и молнии. Держали лампу под нужным углом, чтобы было удобнее пользоваться карандашом и тенями. Советовались, сколько помады наложить на губы, и припудрили Бенни грудь, которая была блее ее шеи и предплечий.

— Наверное, так у всех. Просто у нас до сих пор не было возможности убедиться в этом. Бенни прикрыла рукой вырез.

— Перестань. Клодах говорит, что это выглядит так, словно ты нарочно хочешь привлечь к своей груди внимание.

— Клодах легко говорить. Она сама носит только широкое.

— Брось. Она постаралась на славу.

— Ой ли? По-моему, я выгляжу последней душой. — У Бенни был такой несчастный вид, что Ева вздрогнула.

— Перестань. Мы все немного нервничаем. Мне тоже кажется, что я выгляжу хищной птицей, но когда я прихожу в себя, то понимаю, что это не так.

— Конечно, не так. Ты выглядишь потрясающе. Тебе следует знать это. Ради бога, посмотри на себя в зеркало. Ты такая изящная, такая пикантная, — торопливо бормотала Бенни, пытаясь убедить свою встревоженную маленькую подругу.

— А тебе следует знать, что ты выглядишь великолепно. Что случилось? Что тебе не нравится?

— Моя грудь.

— Как, опять?

— Я боюсь того, что подумают люди.

— Подумают, что это потрясающе.

— Нет, не парни. Обычные люди.

— Какие обычные люди?

— Которые будут сначала. На вечеринке. Они могут подумать, что я потаскушка.

— Не глупи.

Кит окликнула их с лестницы:

— Можно войти и полюбоваться? Мистер Хейз придет за вами через десять минут.

— Входите и прочистите мозги моей подруге.

Кит вошла, села на кровать и рассыпалась в похвалах.

— Бенни волнуется из-за декольте, — объяснила Ева.

— И совершенно напрасно. Пусть из-за него волнуются другие девушки и завидуют, — безапелляционно заявила Кит.

— Но...

— Это не Ноклен. Твоих родителей там не будет. — Внезапно Ева побледнела. — Что случилось?

— Ничего. — Глаза Бенни были слишком яркими.

Ева и Кит обменялись взглядами.

— Миссис Хегарти, можно мне воспользоваться вашим телефоном?

— Конечно, — ответила Кит. — Только в него нужно опускать монеты.

Бенни схватила сумочку и побежала вниз.

Они уставились друг на друга во все глаза.

— В чем дело?

— Понятия не имею, — ответила Ева. — Это как-то связано с Нокленом. Могу

побиться об заклад, она звонит домой.

— Привет, Патси. Это Бенни.

— Ты что, уже на танцах?

— Только собираюсь. Позови маму или папу.

— Бенни, их нет. Они ушли.

— Что?

— Они ушли. Часов в шесть.

— Куда уехали?

— Они мне не сказали, — ответила Патси.

— Патси, этого не может быть. Они всегда говорят, куда ходят.

— А сегодня не сказали. Зачем они тебе понадобились?

— Послушай, они нарядились?

— Это ты о чем?

— Патси, что они надели? Пожалуйста.

— О господи, Бенни, я никогда не обращаю на это внимания. Они надели пальто. —

Патси старалась изо всех сил.

— Как ты думаешь, они поехали в Дублин?

— Конечно, нет. Иначе они сказали бы.

— За ними заехал Шон Уолш?

— Не знаю. Я в это время мыла посуду.

— Ты была обязана что-то заметить! — нетерпеливо воскликнула Бенни.

Патси шумно выдохнула.

— Если бы я заметила что-то ужасное, то позвонила бы в полицию! — обиженно ответила она.

— Извини.

— Ладно, все в порядке, — немного смягчилась служанка.

— Хорошо, увидимся завтра, и я все тебе расскажу.

— Вот и отлично.

— А если они вернуться...

— О господи, Бенни, конечно, они вернуться.

— Если они вернуться, то скажи, что я звонила и хотела их поблагодарить. За красивое платье и все остальное.

— Конечно, Бенни. Я скажу, что ты звонила и была очень милой и веселой.

Бенни несколько минут стояла в коридоре и пыталась восстановить дыхание.

Нет, она не станет портить Еве настроение. Расправит плечи и выпятит грудь. Пойдет на эту вечеринку. Если родители приедут туда, она скажет, что потеряла скромную манишку. Что ее сдуло ветром, когда она открыла коробку. Будет радоваться, шутить и веселиться.

Даже если они будут говорить ужасные вещи людям типа Розмари, если будут отпускать идиотские реплики о необходимости нанести ответный визит, она только еще выше вздернет подбородок.

Никто не узнает, что за этими стальными крючками, предназначенными для того, чтобы приподнять грудь, бьется сердце из свинца, окруженное измученными нервами.

Раздался звонок, и Бенни открыла дверь. На крыльце стоял мужчина в пальто и шляпе.

— Я — Джонни Хейз, которому поручено отвезти двух леди в Доннибрук. — Он с

одобрением посмотрел на пышный бюст Бенни и добавил: — Но я с величайшим удовольствием насажал бы полную машину таких красавиц, как вы, и вез бы их до самых Дублинских гор.

Лилли Фоли была готова себя поздравить. Действительно, с прошлой вечеринки прошло немало времени, а лучшего предлога для новой и придумать нельзя. Соседи смогут полюбоваться молодыми людьми, собирающимися на бал. Дом будет заполнен юношами в вечерних костюмах и девушками в длинных просторных платьях без намека на претенциозность. Именно для этого и предназначены большие дома, говорила себе Лилли Фоли. Но мужу и сыновьям она этого не сказала. У них была привычка посмеиваться над тем, что они называли «материнскими пунктиками». Если Лилли Фоли нравилось видеть, как по их трехрядной аллее едут машины, и слышать шелест платьев на ступеньках, ведущих к парадной двери, то она хранила это маленькое удовольствие для себя.

Первой прибыла Шейла, одна из сокурсниц Джека. Лилли Фоли часто слышала по телефону голос этой девушки, которой было нужно обсудить с Джеком какие-то университетские дела, но видела ее впервые. Девушка оказалась привлекательной. Она надела черно-желтое платье (на вкус Лилли, чересчур броское) и сразу начала объяснять, что ее дядя — судья, а двоюродный брат — прокурор, так что она практически родилась адвокатом. За ней приехала юная пара Шон и Кармел, оживленно разговаривавшая друг с другом, но не с остальными. Лилли обрадовалась, увидев Билла Данна, красивого и воспитанного молодого человека. Он был полной противоположностью Эйдану Линчу, шутки которого были ей непонятны, а родители орали как противотуманные сирены.

Она с гордостью следила за тем, как Джек, которому чрезвычайно шел взятый напрокат смокинг, принимал гостей, непринужденно смеялся и обнимал за плечи сразу двух девушек. Чтобы понять, какая из них нравится ему больше, способностей детектива, которыми обладала Лилли Фоли, было недостаточно. Очень хорошенькая, но слишком накрашенная девушка по имени Розмари едва удостоила Лилли взглядом, но употребила все свои чары, чтобы произвести впечатление на Джона Фоли.

Ангус отнесся к своим обязанностям официанта очень серьезно. Мальчик стоял у подножия лестницы; его очки сверкали, новый галстук-бабочка в горошек был безукоризнен. Он ощущал себя центром внимания, человеком, которого заметит каждый, кто войдет и оставит пальто в столовой.

Пока что все гости были ему незнакомы. Он испытал облегчение, узнав Эйдана Линча, друга Джека со школьных времен.

— Добрый вечер, — церемонно сказал ему Эйдан. — Вы из агентства по обслуживанию банкетов? Не помню, чтобы я видел вас в общественных местах Дублина.

— Я Ангус, — сказал мальчик, донельзя обрадованный тем, что его не узнали.

— Вы очень добры, что позволяете мне называть вас просто по имени. А я — Эйдан Линч. Мои родители прошли в гостиную. Думаю, что они удовлетворяют свои потребности в питье с доктором Фоли. Показать вам мое приглашение... э-э... Ангус, верно?

— Эйдан, я Ангус, брат Джека. — Улыбка на лице малыша стала еще шире.

— Ангус? Да, верно. А я и не догадался! — сказал Эйдан, хлопнув себя по лбу.

— Что ты будешь пить? Есть сухой херес, сладкий херес, пиво и апельсиновый сок, — сказал Ангус.

— О боже... — растерялся Эйдан.

— Но только что-нибудь одно за раз.

— Ах, какая жалость! А я было собрался попросить слить все в один стакан и добавить сверху взбитые сливки. — Он притворился опечаленным.

— Ну, раз уж ты друг Джека, я спрошу, можно ли... — Ангус был готов бежать на кухню, где разливали напитки.

— Вернись, дурачок. Лучше скажи, пришла ли уже одна очень красивая маленькая смуглая девушка?

— Да, она там. С каким-то парнем. Лижет его в ухо и пьет из его стакана.

Эйдан пулей устремился в гостиную. Неужели Ева способна на такое? Может быть, она действительно смешала все напитки? Однако ее нигде не было. Эйдан обвел взглядом ярко освещенную комнату с огромной елкой у окна, заметил множество знакомых, но только не Еву.

Он вернулся к Ангусу.

— Где она? Говори сейчас же.

— Кто? — испугался мальчик.

— Красивая смуглая девушка.

— Та, которая лизала парня в ухо? — уточнил Ангус.

— Да, да! — Эйдан был вне себя.

Ангус подошел к двери.

— Вот! — Он показал на Кармел и Шона, которые, как обычно, стояли очень близко друг к другу.

Эйдан ощутил облегчение.

Кармел и Шон увидели его и замахали руками.

— Зачем он на нас показывал? — спросила Кармел.

— Кармел, ты просто ослепительна, — ответил Эйдан. — Немедленно бросай этого человека. Я обеспечу тебе лучшую жизнь. Ты часто вторгалась в мои ночные сны, так вторгнись и в мои дневные грезы!

Кармел подарила Эйдану улыбку зрелой женщины, знающей все на свете, и потрепала его по руке.

И тут он услышал за спиной голос Евы.

— Привет, Эйдан. А вот и ты, безгласный и молчаливый, как обычно.

Линч повернулся и посмотрел на нее. Ева выглядела так, что он проглотил комок в горле и несколько секунд действительно не мог найти слов.

— Ты восхитительна, — наконец сказал он. Очень честно и беспристрастно.

Нэн предупредила Еву, чтобы та не говорила, что взяла красную юбку взаймы. Если тебя будут хвалить, отвечай «спасибо», велела она. Зачем обижать людей, отвергая их комплименты?

Ева всегда перебрасывалась с Эйданом шутками. К его восхищению она не привыкла.

— Спасибо, — просто сказала она.

Потом туман рассеялся, и они заговорили как прежде.

— Я рад, что ты наконец прибыла, потому что Кармел поставила меня на место. Конечно, обидно, что это произошло на глазах у Шона, но что я мог поделать? — Эйдан беспомощно посмотрел на Еву.

— Тебе придется терпеть это всю жизнь. Это такой же физиологический акт, как выделение запаха животными. Интеллект и все остальное тут ни при чем.

Ева весело рассмеялась и закружилась на месте, демонстрируя себя одобрительно смотревшему на нее Биллу Данну.

— Потрясающе выглядишь, — сказал ей Билл Данн. — Почему ты не одеваешься так все время?

— Я хотела задать тебе точно такой же вопрос! — со смехом ответила она.

Билл поправил галстук и смущенно улыбнулся. Разочарованный Эйдан отвернулся и быстро заговорил с Джеком, оказавшимся поблизости.

— Я начинаю сомневаться, что это была хорошая мысль.

— Что? — Джек посмотрел на бокал пива, который держал Эйдан. — Пены мало?

— Нет, я говорю про приглашение всех девушек сразу. Мы думали, что все они будут у нас в кулаке. Но похоже, что нам ни одной не достанется.

— Джек... — окликнул брата взволнованный Ангус.

— Ага, а вот и Мистер Администратор, — сказал Эйдан, сердитый на мальчика, чуть не испортившего ему вечер.

— Джек, уже можно нести сосиски? Мама хочет знать, все ли на месте.

— Нэн еще нет. Подождем несколько минут.

— А все остальные уже здесь? — Эйдан обвел взглядом комнату. Ему не понравилось, что Ева смеется шуткам Билла Данна. И что его родители слишком громко ржут над шутками представителей старшего поколения.

— Кажется, да. О, а вот и Нэн!

В дверях стояла Нэн Махон, державшаяся так естественно, словно она каждый вечер входила в помещение, полное гостей. На ней было красивое шелковое платье лимонного цвета, с лифом, расшитым тысячами крошечных жемчужин. Ее изящные плечи были обнажены, золотые кудри скрепляла заколка, тоже украшенная мелким жемчугом. Кожа Нэн была безупречной и не имела ни одного изъяна.

Джек поздоровался с ней и повел знакомить с родителями.

— Как ты думаешь, это любовница Джека? — с надеждой спросил Ангус Эйдана Линча. От этого человека иногда можно было услышать неожиданные вещи.

Но на этот раз малыша ожидало разочарование.

— Ты очень глупый молодой человек. Как можно говорить о любовницах с мальчиками, которые учились в католических школах и знают, что для этого нужно совершить Святое Таинство Бракосочетания?

— А как же кино? — парировал Ангус.

— Ты сам не знаешь, о чем говоришь, твой ум — настоящая змеиная яма сомнений. Если у тебя еще осталось в мозгу несколько извилин, то ступай и неси сосиски, — велел ему Эйдан.

— Еще не все пришли! — возразил обиженный Ангус.

— Все, все.

— Нет, одна гостья сидит в раздевалке, хотя явилась уже давно.

— Наверное, она вылезла в окно и убежала, — сказал Эйдан. — Живо неси сосиски, а то получишь по шее!

Ангус тяжело вздохнул. Ну вот, так хорошо все начиналось: галстук-бабочка, внимание людей, благодарности... А теперь Эйдан Линч говорил с ним так же, как в школе.

Он мрачно поплелся на кухню за угощением.

В коридоре стояла крупная девушка и смотрела на себя в зеркало без всякого

удовольствия.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила она. — Я что, последняя?

— Думаю, да. Тебя зовут Нэн?

— Нет. Она уже там. Я слышала ее голос.

— Она сказала, что сосиски нести рано, потому что Нэн еще не пришла. Не хватало только ее.

— Ну, значит, про меня забыли, — ответила девушка.

— Наверное, — утешил ее Ангус.

— Ты — брат Джека?

— Да. Меня зовут Ангус Фоли.

— Как поживаешь? Я — Бенни Хоган.

— Ты любишь сосиски?

— Да, а что?

— Они у меня здесь. Я подумал, что ты можешь съесть несколько штук, сначала подкрепиться, а потом войти.

— Спасибо, но лучше не надо. А то я не помещусь в платье.

— Ты и так в нем не помещаешься. — Ангус показал пальцем на ее грудь.

— О боже, — сказала Бенни.

— Так что сосиски уже ничего не изменят, — жизнерадостно добавил он.

— Раз так, я пошла.

Она расправила плечи, стараясь не смотреть на маленького мальчика, решившего, что на ней лопнуло платье, выпятила грудь, как обещала Клодах Пайн, и вплыла в гостиную как океанский лайнер.

Первыми ее заметили Билл Данн и Джон О'Брайен.

— О господи, да ведь это Биг Бен! Просто фантастика! — прикрыв рот рукой, пробормотал Билл.

— Вот это я называю «два Килларни»^[17], — сказал Джон О'Брайен.

— Почему Килларни? — Билл был любопытен.

— Поговорка такая. — Джон О'Брайен не сводил с Бенни глаз. — А что, очень недурна. Ей-богу.

Бенни их не видела. Она осматривала комнату, боясь увидеть в толпе этих веселых и уверенных в себе людей своих родителей, неловких и сгорающих от смущения. Хуже того, говорящих о вещах, которые представляют интерес только для жителей Ноклена. Ужаснее этого могло бы быть только одно: если бы они увидели ее наряд и устроили сцену.

Насколько она могла видеть, родителей тут не было. Она щурилась, изгибалась, изучала затылки, пытаясь понять, не спрятались ли они в группе немолодых людей, собравшихся вокруг зычно смеявшегося мужчины.

Нет, здесь их явно не было.

Бенни видела «моррис-коули», выехавший с подъездной аллеи как раз в тот момент, когда они прибыли. В машине сидел один человек. Было темно, поэтому ни лица водителя, ни регистрационного номера она не заметила. Это могла быть их машина. Выбитая из колеи Бенни бегом устремилась в раздевалку и прошипела Еве, чтобы та шла вперед.

— Я подожду тебя, — сказала Ева, решив, что Бенни нужно в туалет.

— Если ты это сделаешь, я убью тебя на глазах у всех. Крови будет столько, что твоя

блузка станет одного цвета с юбкой.

— Ладно, убедила. Я пошла, — ответила Ева.

Бенни просидела в раздевалке Фоли минут пятнадцать.

Несколько раз кто-то тряс ручку; наверное, кому-то из девушек хотелось войти и посмотреть на себя. Но в столовой тоже было зеркало, поэтому они перекочевывали туда.

Наконец она поняла, что больше никто не придет, и вышла.

Сейчас она чувствовала себя последней дурой. Бенни охватил лютый гнев на Шона Уолша, который обманом заставил ее подумать, что предстоящий вечер будет безнадежно испорчен. И на несчастную Патси, не знавшую, куда отправились хозяин с хозяйкой, которым в кои-то веки вздумалось куда-то выбраться. Но сильнее всего она злилась на самое себя.

Теперь, убедившись, что родителей в комнате нет, Бенни могла сказать себе, что, если бы они приехали, в этом не было бы ничего страшного.

Когда Бенни смогла связно соображать, она поняла, что привлекла к себе всеобщее внимание.

— Потрясающий наряд, — сказала Розмари, даже не пытаясь скрыть удивление.

— Спасибо, Розмари.

— Где ты его купила?

— В Ноклене, — лаконично ответила Бенни. Она хотела перехватить взгляд Евы и дать ей понять, что все в порядке. Но Ева стояла к ней спиной.

Не успела Бенни добраться до подруги, как услышала еще несколько комплиментов. Насколько она могла судить, комплименты были искренние. Но изумление их авторов ей нисколько не льстило.

Ладно, все это чушь собачья.

Она тронула Еву за плечо, улыбнулась и сказала:

— Я пришла.

Ева отделилась от группы.

— Теперь с тобой можно разговаривать или ты по-прежнему собираешься меня зарезать?

— Все позади.

Ева понизила голос.

— Слушай-ка...

— Что?

— Все в комнате смотрят на нас. Мы с тобой — сказка о Золушке, ставшая явью.

Бенни не смела поднять глаза.

— Я серьезно, — сказала Ева. — От всех этих гламурных кисок вроде Розмари, Шейлы и даже Нэн ожидали, что они украсят собой бал. Но мы смешали им карты. Теперь от кавалеров у нас не будет отбоя. Попомни мои слова.

— Ева, что бы сейчас сделала Мудрая Женщина?

— На твоём месте Мудрая Женщина взяла стакан с напитком в одну руку, а вечернюю сумочку в другую. Тогда ты физически не сможешь прикрыть грудь.

— Не произноси это слово! — взмолилась Бенни.

— Сестра Имельда пользовалась словом «зоб». Как у птицы. «Ева, удостоверься, что у тебя прикрыт зоб», — говорила она. Словно мне было что прикрывать.

— Все равно мы не обращали на нее никакого внимания.

Подождала Нэн и пожалала им руки. Она сама привыкла ко всеобщему восхищению, не видела ничего особенного в том, что ее подруги наконец вылупились из куколок, и вела себя так, словно ничего другого и не ждала.

— Ну что, сбили мы спесь с этих Розмари и Шейлы? — громко промурлыкала она.

Троица весело рассмеялась, но Бенни была бы еще счастливее, если бы красивый молодой хозяин, вместе с Ангусом разносивший тарелки с угощением, хотя бы взглядом показал, что заметил присутствие в комнате девушки с полуобнаженной грудью. Грудью, которая, судя по взглядам всех остальных, действительно выглядела очень неплохо.

Хлопнула дверь последнего автомобиля, и молодые люди уехали. Джон и Лилли Фоли стояли на верхней ступеньке лестницы и махали им руками. В доме продолжалась вечеринка, на которой присутствовали их друзья и родители Эйдана Линча. Лилли знала, что она хорошо выглядит. Но это ушла уйма времени, однако она нашла идеальное платье для коктейля, нарядное, но не слишком, модное, но не до такой степени, чтобы выглядеть так, будто она собирается на бал вместе с молодежью. Платье из плотного сиреневого шелка, к которому она надела серьги в тон. От новых туфель болели ноги, но этого никто не знал, а особенно высокий красивый мужчина, стоявший рядом.

— Все прошло отлично, правда? Ты оказался отличным хозяином. — Лилли улыбнулась мужу с таким видом, словно все устроил он, а не она.

— Лилли, ты была великолепна, — ответил Джон, поцеловал ее и обнял за талию. Потом они закрыли дверь и присоединились к гостям.

Ради этого было не жалко никаких усилий.

* * *

Женская раздевалка была забита возбужденными девушками, расчесывавшими и покрывавшими лаком волосы. Кое-кто строил зверские гримасы, чтобы было легче пользоваться тубиками губной помады. Две женщины принимали пальто и выдавали розовые номерки, которые девушки совали в свои сумочки.

Здесь пахло духами, пудрой и испариной от волнения.

Нэн, которая навела красоту раньше всех, не обращала внимания на слегка ревнивые взгляды остальных девушек. Внезапно собственные платья без бретелек стали казаться им продукцией металлургической промышленности. Твердые прокладки немилосердно врезались в тело. Почему волосы Нэн великолепно выглядят без всякого аэрозоля? Почему у нее нет прыщей на подбородке, которые нужно выдавливать, а потом замазывать огромные пятна тубиками специального крема?

— Пока вы будете готовиться, я немного пройду, — сказала она Бенни и Еве. — А потом отведу вас в магазин моей матери.

Она изящно двигалась посреди моря девушек, которые нагибались, подскакивали или бегали вверх и вниз по лестницам, покрытым ковровыми дорожками, и выглядела безмятежной.

Потом Нэн вошла в боковую дверь бара и вежливо улыбнулась по сторонам, словно ожидала встретить знакомых.

Стены здесь были обшиты темными дубовыми панелями, сиденья обтягивал красный

плюш. У бара стояли и разговаривали мужчины. Напитки были гораздо дороже, чем в обычном дублинском пабе. В этом баре встречались только богатые.

Тут были люди из других графств, прибывшие в Дублин на скотопромышленную ярмарку или по делам, связанным с торговлей земельными участками. Брокеры, банкиры, приезжие из Англии, люди с титулами. В такие места посторонних не пускают.

Но во время университетского бала одинокая девушка, разыскивающая своего партнера, ни у кого не вызовет удивления. Нэн остановилась там, где на нее падал свет, и оглянулась по сторонам. Долго стоять ей не пришлось. Нэн Махон кожей чувствовала, что все присутствующие в зале смотрят на нее и восхищаются невозмутимой светловолосой молодой женщиной в дорогом платье, стоящей у дверей.

Когда все вдоволь насмотрелись, довольная Нэн помахала им рукой, повернулась и вышла в фойе, где ее ждали Ева и Бенни.

— Что ты там делала? — спросила Ева.

— Демонстрировала свои таланты в баре, — ответила Нэн.

— Неужели тебе мало бала? Нэн Махон, ты ненасытная.

— Только не брякни это при моей матери.

Нэн отвела их в магазин отеля, за прилавком которого сидела привлекательная, но изрядно уставшая женщина. У нее были такие же светлые волосы, как у дочери, но сильно выцветшие. И улыбка у нее была милая, но усталая. Ева решила, что Нэн унаследовала свою сногшибательную красоту от отца. От того самого отца, о котором Нэн почти не упоминала.

Нэн представила матери своих подруг, и они продемонстрировали ей свои наряды. Эмили Махон все говорила правильно. Она сказала Еве, что красное намного лучше смотрится на брюнетках; Нэн оно бледнило бы. Бенни она сказала, что каждому за десять миль видно, что это прекрасная дорогая парча и что девушка, которая сумела перешить ее, настоящий гений. Ни словом не упомянула о слишком глубоком декольте, которое так волновало Бенни. Если бы это случилось, бедняжка достала бы скромную манишку и надела бы ее снова.

— У вас есть постоянные кавалеры на этот вечер? — с любопытством спросила Эмили.

— Есть один парень по имени Эйдан Линч, которому очень нравится Ева, — гордо сказала Бенни. А потом добавила, стремясь доставить удовольствие миссис Махон: — И всем очень нравится Нэн.

— Я думаю, ты поладишь с Джонни О'Брайеном, — сказала Нэн Бенни. — Он следует за тобой так, словно у тебя где-то внутри спрятан магнит.

Бенни прекрасно знала, какая именно ее часть притягивает Джона О'Брайена.

Эмили обрадовалось, что ее дочь дружит с такими славными девушками. Она редко видела подруг Нэн. В отличие от большинства других родителей, Махоны никогда не ходили на школьные спектакли и концерты. Нэн не хотела, чтобы отец знал о ее учебных делах. Больше всего в детстве она боялась, что отец явится в монастырскую школу пьяным. Поэтому знакомство с Евой и Бенни было для Эмили Махон большой удачей.

— Я бы брызнула на вас духами из пробника, но вы уже и так надушились, — сказала она.

Девушки ответили, что надушились недостаточно и с удовольствием добавили бы.

Они наклонились к Эмили, и та щедро полила их духами «Джой».

— Ну вот, теперь вы все будете пахнуть одинаково, — засмеялась она. — Мужчины не

отличат вас одну от другой.

— Вот и хорошо, — откликнулась Нэн. — Мы будем действовать единым фронтом, и они никогда нас не забудут.

Тут в магазин вошел покупатель, и они заторопились.

— Эм, мы пойдем. Не хотим, чтобы из-за нас тебя уволили, — сказала Нэн.

— Рада была познакомиться. Чудесного вам вечера. — Эмили ужасно не хотелось, чтобы они уходили.

— Можете не торопиться, — сказал вошедший. — Я посмотрю, что у вас есть.

Его голос заставил Еву резко обернуться.

Это был Саймон Уэстуорд. Он не видел ее. Потому что смотрел только на Нэн.

Как обычно, Нэн не ощущала, что на нее смотрят. «Наверное, она росла, окруженная восхищенными взглядами, — подумала Ева. — Так же, как я сама росла, окруженная звуками монастырских колоколов. Они становятся частью твоей жизни. Ты их больше не замечаешь».

Саймон и в самом деле начал рассматривать полки, брать украшения и сувениры, подносить к глазам и изучать ярлычки с ценами.

Эмили улыбнулась ему.

— Если понадобится помощь, скажите. Я просто болтаю с...

Тут она увидела, что Нэн слегка нахмурилась.

— Нет, честное слово... — Он посмотрел прямо на Нэн и тепло сказал: — Привет. Это не вас я видел в баре несколько минут назад?

— Да, я искала подруг. — Ее улыбка была лучезарной. — Но теперь я их нашла. — Она развела руки в стороны, показывая на Еву и Бенни.

Он из вежливости отвел глаза от лица Нэн.

— Привет, — улыбнулась Бенни. Саймон вздрогнул. Конечно, он знал эту девушку, но откуда? Крупная, броская, удивительно знакомая...

Потом он посмотрел на смуглую малышку. Это была его кузина Ева.

— Ну, добрый вечер, Саймон, — слегка насмешливо сказала она, как будто имела над ним некое преимущество. Она уже узнала его и следила за тем, как Саймон пожирал глазами ее подругу.

— Ева! — Он тепло улыбнулся. Как ни странно, эта теплота не была наигранной.

Теперь он вспомнил и Бенни. Это была дочь Хогана.

— Правду говорят, мир тесен, — сказала Ева.

— Вы все пришли сюда на бал?

— О боже, нет. Самая обычная пятница. Просто в ДКУ принято наряжаться. В отличие от Тринити-колледжа, студенты которого вечно ходят в засаленных куртках. — Ее глаза смеялись, из-за чего ответ не казался таким резким.

— Я хотел сказать, что вы все замечательно выглядите. Но если так бывает каждую пятницу, то я сильно отстал от жизни.

— Конечно, Саймон, мы пришли на бал, — вмешалась Бенни.

— Спасибо, мисс Хоган. — Он никак не мог вспомнить ее имя. Саймон ждал, что его представят Нэн, но этого не случилось.

— Вы собираетесь навестить Хитер в этот уик-энд? — спросила Ева.

— Увы, нет. Вообще-то я еду в Англию. Вы очень добры к ней.

— Это доставляет мне удовольствие. Она очень умная девочка, — сказала Ева. — И

умирает со скуки в этом мавзолее.

— Ее школа считается лучшей...

— Да, конечно, выбора у вас не было. — В словах Евы содержался намек: если бы Саймон и его родные не были слепыми от рождения, то нашли бы кучу других мест, куда можно отдать ребенка.

Саймон выдержал небольшую паузу, достаточную для того, чтобы его представили светловолосой девушке — если это вообще собирались сделать. Но никто не открыл рта.

Нэн не протянула руку и не назвала свое имя, а спрашивать сам он не хотел.

— Ну, мне нужно что-нибудь купить, а вам — идти на танцы, — наконец сказал он.

— Вы хотели что-то конкретное? — вспомнила о своих обязанностях Эмили.

— Нет, просто подарок. Маленький подарок для одной леди в Гэмпшире, — ответил Саймон, не отводя взгляда от Нэн.

— Что-нибудь ирландское? — спросила Эмили.

— Да, но не слишком броское.

Нэн, вертевшая в руках маленькое пресс-папье из коннемарского мрамора, подчеркнутым жестом положила его на полку.

Саймон взял его.

— Думаю, вы правы. — Он посмотрел Нэн в глаза. — По-моему, отличная мысль. Большое спасибо... — Фраза осталась неоконченной; кто-то все же должен был назвать имя его собеседницы.

— Очень симпатичная вещь, — сказала Эмили. — Если хотите, я положу ее в коробочку.

— Это было бы замечательно. — Саймон все еще смотрел на Нэн.

И тут на пороге вырос Эйдан Линч.

— Я знаю, что всегда появляюсь не вовремя, но не пора ли дамам присоединиться к нам? Конечно, это не имеет значения. Просто люди стоят у дверей, интересуются, где остальная часть нашей компании, и найти ответ на этот вопрос становится все труднее.

Он переводил взгляд с одной на другую.

Нэн приняла решение.

— Мы слегка отвлеклись, — объяснила она. — Пойдем, Эйдан. Веди нас на бал.

Она потащила остальных с собой, как насадка цыплят.

Бенни и Ева попрощались, и Нэн с порога улыбнулась матери.

— До свидания, Эм. Еще увидимся.

Она не сказала, где именно: здесь или дома. Саймон смотрел вслед троице, которую Эйдан Линч вел в танцевальный зал.

— Какая красивая девушка... — пробормотал Уэстуорд.

Эмили тоже наблюдала за молодыми людьми, шедшими по переполненному вестибюлю.

— Да уж, — сказала она.

Их ждал стол на шестнадцать персон, стоявший на балконе. Когда они вошли, танцы уже начались. Увидев Джека Фоли, девушки, сидевшие за другими столами, подняли глаза, а юноши стали выгибать шеи, чтобы выяснить, с кем он пришел.

Долго гадать не пришлось. Он шел, разговаривая с Шоном и Кармел.

Молодые люди позеленели от зависти, увидев, что за столом Джека Фоли сидят

Розмари Райан и Нэн Махон. Для одного стола это было слишком много. Университетских красавиц следовало распределять более равномерно. Все ломали голову, как этот болван Эйдан Линч умудряется быть в гуще происходящего, а кое-кто стал спрашивать соседей, кто эта высокая девушка с потрясающим бюстом.

За столом разрабатывался план кампании. Все выпивают по стакану воды из стоящего на столе большого графина. Как только графин пустеет, каждый из восьми молодых людей выливает туда четверть бутылки джина, которую принес в кармане. После этого они будут заказывать только минеральную и апельсиновый сок, добавляя в каждый стакан содержимое графина.

Спиртные напитки в отеле стоили так дорого, что никто не мог себе этого позволить. Решение было правильным. Трудность заключалась в том, чтобы не дать возможность сменить графин или, не дай бог, долить его доверху, разбавив джин. Поэтому нельзя было оставлять стол на произвол официантов.

Руководитель оркестра объявил, что для начала они исполнят несколько «калипсо»^[18], и пригласил всех на танцплощадку.

Билл Данн поднялся первым и протянул руку Розмари. Она выбрала место рядом с Джеком, но решение оказалось неверным. Розмари с опозданием поняла, что должна была сесть напротив: так они могли бы смотреть друг другу в глаза. Она с трудом заставила себя улыбнуться, и пара присоединилась к танцующим.

Джонни О'Брайен пригласил Бенни. Она охотно встала. Танцы были ее коньком. Мать Фрэнсис нанимала для девочек преподавательницу танцев, которая приезжала в школу каждую неделю. Сначала они разучивали вальс и квикстеп, а потом осваивали латиноамериканские танцы. Мысль о том, что когда дело дойдет до самбы, мамбо и ча-ча-ча, девушки из Ноклгена смогут дать фору дублинцам, заставила Бенни улыбнуться.

Оркестр играл «Мой солнечный остров». Джонни смотрел на Бенни с нескрываемым восхищением.

— Я и не догадывался, что у тебя такая потрясающая... — Он запнулся.

— Что потрясающая? — прямо спросила Бенни.

Джонни О'Брайен струсил.

— Потрясающие духи, — ответил он.

О да, духи тоже были потрясающие. Опьяняющий аромат окутывал Бенни как облако. Конечно, Джонни имел в виду совсем не духи, но он был прав. От их запаха кружилась голова.

Эйдан танцевал с Евой.

— Я в первый раз держу тебя в объятиях и не чувствую твоих костлявых кулачков, — сказал он.

— Пользуйся случаем, — ответила Ева. — Если еще раз попытаешься танцевать со мной в отцовской машине, снова отведаешь моих костлявых кулачков.

— Ты разговаривала с моим отцом? — спросил Эйдан.

— Сам знаешь, что разговаривала. Ты представлял ему меня трижды.

— Вообще-то он ничего. И моя мать тоже. Чересчур горластые, а так ничего.

— Не более горластые, чем ты.

— Нет, более. Они орут. А я с трудом выдавливаю из себя слова.

— В отличие от тебя, они выражаются нормально. Говорят законченными фразами, —

продолжая думать о родителях Эйдана, ответила Ева.

— Ты очень красивая.

— Спасибо, Эйдан. Ты тоже хорошо выглядишь в вечернем костюме.

— Когда ты перестанешь бороться с безнадежным физическим влечением, которое испытываешь ко мне, и сдашься? Позволишь себе стать моей?

— Если бы я это сказала, ты бы умер на месте.

— Уверяю тебя, я скоро оправился бы.

— Ну, это случится еще не скоро. Я имею в виду сдачу. Очень не скоро.

— Вот что значит быть воспитанной монахинями. Мне придется ждать целую вечность.

— Монахини совсем не такие плохие, как о них думают.

— И когда ты собираешься познакомить меня с ними?

— Не смей меня.

— А почему нет? Я же познакомил тебя с моими родителями. Ты должна была уговорить своих монахинь взять напрокат мотоциклы и с грохотом примчаться на вечеринку к родителям Джека. Но это не пришло тебе в голову, — сказал Эйдан.

— Сестры не могли так поступить, — объяснила Ева. — По пятницам они играют в покер и никогда не изменяют этому правилу.

Шон и Кармел танцевали в обнимку. Оркестр играл колыбельную из «Порги и Бесс».

— Осталось немного, — сказала Кармел.

— Всего четыре года, — весело ответил Шон.

— И вместе мы уже четыре года. Если считать год перед переходом в старшие классы.

— Я его считаю. Весь этот год я не мог выбросить тебя из головы.

— Правда, мы счастливые? — спросила Кармел, обнимая его еще крепче.

— Очень счастливые. Все здесь завидуют нам.

— Тебя еще не тошнит от Кармел и Шона? — вполголоса спросила Ева, когда все возвращались за стол.

— Да, спрашивать их о чем-то бесполезно, — согласилась Бенни.

— Они напоминают животных в зоопарке, которые ищут друг у друга блох.

— Перестань, Ева! — засмеялась Бенни. — Тебя могут услышать.

— Нет, я серьезно. Это любимое занятие обезьян. Наверное, так у них принято вести себя в обществе.

За столом оставались Джек Фоли и Шейла. Джек должен был первым следить за графином с джином. Этот вопрос решили голосованием. Шейла была довольна, что ей доверили нести стражу вместе с Джеком, но она предпочла бы оказаться на танцплощадке.

Нэн вернулась к столу с одноклассником Джека и Эйдана Патриком Ши, учившимся на архитектурном отделении. Патрик Ши был потным и разгоряченным, а Нэн выглядела так, словно танцевала на катке, обдуваемом холодным ветром. На ее лице не было и намека на испарину.

Бенни смотрела на нее с восхищением. Нэн владела собой в любой ситуации, а вот ее застенчивая мать не была уверена в себе. Возможно, это качество досталось Нэн от отца. О котором никто ничего не знал.

Интересно, почему Ева не представила Нэн Саймону? Это было просто невежливо. Будь на месте Евы кто-нибудь другой, Бенни сделала бы это сама, но Ева неизменно принимала в

шпыки все, что относилось к Уэстуордам.

Но Нэн тоже промолчала. Это было неспроста. Если бы Нэн хотела, чтобы ее представили, то попросила бы кого-нибудь сделать это.

Джонни О'Брайен протянул ей стакан с апельсиновым соком. Бенни поблагодарила его, сделала большой глоток и только тут поняла, что в стакане больше джина, чем сока.

Она храбро проглотила джин и увидела, что Джонни О'Брайен смотрит на нее с восхищением.

— Ты явно из тех девушек, которые могут держать выпивку, — сказал он.

Гордиться было особенно нечем, но спасибо и на том, что она не закашлялась. А если бы ее вырвало?

Розмари тоже смотрела на нее.

— Завидую, — сказала она. — У меня начинает кружиться голова даже после глотка спиртного.

Бенни оглянулась по сторонам, зная, что ею молча восхищаются все сидящие за столом, и мрачно ответила:

— Верю...

— Вот что значит родиться в деревне, — насмешливо поблескивая глазами, добавила Розмари. — Там пьют все от мала до велика, верно?

— О да, — ответила Бенни. — Но по-разному. Лично я в деревне пью джин из горла. Там не принято наливать его в стакан и смешивать с апельсиновым соком.

Все захохотали. Именно на это она и рассчитывала.

Сместить их было нетрудно. Труднее было заставить посмотреть на тебя другими глазами.

Бенни смотрела на спокойного и веселого Джека. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и следил за всем, что происходило вокруг. Из него вышел бы образцовый хозяин дома. Он готов был пригласить танцевать каждую девушку, сидевшую за столом.

Она чувствовала непреодолимое желание протянуть руку и нежно погладить Джека по щеке. Может быть, это сумасшествие? Ничего подобного она раньше не испытывала.

Скоро он пригласит ее на танец. Может быть, даже на следующий. Наклонится к столу, улыбнется, протянет руку и вопросительно посмотрит ей в глаза. Она видела картину так ясно, словно это уже случилось.

— Бенни? — скажет он, и они спустятся на танцплощадку, держа друг друга за руку. А потом обнимутся.

Руководитель оркестра сказал, что их солист может заткнуть за пояс самого Таба Хантера и сейчас докажет это, спев «Янг лав».

Бенни хотелось, чтобы Джек перехватил ее взгляд и протанцевал с ней три медленных танца подряд, начиная с «Янг лав».

Но Розмари перехватила его взгляд первой. Бенни не понимала, как это ей удалось. Наверное, с помощью ее отвратительных ресниц. Розмари махала ими, пока не привлекла к себе внимание Джека.

— Розмари? — сказал он тем тоном, которым должен был сказать «Бенни?».

Сердце Бенни превратилось в кусок свинца.

— Ну что, Бенни, рискнем? — спросил оказавшийся рядом Эйдан Линч.

— Спасибо, Эйдан. С удовольствием.

Она встала и спустилась на танцплощадку. Розмари обеими руками обняла Джека за

шею и слегка отстранилась, чтобы лучше его видеть.

Студенческий бал всегда проходил с успехом. Но те, кто устраивал его в нынешнем году, были уверены, что такого успеха не было давно. Об этом можно было судить по энтузиазму, с которым разыгрывались призы.

— Приз получит джентльмен, который встанет первым и покажет нам дырку в носке.

Победу без труда одержал Эйдан Линч, в доказательство предъявивший свою ногу. Приз по праву принадлежал ему. Зал умирал со смеху.

— Как ты это узнал? — с любопытством спросила Бенни.

— Один мой приятель когда-то работал здесь официантом и рассказал мне все здешние хохмы.

— А каким будет второй вопрос?

— Затейник скажет: «Приз получит первая леди, которая предъявит портрет кролика». Это тоже легко.

— Да? А у кого есть такой портрет?

— У каждого. Кролик изображен на монете в три пенса.

— Верно. Эйдан, ты просто гений.

— Так и есть, Бенни. Но об этом не знает никто, кроме нас с тобой.

Когда Эйдан и Бенни вернулись за стол, их приветствовали как героев и тут же откупорили выигранную ими бутылку вина.

— Еще одна выпивка. Бенни, ты просто чудо, — сказала Розмари. Она как-то ухитрилась прижаться к Джеку и опереться на него. Бенни хотелось встать и дать ей пощечину. К счастью, Джек отодвинулся, и желание разделить их прошло само собой.

Объявили вальсы. Бенни не хотела танцевать вальс с Джеком. Нужно было постоянно крутиться; на то, чтобы случайно прижаться к нему или прикоснуться к его лицу, не оставалось ни секунды.

Когда зазвучала музыка, люди гурьбой потянулись на танцплощадку. «Ке сера, сера, пусть будет что будет...»

К их столу подошел высокий красивый юноша и учтиво попросил:

— Пожалуйста, позвольте пригласить Нэн на один танец. Она и так с вами весь вечер... Нэн, ты согласна?

Нэн подняла взгляд. Все остальные с любопытством посмотрели на нее.

— Конечно, — сказала она и с улыбкой пошла танцевать.

Бенни еще по школе помнила, как ужасно было оставаться последней, когда кто-то набирал себе команду. Хуже было только тогда, когда в одной команде оказывалось меньше игроков и в конце концов мать Фрэнсис говорила: «Ладно, Бенни, иди к ним». Когда играли в «музыкальные стулья», она обычно выбывала первой. У Бенни было неприятное предчувствие, что так случится и сейчас.

Джек снова танцевал с Розмари! Билл Данн и Ник Хейз беседовали на другом конце стола, за несколько миль от нее. Если бы они заметили Бенни и присоединились к ней, то все было бы в порядке.

Бенни деланно улыбалась и теребила меню, сулившее им дыню, суп, жареную курицу и бисквиты со сладкой подливкой. Неужели они забыли, что пятница — постный день? Бенни налила в стакан шипучий апельсиновый сок, выпила и краем глаза увидела, что к столу приближается официант с металлическим сосудом, готовый долить графины с минеральной

водой.

Бенни встала.

— Не надо, — сказала она. — Вода нам больше не нужна.

Официант был пожилой и усталый. Он видел много студенческих балов, но сам не танцевал на них никогда.

— Прошу прощения, мисс, но я должен долить графины.

— Нет! — решительно отрезала Бенни.

— Может быть, вы и не хотите пить, но остальные захотят, когда вернутся с танцплощадки, — сказал он.

От жалости и высокомерия, одновременно звучавших в его словах, на глаза Бенни навернулись слезы.

— Они сказали, что больше не хотят никакой воды. Сказали еще до того, как пошли танцевать. Честное слово.

Но вызывать у него подозрения не следовало. Вдруг он пожалуется метрдотелю, что за этим столом происходит что-то странное?

Ею овладела страшная усталость.

— Послушайте, — сказала Бенни официанту. — Мне все равно. Они сказали, что их уже тошнит от воды, но мне на это наплевать. Доливайте, если хотите. Какого черта?

Официант застыл в нерешительности. Наверное, решил, что Бенни выпила лишнего, и раздумывал, не стоит ли ее вывести.

— Ладно, я пойду к другому столу, — наконец сказал он.

— Вот и отлично, — ответила Бенни.

Сидеть одной было неприятно. Она могла сходить в женский туалет. Извиняться было не перед кем. Ник и Билл сидели на дальнем конце стола, оживленно беседовали и не видели, что Бенни уходит.

Бенни заперлась в кабинке и задумалась. Наверное, следующим танцем будет рок-н-ролл. Тоже не тот танец, который ей хотелось бы танцевать с Джеком. На этот раз она не будет ловить его взгляд. Дождется, когда снова заиграют что-нибудь плавное и медленное. Например, ее любимую «Мелодию без оков». Или «Странников в ночи». «Нежно, нежно»? Немного сентиментально, но тоже сойдет.

И тут она услышала голос Розмари. Та стояла у раковины.

Конечно, вальсы еще не кончились. Обычно их исполняли три подряд.

— Он просто прелесть, правда? — кому-то говорила Розмари. — И ужасно милый. В отличие от всех этих самовлюбленных спортсменов, которые считают себя красавцами.

Бенни не узнала голос ее собеседницы. Почему-то эта девушка считала, что Джек — бойфренд Розмари.

— Ты давно с ним встречаешься? — спросила она.

— Я с ним совсем не встречаюсь. Пока, — грозно добавила Розмари.

— А мне казалось, что он очень увлечен тобой.

У Бенни сжалось сердце.

— Кроме всего прочего, он еще и хороший танцор. Вальс — не мой конек. Я сделала вид, что подвернула ногу. На самом деле мне просто хотелось немного отдохнуть.

— Неглупо.

— Приходится хитрить. Я сказала, что потанцую с ним позже, потому что этот танец мы не закончили.

— У тебя здесь нет соперниц.

— Мне не нравится, как выглядит Нэн Махон. Ты видела ее платье?

— Платье замечательное. Но твое не хуже.

— Спасибо. — Розмари была довольна.

— И где он сейчас?

— Он сказал, что закончит тур вальсов с Бенни.

У Бенни вспыхнули щеки. Джек знал, что она осталась подпирать стенку. Знал, черт побери! Не рискнул пригласить ее на весь тур и вспомнил про старушку Бенни только тогда, когда ослепительная Розмари ушла от него.

— Кто такая Бенни?

— Эта здоровенная провинциалка. Они знакомы семьями или что-то вроде того. Когда об этом заходит разговор, она вечно темнит.

— Значит, она тебе не соперница?

Розмари засмеялась.

— Нет, не думаю. Но кем бы она ни была, у ее родителей есть деньги. Они как-то знакомы с Фоли, и платье у нее очень дорогое. Не знаю, где она его взяла, но парча смотрится потрясающе. И покрой отличный. В нем она выглядит не такой коровой. Говорит, что сшила его в своем Нокфлэше или как его там...

— В Нокфлэше?

— Неважно. В общем, в какой-то дыре. С таким же успехом можно было сшить его в Алленовой трясине^[19]...

Голоса смолкли. Девушки поправляли косметику, укладывали волосы и прыскались духами. Они были готовы вернуться в зал во всеоружии.

Бенни сидела в кабинке как каменная. Она здоровенная. Она никому не соперница. Она из тех, с кем можно закончить танец, но кого никогда не пригласят с самого начала.

Она посмотрела на часики, которые родители подарили ей на семнадцатилетие. Без пяти десять.

Бенни отдала бы все на свете, чтобы очутиться у камина в Лисбеге. Мать сидит в одном кресле, отец в другом, а Шеп смотрит на огонь и думает, что означают его узоры.

Ах, как она была бы рада, если бы сейчас в задней двери повернулся ключ, Патси возвратилась после прогулки с Мосси и сварила им всем по кружке какао. Ей не хотелось находиться в месте, где люди говорят, что она здоровенная, никому не соперница и что ее повсюду приглашают, потому что у ее родителей куча денег и потому что они дружат домами с Фоли. Не хотелось охранять стоявший на столе джин для людей, которые не желали с ней танцевать.

Но одного желания оказаться как можно дальше от места, где ее унижают, было недостаточно. Бенни решила извлечь выгоду из подслушанного. Хорошо, что ее платье кажется дорогим и отлично сшитым. Хорошо, хотя и грустно, что в нем она выглядит не такой коровой. Хорошо, что Розмари не уверена в Джеке. Хорошо, что Джек не увидел ее за столом, одинокую и брошенную, и теперь не считает себя обязанным танцевать с ней. На свете много хорошего, сказала себе Бенни Хоган, достала хлопчатобумажную тряпочку, на которую мать Нэн брызнула духами «Джой», и потеряла ее за ушами.

Сейчас она вернется в зал, и Розмари никогда не узнает, что ее жестокие и обидные реплики помогли Бенни настроиться на положительный лад и почувствовать себя более уверенно, чем прежде.

Со сцены объявили, что скоро начнется обед и что благодаря специальному разрешению архиепископа пятничный пост можно не соблюдать. Это сообщение вызвало в зале нездоровое оживление.

— Как они этого добились? — спросила Ева.

— Архиепископ узнал, что все студенты стали ангелами, и решил наградить нас, — предположил Джек.

— Нет, просто курицу легче всего готовить. Каждому по крылышку в зубы, и дело с концом. Для этой цели они специально выращивают цыплят с десятью крыльями, — сказал Эйдан.

— Я серьезно. Почему архиепископ хочет, чтобы мы ели курицу? — спросила Бенни.

— Это сделка, — объяснил Эйдан. — Устроители бала обещают не устраивать танцы в субботу вечером, которые могут затянуться за полночь и осквернить воскресенье, а взамен Церковь позволяет есть курицу в пятницу.

— Ты сбежала от меня! — нагнувшись к Бенни, сказал Джек, когда подали суп.

— Что?

— Ты сбежала. Я искал тебя, чтобы пригласить на вальс.

— Неправда, — с улыбкой ответила Бенни. — Это Розмари сбежала от тебя. Она подвернула ногу. Наверное, ты нас перепутал. Мы для тебя все на одно лицо.

Окружающие засмеялись, но Розмари даже не улыбнулась. Она подозрительно уставилась на Бенни. Откуда та знает про ногу?

Джек воспользовался случаем произнести цветистый комплимент.

— Вы совсем не на одно лицо. Но все одинаково чудесно выглядите. Я не шучу. — Он говорил это и смотрел Бенни прямо в глаза. Она улыбнулась в ответ и впервые не нашла слов, чтобы отшутиться.

Во время обеда началась какая-то суета. К их столу подошли организаторы бала и попросили Розмари и Нэн продавать билеты.

— Почему именно мы? — спросила Розмари, не желавшая покидать место рядом с Джеком. Члены оргкомитета не стали объяснять, что заставить людей покупать билеты легче, если их об этом просят красивые девушки. Нэн уже встала.

— Это благотворительное мероприятие, — сказала она. — Лично я не возражаю.

Розмари Райан очень расстроилась. Сегодня вечером все шло не так. В этом маленьком инциденте все почести достались Нэн, а сидевшая напротив дылда Бенни улыбалась ей так нахально, словно что-то знала.

— Конечно, я тоже пойду, — сказала она, поднявшись на ноги.

— Береги ногу, — сказал Джек. Розмари пристально посмотрела на него. Возможно, Фоли жалел ее, но насмешливый взгляд Бенни ей не нравился.

Человек, который считал, что может заткнуть за пояс Таба Хантера, но не сумел доказать это, теперь решил, что ему по плечу Теннесси Эрни Форд, и запел свой вариант «Шестнадцати тонн», которые Бенни терпеть не могла. Эта песня была популярна в то время, когда они готовились к выпускным экзаменам, и Майра Кэрролл ухитрялась петь ее каждый раз, когда оказывалась рядом с Бенни.

Бенни танцевала с Ником Хейзом.

— С тобой очень легко танцевать. Как будто держишь в руках перышко, — удивился он.

— Легко танцевать, если тебя правильно ведут, — вежливо ответила Бенни.

Он был ничего, Ник Хейз. Но только ничего.

Джек танцевал с Нэн.

Когда он танцевал с Розмари, почему-то это было не так обидно.

Нэн не делала для этого никаких усилий. Она нисколько не кокетничала с ним. Это должно было сводить с ума такого человека, как Джек Фоли, привыкшего ко всеобщему обожанию. На самом деле Джек и Нэн были одного поля ягоды. Раньше Бенни этого не замечала.

Оба были уверены в себе, потому что им не нужно было бороться за чье-то внимание, как, похоже, приходилось делать всем остальным. А поскольку они были уверены в себе, то могли быть милыми и добрыми. Красивая внешность позволяет человеку быть таким, каким ему хочется.

— Я нигде не вижу тебя по вечерам, — сказал Ник.

— Никто меня не видит, — ответила Бенни. — А в каких местах ты бываешь?

Ее не интересовало, где бывает Ник. Бенни просто нужно было, чтобы он говорил; это помогло бы ей забыть об ужасной мелодии, под которую они танцевали, и подумать о Джеке.

— У меня есть машина, — сказал Ник, отвлекая Бенни от мыслей о следующем танце, на который Джек наверняка пригласит ее. — Я мог бы иногда приезжать к тебе в Ноклен. Джек говорил, что ему у вас ужасно понравилось.

— Серьезно? Я очень рада. — Это внушало надежду. Это было прекрасно. — Может быть, вы как-нибудь приедете вместе, и я встречу вас обоих.

— О нет, идея заключалась совсем не в этом. Я не хочу делиться с Джеком Фоли, — насмешливо сказал Ник. — Почему ему все, а другим ничего?

Он нарочно говорил с английским акцентом, пародируя великосветское произношение. Но выходило глупо и плоско. Ник не умел смешить людей, как это делал Эйдан Линч и она сама.

Бенни пыталась справиться с болью, которую ощущала, наблюдая за танцем Нэн и Джека.

Ник Хейз смотрел на нее и ждал ответа.

— Я всегда ненавидела эту песню, — неожиданно сказала она.

— Почему? Песня как песня.

— Из-за слов.

— «Я продал душу в казенный кабак...» — пропел Ник вместе с вокалистом. — Ради бога, что в этом такого? — удивился он.

Бенни смотрела на него. Похоже, Хейз действительно не помнил первую строчку — про то, как шахтер выдал на-гора шестнадцать тонн угля, а взамен не получил ничего.

Он не чувствовал никакой связи.

Эта связь существовала только в ее мозгу. Название песни не заставило никого из присутствующих в зале покоситься на Бенни Хоган. Она должна была помнить это. И то, что Джонни О'Брайен и Ник Хейз хотели назначить ей свидание.

Ей следовало запомнить многие события этого вечера. Как и танец с Джеком, когда он все же ее пригласил.

Он пригласил ее в одиннадцать тридцать пять. Когда в зале притушили свет и вокалист

объявил, что, поскольку Фрэнки Лейн приехать не смог, он сам споет песню Фрэнки «Глаза влюбленной женщины», Джек Фоли перегнулся через стол и сказал:

— Бенни?

Они танцевали легко, словно были партнерами много лет.

Она не болтала, не несла чушь и не сыпала шуточками.

Казалось, он был рад танцевать молча.

Бенни смотрела через его плечо и видела, что люди наблюдают за ними. Джек и Бенни были одного роста, поэтому во время разговора она при всем желании не смогла бы посмотреть на него снизу вверх.

Джек слегка привлек ее к себе, и это было чудесно. Но Бенни пугало, что там, где лежала его рука, длинный лифчик кончался и начиналась мощная спина.

О господи, как заставить его поднять руку выше? На свете есть вещи, которые женщина должна знать лучше, чем «Отче наш»...

К счастью, танец кончился. Они стояли рядом и ждали начала следующего. Джек слегка отодвинулся и потрогал прядь ее волос.

— Что, выбилась? — встревожилась Бенни.

— Нет, все в порядке. Я просто представил себе, что она выбилась и у меня появился предлог прикоснуться к твоему лицу.

Как странно... Он хотел прикоснуться к ее лицу, а она весь вечер мечтала погладить его по щеке...

— Боюсь... — начала она.

Бенни хотела сказать: «Боюсь, лицо у меня такое потное, что палец прилипнет».

Но вовремя остановилась.

— Чего ты боишься? — спросил он.

— Боюсь, по сравнению с этим вечером все остальные пятницы покажутся мне смертельно скучными.

— Не критикуй Нокглен. — Он всегда говорил так. Это был их пароль.

— Ты прав. Мы понятия не имеем, что хотят сделать из нашего городка Марио и Фонси.

Певец извинился за то, что на этом вечере нет несравненного Дино, а потому он исполнит собственную интерпретацию песни Дина Мартина «Незабываемые воспоминания».

Бенни и Джек прильнули друг к другу, и на этот раз его рука оказалась немного выше.

— Ты — украшение любого вечера, — промолвил он.

— Почему ты это сказал? — Лицо Бенни не выражало владевших ею чувств. Значит, для него она не более чем массовик-затейник...

— Потому что это так и есть. Я — всего-навсего невежественный игрок в регби. У меня нет дара слова.

— Ты вовсе не невежественный игрок в регби. Ты — замечательный хозяин. Этот вечер хорош тем, что ты собрал нас вместе и пригласил к себе домой. — Когда Бенни улыбнулась, Джек крепко обнял ее и больше не выпускал.

— От тебя чудесно пахнет, — шепнул он ей на ухо.

Бенни не ответила. Она не закрыла глаза: это было бы слишком интимно. Она не смотрела по сторонам, чтобы не видеть завистливых взглядов. Ее обнимал самый желанный мужчина на этом балу. Она смотрела вниз и видела его спину, обтянутую смокингом, и волнистые волосы, падавшие на шею. Джек прижимался к ней, и она слышала биение его

сердца. Или так билось ее собственное? Она надеялась, что это его сердце, потому что пульс был слегка учащенный.

Закончилась третья песня, «Парень из Ларами», но Джек не собирался возвращаться за стол. Он ждал следующего танца.

Бенни благословляла преподавательницу, которая приезжала на побитой старой машине и учила танцевать ирландских девочек, одетых в туники. Благословляла всем сердцем, когда они с Джеком танцевали «Мамбо итальяно» и «Убежище Эрнандо». А потом они, запыхавшиеся и смеющиеся, вернулись за стол. Шейла даже не пыталась делать вид, что слушает Джонни О'Брайена, а Розмари выглядела как в воду опущенная. Нэн перехватила взгляд Бенни и показала ей большой палец. Ева, на плечах которой лежала рука Эйдана Линча, сидела напротив и улыбалась от уха до уха. Они были на ее стороне.

— Мы уже думали, что потеряли вас, — язвительно сказал Ник Хейз.

Ни Бенни, ни Джек не обратили на его слова никакого внимания. Эйдан Линч выиграл еще один приз. На этот раз им оказалась огромная коробка шоколада, которую тут же открыли. Кармел начала кормить Шона его любимыми конфетами с кофейной начинкой.

Розмари вырвала у нее коробку и протянула ее Джеку.

— Съешь одну, пока хоть что-то осталось. — Но ее движение оказалось слишком резким, и конфеты полетели во все стороны.

Бенни подняла глаза. Обычно такие вещи были в ее духе. Как чудесно, что сегодня вечером это сделала Розмари!

— Ты должен мне танец, который мы не успели закончить, — сказала Розмари, пока остальные подбирали конфеты.

— Действительно. Я бы не позволил тебе забыть об этом, — галантно ответил Джек.

Его рука по-прежнему сжимала руку Бенни. Девушка была уверена, что он пригласит ее еще раз.

И тут неожиданно объявили последний номер. Всех звали на площадку танцевать под звуки «Калифорнии».

Бенни чуть не заплакала.

Произошло невероятное. Каким-то образом Розмари Райан сумела одержать над ней верх. Именно ей предстояло танцевать с Джеком последней. Ник протянул Бенни руку; одновременно то же самое сделал Джонни О'Брайен. Ей показалось, что Джек огорчился, но, скорее всего, только показалось. Потому что когда она с Джонни О'Брайеном спустилась на площадку, Джек и Розмари кружились в танце и смеялись. Бенни не была в этом уверена, но ей почудилось, что Джек убрал волосы со лба Розмари тем же жестом, которым только что поправлял ее собственную прядь.

Она радостно улыбалась Джонни О'Брайену, а сама лихорадочно подсчитывала возможность того, что Джеку Фоли нравятся все девушки без исключения и он говорит нежные слова каждой из них. Не потому что он коварный искуситель, а потому что искренне считает, что каждая женщина имеет право на его внимание.

«Должно быть, так оно и есть», — думала Бенни. Ибо то, как Джек обнимал ее, Бенни, во время танца, было подозрительно похоже на то, как он обнимал Розмари, когда все танцевали под слова «Спокойной ночи, милая, увидимся утром».

У дверей, где собрались фотографы, чтобы сделать снимки, происходило настоящее столпотворение. Они раздавали маленькие розовые карточки с адресами ателье, где на

следующий день можно будет получить отпечатки.

Когда Джек окликнул ее, Бенни остановилась.

— Давай сфотографируемся для потомства, — сказал он.

Бенни, не верившая своим ушам, прижалась к нему.

И тут по лестнице спустилась Нэн.

— Нэн тоже, — сказал он.

— Нет-нет. — Нэн отошла в сторону.

— Брось, — сказал он. — Чем больше народу, тем веселее.

Все трое дружно улыбнулись в объектив. А потом все начали прощаться, желать друг другу спокойной ночи, говорить, что вечер удался на славу, и садиться в машины, которые организовал Джек. Ник Хейз должен был развезти по домам Бенни, Еву и Шейлу, потому что все они жили на юге. Остальные обитали в радиусе двух миль от центра города.

Нэн ехала в одной машине с Кармел и Шоном.

К ярости Розмари, ей пришлось сесть в машину Джонни О'Брайена, который жил на той же улице, что и она сама.

Кит оставила им сэндвичи и записку: «Я допоздна играла в карты, так что прошу не будить до утра».

Они бесшумно прокрались по лестнице.

— Знаешь, Эйдан Линч очень милый, — сказала Бенни, когда они начали раздеваться. — По-настоящему милый. Несмотря на все его шуточки.

— Да, но девять десятых времени он говорит на уголовном сленге. Слушать его — все равно что изучать незнакомый язык, — пожаловалась Ева.

— Кажется, ты ему очень нравишься.

— Если так, то у него не все дома. Возможно, это наследственное слабоумие. Его родители орут, как городские глашатаи. Ты их слышала?

Бенни хихикнула.

— А как у вас с Джеком? Похоже, вы поладили.

— Я тоже так думала, — грустно ответила Бенни. — Но ошиблась. Он — идеальный друг, который любит всех. Ему нравится быть центром большой компании, где хорошо всем и каждому.

— Ну, быть душой общества не так уж плохо, — сказала Ева. Она лежала в кровати, подложив руки под голову, и выглядела куда более веселой и жизнерадостной, чем несколько месяцев назад.

— Да, не так уж. Но ловить звезды нехорошо. Я должна помнить это, — ответила Бенни.

Утром их разбудила Кит.

— Бенни, тебя к телефону.

— О боже, это мои родители! — Она выскочила из постели в ночной рубашке.

— Ничего подобного. Молодой человек, — ответила Кит, одобрительно выгнув бровь.

— Привет, Бенни. Это Джек. Ты говорила, что останешься у Евы. Я узнал номер у Эйдана.

Сердце Бенни заколотилось так, что она чуть не упала в обморок.

— Привет, Джек, — ответила она.

— Может быть, встретимся во время ленча?

Слава богу, теперь она знала, что означают эти встречи. За столом соберется куча народу, а она, Бенни, будет всех развлекать.

Конечно, Джеку нравилось все время находиться в окружении друзей. Бенни была рада, что вчера вечером объяснила это Еве. Она больше не позволит себе питать несбыточные надежды.

Бенни выждала пару секунд, а потом приняла предложение. Думая, что речь идет обо всей компании.

— Нет, только о нас с тобой, — ответил он. — На этот раз мы будем вдвоем.

ОБ АВТОРЕ

Мейв Бинчи — одна из самых известных ирландских писательниц, незаурядная личность, автор выдающихся мировых бестселлеров. Ее романы, пьесы и рассказы отмечены престижными международными премиями.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Свитер с узором, типичным для жителей ирландского острова Фэр. Большинство ирландских рыбаков не умели плавать, часто тонули, и утопленников можно было опознать только по особому узору на свитере. — *Здесь и далее прим. пер.*

Карточная игра, обычно в две колоды.

Дом католического священника.

Персонаж англоязычного фольклора, аналогичный Золушке.

«Биг Бен» («Большой Бен») — название курантов на здании Парламента в Лондоне.

Клетчатая или полосатая бумажная или льняная материя из крашеной пряжи.

Игра слов. Буквально название города (Knockglén) можно перевести как «узкое ущелье, пробитое в горах». Однако на сленге глагол knock означает «критиковать».

Производное от латинского bene — «добрый, хороший».

Маленький Цветок — прозвище святой Терезы из Лизье (1873–1897).

Тюдоры — королевская династия в Англии в 1485–1603 гг., представителями которой были Генрих VII, Генрих VIII, Эдуард IV, Мария I и Елизавета I. Ирландия, завоеванная английскими феодалами в конце XII в., стала независимой республикой только в 1949 г.

Второй день Рождества, когда получают подарки слуги, посыльные и т. п.

ОКОЛО 80 КМ.

Игра слов. Выражение «Dutch party» означает и «угощение, при котором каждый платит за себя», и «сельская вечеринка, на которой танцуют в деревянных башмаках (сабо)».

Мороженое с фруктами, подаваемое в высоком стакане.

Командная игра с мячом и ракетками в виде сачков (кроссами), с помощью которых мяч забрасывают в корзину соперника.

ОКОЛО 50 КМ.

Курортный город в графстве Керри, на юго-западе Ирландии, неподалеку от одноименных озер, славящихся своей красотой.

Вест-индская синкопированная мелодия с импровизированным текстом.

Обширная заболоченная низменность между реками Шаннон и Лиффи в центральных и южных графствах Ирландии, занимающая площадь около 1000 кв. км. Основной источник торфа для тепловых электростанций.